

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

Н.Н. ШИРОБОКОВА

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ЯКУТСКОГО
КОНСОНАНТИЗМА

Ответственный редактор
доктор филологических наук Е.И. Убрятова

«НАУКА»
НОВОСИБИРСК
2001

ББК 81-1
Ш64

Рецензенты

доктор филологических наук *Н.А. Лукьянова*
кандидат филологических наук *Л.А. Шамина*
доктор филологических наук *И.Я. Селютина*

Утверждено к печати Ученым советом
Института филологии СО РАН

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(грант № 00-04-00220а) и комплексной интеграционной программы
Президиума СО РАН «Духовная культура народов Сибири
(генезис, эволюция, взаимодействие)»*

Широбокова Н.Н.

Ш64 Историческое развитие якутского консонантизма. — Новосибирск: Наука, 2001. — 151 с.
ISBN 5—02—032312—8.

В монографии рассматриваются процессы формирования системы консонантизма якутского языка. Обосновывается положение о том, что праякутский язык является тюркским языком, близким языку орхонских текстов. Принимается гипотеза о фонетической системе языка орхонских текстов как системе, находящейся в состоянии перестройки. Уделяется внимание проблеме субстрата, его роли в возникновении ряда закономерностей, сближающих якутский язык с другими языками Северо-Востока Евразии, а также проблеме якутско-монгольского двуязычия.

Работа представляет интерес для специалистов, занимающихся проблемами тюркологии и исторического языкознания.

ТП—00—II—№ 104

ББК 81-1

ISBN 5—02—032312—8

© Широбокова Н.Н., 2001
© Институт филологии
СО РАН, 2001
© Оформление. «Наука».
Сибирская издательская
фирма РАН, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена исследованию процесса формирования одной из подсистем звукового строя якутского языка — консонантизма. Якутский язык имеет длинную и сложную историю, что отразилось и на фонологической системе современного якутского языка. В настоящее время его звуковой строй достаточно полно исследован, в том числе методами экспериментальной фонетики [Дьячковский, 1971, 1977]. Целый ряд работ посвящен различным аспектам истории якутского языка. Эти труды охарактеризованы в монографиях Е.И. Убрятовой [1960а, б] и П.А. Слепцова [1983]. В данной монографии автор пытается обобщить результаты этих исследований, а также других сравнительно-исторических работ по тюркским языкам и предложить свою интерпретацию некоторых звуковых изменений, происшедших в якутском языке, и схему фонетической эволюции якутского консонантизма, обусловленной как внутренними закономерностями развития этой системы, так и внешними условиями развития якутского языка.

Сравнительно-историческая фонетика считается наиболее изученной областью тюркской компаративистики, но большая часть работ этого плана посвящена истории «отдельных фрагментов фонетической структуры тюркских языков» [Гаджиева и др., 1981, с. 212]. Поэтому изучение развития консонантной системы якутского языка имеет несомненное научное значение как для истории якутского языка, так и для тюркской компаративистики в целом. Основная

цель работы — исследовать процессы формирования состава и системы консонантных фонем якутского языка, выделить основные этапы развития этой системы. В соответствии с этим автором ставятся следующие конкретные задачи:

1. Показать близость древнеякутской фонетической системы к фонетической системе языка рунических памятников.

2. Установить процесс формирования оппозиции по звонкости-глухости в подсистеме шумных смычных согласных.

3. Определить причины и относительную хронологию разрушения древней системы проточных согласных и аффрикат.

4. Выявить роль внешних факторов в изменении звуковой системы якутского языка.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды зарубежных и отечественных языковедов по истории звуковых систем, типологии и ареальным исследованиям; применен ряд методов, используемых в диахронических исследованиях. Преобладающий метод — внешняя реконструкция на основе сравнения данных якутского языка с материалами других тюркских языков. Использовались также методы внутренней реконструкции, типовых модификаций, сравнительный и ареальный.

Целью исторического исследования является построение картины прошлого изучаемого языка, раскрывающей закономерности его развития. Звуковые системы тюркских языков при всей их близости между собой представляют разные этапы и типы развития системы, которая принимается за исходную. Различие это обусловлено действием внутренних и внешних факторов в становлении фонологической системы каждого конкретного языка, поэтому внешняя реконструкция является главным приемом в воссоздании истории младописьменного языка и представляет собой процесс постепенного снятия более поздних слоев с движением от известного через недостаточно известное к неизвестному.

Неравномерность фонетических процессов на застывших и живых морфологических швах, наличие генетической связи между некоторыми слово- и формообразовательными аффиксами дает возможность использовать метод внутренней реконструкции. Взаимодействие сравнительных и ареальных исследований настолько органично, что ареалогия часто определяется как применение выводов лингвогеографии к сравнительно-генетическим исследованиям. Для истории якутского языка использование ареальных методов является очень важным, так как многие коренные изменения его системы связаны с субстратно-суперстратными отношениями. Вторичность этих изменений исключает возможность общих инноваций в предшествующий период в сравниваемых языках. Для доказательства правильности предлагаемой реконструкции иногда бывает необходимо обратиться к фактам неродственных языков (например, данные о неустойчивости δ), т.е. к данным типологии.

Материалом исследования послужила картотека объемом 7 тыс. единиц, составленная на основе выборки из словарей, монографических описаний и статей по якутскому языку, древним и современным тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. Привлекались к исследованию данные «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ), в работе над которым принимал участие автор. Материалы «Диалектологического атласа» позволили уточнить соотношение процессов деаффрикатизации в центральной группе тюркских языков и в якутском языке, развитие анлаутного j , судьбу сверхслабых β , γ , δ . Внешние факторы, такие, как территориальная удаленность языков, потерявших контакты в далеком прошлом, вхождение языков в общие ареалы с языками других семей, определили дискретность многих однопольных изменений, происходивших в тюркских языках центральной группы и в якутском языке.

В работе впервые выделяются основные этапы развития фонологической системы согласных якутского языка:

1. Древнеякутский язык (первый этап) имел звуковую систему близкую, но не тождественную той, которая зафиксирована в древнейших рунических памятниках. В последних представлена система согласных, включающая следующие группы: непроточные шумные *p, t, č, q*, смычные сонорные *m, n, ŋ*, проточные шумные *s, š*, проточные сонорные *j, l, r, z, ʃ*, несмычные нешумные *β, *ð, y, ʒ*. Подсистема несмычных нешумных типологически неустойчива, она разрушается уже в древнетюркском: **ð* совпадает с *d*. В древнеякутском эти изменения имеют несколько иной характер: *ð > t*, в анлауте употребляется не *j*, а *ʒ*.

2. Второй этап характеризуется развитием тенденции к ослаблению напряженности, что проявляется в позиционном озвончении в периферийных группах смычных шумных, распаде системы несмычных нешумных в интервокальной позиции. Эти изменения начинаются в период контактного развития якутского языка с другими тюркскими языками Сибири.

3. Третий этап связан с действием субстрата во время пребывания якутов на территории циркумбайкальского языкового союза: это переход *s- > fi- > ø*, *j- > s-*, *č > s* и изменения дистрибуции заднеязычных и увулярных согласных.

4. Перестройка системы согласных под влиянием якутско-монгольского двуязычия на территории современной Центральной Якутии: 1) формирование оппозиции шумных по звонкости-глухости в анлауте и инлауте в группе центральных согласных как результат изменения правил сочетаемости согласных на морфемных швах и в неразложимых основах; 2) завершение распада группы несмычных нешумных согласных в ауслауте; 3) формирование группы среднеязычных согласных: *č — š — ʒ*.

5. Изменения, связанные с действием тунгусского субстрата, — переход *-s- > -h-*, формирование территориальных особенностей в системе консонантизма: 1) переход вторичного *s- > fi-*; 2) ослабление процесса спирализации в системе заднеязычных и уву-

лярных; 3) формирование локальных особенностей ассимиляции групп согласных в основах.

История якутского языка, так же как история тюркских языков Сибири, была одной из центральных проблем, которой занималась Е.И. Убрятова.

В 1932 г. Е.И. Убрятова работает на Таймыре. На заполярном станке Часовня Норильско-Пясинского кочевого совета, где она стала учительницей начальной национальной школы-интерната, происходит ее знакомство с долганским языком, которым она быстро овладевает. Но Е.И. Убрятовой ясно, что по-настоящему понять этот язык невозможно без научного исследования, и в 1934 г. она поступает в аспирантуру при Ленинском институте народов Севера. Так как в то время еще не было установлено, относится ли долганский язык к тунгусским или тюркским, то Е.И. Убрятова начинает свои занятия у Г.М. Василевич, крупного специалиста по тунгусо-маньчжурским языкам, а продолжает их у выдающегося тюрколога С.Е. Малова. В 1940 г. Е.И. Убрятова за работу «Язык норильских долган» получает степень кандидата филологических наук. Следствием работы над долганским языком и явился интерес к якутскому языку, от которого отделился когда-то язык долган. Необходимость определить корни долганского языка, сопоставление его с якутским вывели Е.И. Убрятову на ряд проблем, связанных с историей формирования не только долганского языка, но и тюркских языков вообще.

Е.И. Убрятова всегда подчеркивала, что для понимания истории тюркских языков важно изучение процессов тюркизации иноязычных народов и «вторичной тюркизации», т.е. явления, когда какой-то тюркский язык благодаря господствующему положению его носителей побеждает во взаимодействии с родственными тюркскими языками.

Процесс тюркизации у долган Е.И. Убрятова могла наблюдать непосредственно. Ядро долганской народности сложилось задолго до миграции на Таймыр. Отличие тюркского языка этой группы от якутского

столь значительно, что Е.И. Убрятова [1985б] отнесла начало формирования основы долганского языка к периоду не позднее конца XVI в. Б.О. Долгих [1963] выделял у долган девять этнографических групп, среди которых были долганы, эвенки, якуты, затундренные крестьяне, энцы. Переход этих групп на долганский язык продолжался и во время пребывания на Таймыре Е.И. Убрятовой: в Норильско-Пясинском кочевом совете было две-три семьи, в которых представители старшего поколения не владели долганским языком и говорили на своем родном (эвенкийском, русском), их дети были двуязычны, а третье поколение владело уже только языком долган [Убрятова, 1985б, с. 12].

Смена языка происходит вследствие этногенетического процесса. Язык в этом случае служит средством закрепления его результатов. Переход народа на другой язык — длительное и сложное явление. На новый язык могут переходить несколько соседних народов, и тогда складывается либо новый язык со сложной диалектной системой, либо группа родственных языков. Примером таких переходов Е.И. Убрятова [1985а, с. 45] считала языковой ландшафт Узбекистана, Башкирии, Хакасии. Но только распространения тюркского языка в иноязычной среде мало для формирования нового тюркского языка или диалекта: Е.И. Убрятова отмечала и у долган и у якутов случаи, когда даже массовый переход на долганский или якутский язык иноязычного населения не повлек за собой формирование нового диалекта.

Е.И. Убрятова имела возможность наблюдать, как представители различных народностей (эвенков, нганасан, энцев) присоединялись к долганам, усваивали их уклад жизни, переходили на долганский язык. Если это были дети или подростки, то у них не оставалось даже акцента. То же самое замечено ею и у эвенков, перешедших на якутский язык.

Переход на якутский язык отдельных представителей иноязычного населения протекает постоянно и новых диалектов не дает. Влияние языка-субстрата на

суперстрат имеет место либо в условиях длительного массового двуязычия, либо при переходе на тот или иной язык целой группы населения, которая живет изолированно [Убрятова, 1960а, с. 13].

Проявление особенностей языка-субстрата может происходить на разных языковых уровнях. Наиболее «ожидаемый» уровень — лексический. В работе Е.И. Убрятовой большое внимание уделено изменению семантической структуры слов в языках, имеющих тесное взаимодействие, синхронное или диахронное, с языками других семей.

Изменение значения якутского слова у долган могло происходить под влиянием семантики аналогичного слова в эвенкийском языке. Как пример расширения значения якутского слова под влиянием эвенкийского Е.И. Убрятова рассматривает изменение в долганском языке значения слова *сугун* 'голубица', в этом же значении оно известно в языке норильских долган, в остальных группах долган это слово имеет значение 'ягода (вообще), голубица', *күөк һугун* 'голубая ягода' или *көгөркөй һугун*. В эвенкийском название голубицы *диктэ* служит названием ягоды вообще, а не наоборот, что подтверждают производные слова от *диктэ* 'ягода, голубица' — *диктэвми* 'посинеть', *диктэмэ* 'синий, серо-синий'.

Еще более яркий пример перестройки семантики тюркского слова по эвенкийскому типу — *эмий* 'женская грудь', у долган оно приобретает еще одно значение 'молоко' (як. *үүн*), так как в эвенкийском слово *укун* имеет значение 'женская грудь; вымя; женское молоко'. Предки современных долган, восприняв тюркское слово *эмий*, придали ему все значения аналогичного эвенкийского слова [Убрятова, 1966, с. 57—58].

Язык-субстрат может проявиться и в изменении тенденции развития какого-либо уровня языка: так, восприняв фонетическую систему якутского языка, долганский «не понял» действие гармонии гласных.

Якутские дифтонги в долганском превратились в дифтонгоиды, которые часто переходят в широкие или узкие гласные часто нормальной длительности:

ола 'сын его' // як. *уола*; *кэмкнит* 'мы найдем', но *кэлиэге* 'пойдет он' // як. *кэлиэхнит*, *кэлиҕза*; *онуҕа* ~ *онуҕа* 'на то' // як. *онуохаҕ*. В якутском языке гармония гласных идет по первому компоненту дифтонга, поэтому после *уо* возможна *а*, после *уө* — *э*. Переводя дифтонг *уо* в широкий гласный *о*, долганский язык сохранил в вокальной цепочке якутскую последовательность гласных, но она уже чисто механическая. Это говорит «об омертвлении закона гармонии гласных» [Убрятова, 1985б, с. 46].

Блестящий анализ воздействия субстрата на перестройку фонетической системы якутского языка содержит статья Е.И. Убрятовой «Некоторые древние ареальные явления в языках народов Сибири» [Убрятова, 1985а, с. 18—22].

Некоторые общие явления могут существовать в языках, относящихся к разным языковым семьям и расположенных на обширных контактных территориях. Примером такой общности служит особенность состава согласных якутского языка, отличающая его от других тюркских языков, — это бедность системы проточных согласных при полном составе смычных, обогащенных к тому же рядом среднеязычных смычных *дь*, *ть*, *нь*. Бедность состава проточных шумных согласных свойственна всем языкам севера Сибири, относящимся к разным группам:

1) тунгусо-маньчжурской: а) эвенкийский: *в*, *с*, *й*, *х*, (*з*), *л*; б) эвенский: *в*, *с*, *й*, (*з*), (*х*); в) орокский и ороцкий: *в*, *с*, *й*, *х*, (*г*); г) удэгейский: *ф*, *в*, *с*, (*з*), *й*, *х*, *х*; д) маньчжурский: *в*, *ф*, *ш*, *й*, *к*.

2) палеоазиатской: а) чукотский: *w*, *p*, *й*, *з*; б) корякский: *w*, *й*, *в*, *з*, *л*; в) алюторский: *в*, *w*, *с*, *й*, *з*; г) ительменский: *w*, *в*, *с*, *з*, *х*, *г*; д) юкагирский: *w*, *с*, *й*, *з*.

В большинстве языков народов, живущих в северной части Сибири и примыкающих к ней районах, переднеязычные шумные проточные представлены одним *с*. В чукотском, корякском, керекском языках нет и его. Звук *з* отмечен только на крайнем востоке ареала в эскимосском языке и на юго-востоке — в

ительменском, а *ш* — на крайнем западе у хантов и на крайнем востоке у эскимосов. Межзубное *д* как вариант *с* встречается лишь в алеутском (табл. 1).

Указанные фонетические особенности, распространенные на больших территориях севера и востока Сибири, были в разное время усвоены языками народов, продвигавшихся на эту территорию. Предки якутов, относительно поздно появившиеся в Ленско-Алданском междуречье, восприняли их от эвенков. Отмеченные ареальные особенности (кроме структурных черт Е.И. Убрятова рассматривает отношение с *h*, строение аффрикат) могли принадлежать языкам древних аборигенов Сибири [Убрятова, 1985а, с. 20].

Таблица 1

Система согласных в языках Северо-Восточной Азии

Согласные		Губные	Перед- неязыч- ные	Средне- языч- ные	Задне- языч- ные	Увуляр- ные	Фарин- гальные
Эвенкийский язык (по [Константинова, 1964])							
Смычные	Шумные	<i>б, п</i>	<i>д, т</i>	<i>д', ч, (м')</i>	<i>ч, к</i>	—	—
	Сонанты	<i>м</i>	<i>н</i>	<i>н'</i>	<i>h</i>	—	—
Щелевые	Шумные	<i>w</i>	<i>с</i>	—	—	<i>χ (ζ)</i>	<i>h</i>
	Сонанты	—	<i>л, л'</i>	<i>й</i>	—	—	—
Эвенский язык (по [Новикова, 1980])							
Смычные	Шумные	<i>б, п</i>	<i>т, д</i>	<i>д', ч</i>	<i>г, к</i>	<i>(ζ)</i>	—
	Сонанты	<i>м</i>	<i>н</i>	<i>н'</i>	<i>h</i>	—	—
Щелевые	Шумные	<i>w</i>	<i>с</i>	—	—	—	<i>h</i>
	Сонанты	—	<i>р, л'</i>	<i>(л')</i>	—	—	—
Юкагирский язык (по [Крейнович, 1968])							
Смычные	Шумные	<i>б, п</i>	<i>д, т</i>	<i>д', т'</i>	<i>г, к</i>	—	—
	Сонанты	<i>м</i>	<i>н</i>	<i>н'</i>	<i>h</i>	—	—
Щелевые	Шумные	<i>w</i>	<i>с</i>	—	—	—	<i>h</i>
	Сонанты	—	<i>л, р, л'</i>	<i>й</i>	—	—	—
Кетский язык (по [Крейнович, 1968])							
Смычные	Шумные	<i>б, п</i>	<i>д, т</i>	—	<i>г, к</i>	—	—
	Сонанты	<i>м</i>	<i>н</i>	—	<i>h</i>	—	—
Щелевые	Шумные	<i>(в)</i>	<i>с</i>	—	<i>χ</i>	<i>г, ζ</i>	<i>(h)</i>
	Сонанты	—	<i>л, р</i>	<i>й</i>	—	—	—

При всем своем своеобразии долганский язык является ответвлением якутского. И на многие годы якутский язык становится основным объектом исследований Е.И. Убрятовой. Среди других проблем она занимается историей якутского языка в различных ее аспектах: 1) сравнение якутских форм с аналогичными формами древних и современных языков; 2) анализ одной определенной формы по различным источникам данного языка; 3) сравнение с неродственными языками [Убрятова, 1985а, с. 4]; 4) изучение взглядов О.Н. Бётлингга, В.В. Радлова и др. на историю якутского языка. В результате этих исследований описаны история отдельных форм и слов, формирование систем (фонетической, системы глагола), подсистем, история языка.

Как пример истории отдельного слова, отдельной грамматической категории можно провести анализ формы притяжательного местоимения в долганском языке и соответствующих ей форм в якутском.

В языке долган есть форма притяжательного местоимения, образуемая из сочетания личного местоимения со словом *гиэн* 'принадлежащий, принадлежность' и с притяжательным аффиксом: *мин гиэним* 'мой, мне принадлежащий', *эн гиэник* 'твой, тебе принадлежащий', *гинн гиэнэ* 'его, ему принадлежащий' и т.д.

В якутском языке выделяют только форму *кини киэнэ* 'ему принадлежащий' и *кинилэр киэннэрэ* 'им принадлежащий, принадлежащие'. Эти формы в якутском языке рассматриваются как сочетания личных местоимений с частицей *киэнэ*, образующей притяжательные формы имен [Петров, 1978, с. 126].

Е.И. Убрятова определила эту форму в якутском как притяжательное местоимение, оставшееся от полной парадигмы, сохранившейся у долган. Долганское притяжательное местоимение *мин гиэним* похоже на лично-возвратное местоимение древних и современных тюркских языков (др.-тюрк. *өзүм*, хак. *позым*, алт. *бойум*, тув. *бодум*, як. *бэйэм* 'я сам'). Слово *өз* возводится к именной основе 'самость; сердцевина', *бод*

‘тело, самостоятельность’, с определением, выраженным личным местоимением.

В якутском языке есть слово *киэн* ‘1) украшение, красота, важность; 2) уважение, почет’. С некоторой натяжкой можно усмотреть в слове *киэн* значение ‘собственность’. Наличие этой семантики подтверждается тем, что Н.С. Григорьев [1938] использовал это слово в терминах «притяжательное имя» — *киэн аат* и «притяжательное местоимение» — *киэн солбуй-ар аат*. Это позволило Е.И. Убрятовой сопоставить долганское *мин гиэним* ‘мой собственный’ с древнетюркским *kentüm* ‘1) сам; 2) свой, собственный’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 298], турецким *kendi* ‘сам’. Но исследовательнице долго не удавалось объяснить компонент *-tü- ~ -di* в древних лично-возвратных местоимениях. Особенно трудно было объяснить форму *kensi* ‘сам’ в «Codex Cumanicus» [Grönbech, 1942, S. 138]. Е.И. Убрятова высказала предположение, что *tü, dü, si* не были аффиксами, а относились к основе слова.

Соответствие *t ~ s* известно в тюркских языках, так же как и выпадение одного из компонентов в сочетании сонорный + шумный (ср., например, кирг. *оптур*, як. *олор*, турк. *отур* ‘сидеть’). Это предположение нашло подтверждение в карачаево-балкарском языке, где выделено лично-возвратное местоимение *кес-и* ‘сам’, восходящее к команскому *kens-i* ‘сам’, т.е. сохранилась основа *kes-i* с выпавшим *n* [Хабичев, 1961, с. 62—65]. В памятнике «Изысканный дар тюркскому языку» [Фазылов, Зияева, 1978, с. 45, 321—322] приведены и сами основы: *känd* ‘сам’, *kändi* ‘1) сам; 2) он, она’, *känc* ‘сам’. До XVI в. — время, которым Е.И. Убрятова датирует отделение тюркоязычных предков долган от остального массива якутского языка — последний имел эту форму притяжательного местоимения, которая сохранилась в долганском языке.

Происхождение якутского языка — одно из наиболее разработанных направлений в исторических исследованиях Е.И. Убрятовой, к этой теме она возвра-

щалась в течение всей своей жизни. Она показала, как в результате взаимодействия древнего тюркского языка, близкого к языку орхонских текстов, с другими древними тюркскими языками, через длительное двуязычие с неким монгольским языком и вследствие распространения этого языка в тунгусоязычной среде складывался современный якутский язык со всеми его особенностями.

В отличие от большинства якутоведов, которые, опираясь на древнекитайские источники, где предки якутов — курыканы — назывались членами союза телесских племен, считают древнеякутский язык близким древнеуйгурскому, Е.И. Убрятова доказывала близость якутского языка к языку орхонских памятников. В области фонетики это: а) наличие среднеязычного *ь*; б) соответствия *й ~ й̃ ~ нь* в определенном круге слов; в) глухие согласные в аффиксах после конечной гласной основы. В области морфологии: а) большая дифференцированность частей речи по сравнению с современными тюркскими языками; б) структура парных слов с полным параллелизмом формы компонентов, в том числе и глаголов; в) система приемов усиления лексического значения основ посредством ее повторения в производной форме — в якутском языке имеются все типы усилительных оборотов, имеющих в орхонских памятниках; г) наличие падежного аффикса винительного падежа *-ын* в лично-притяжательном склонении; д) смещение тюркской падежной системы: исчезновение родительного падежа, переосмысление местного падежа в частный. Это можно оценить как развитие тенденций, имевших место в языках орхонских памятников (случай употребления дательного падежа вместо местного, местного вместо исходного, непоследовательное употребление родительного падежа).

Наиболее ярко связь между орхонским и якутским языками прослеживается в системе глагольных форм:

1) причастие *-ар ~ -ыыр* в якутском языке входит в парадигму настоящего времени, образуя формы 3-го л. мн.ч.:

2) сохраняется аффикс *-max* (< др.-тюрк. *duq*), показатель особого наклонения, выражающего действие, совершение которого является естественным следствием предыдущего, — в грамматике якутского языка оно названо предположительным наклонением;

3) якутский активно использует форму на *-быт* (< др.-тюрк. *тѳѳ*);

4) сохраняет форму условного наклонения на *-тар* (др.-тюрк. *-sar*) и т.д.

В области синтаксиса это — однотипное оформление однородных членов предложения, наличие конструкции причастного изафета, оформление подлежащего в подчиненном предложении с помощью аффиксов принадлежности и т.д. [Убрятова, 1960б, с. 2—5].

Место монгольских и тунгусо-маньчжурских элементов в якутском языке определено линией развития, которую якутский язык унаследовал от тюркского языка-предка. Монгольское влияние прослеживается не только в большом количестве лексических заимствований — по подсчетам В.И. Рассадина, в якутском языке обнаружено около 2500 слов монгольского происхождения (для сравнения: в тувинском — 2200, алтайском — 830, тофаларском — 500, хакасском — свыше 400, шорском — 200, в языках сибирских татар — 80, в языке тюрков Чулыма — 40) [Рассадин, 1980, с. 91—93]. Взаимодействие с монгольским языком привело к ряду важных преобразований в области фонетики: 1) восстановление в системе согласных *дь* и *ч*; 2) переход смычных увулярных в проточные; 3) переход ауслатного *-с* (< *-s_l -z_l -š*) в ряде аффиксов в *-m*; 4) влияние на становление системы вторичных долгих гласных и дифтонгов.

Из монгольского языка в якутский проникла система образных звукоподражательных слов со своей системой видов. В монгольских заимствованиях значительную часть составляют глаголы, что говорит о длительном якутско-монгольском двуязычии, так как тюрки глагол не заимствуют.

Под влиянием тунгусо-маньчжурских языков произошло:

1) обогащение системы смычных, которая приняла симметричную форму;

2) исчезновение тюркских проточных *з, ж, ш* и переход их в *с*;

3) переход *с* в *h* в интервокальном положении [Убрятова, 1960а, с. 77].

Во взаимоотношениях якутского с этими языками Е.И. Убрятова выделила несколько этапов:

I. Период формирования якутского языка со всеми особенностями его грамматического строя. Это время длительного совместного проживания неизвестного древнего народа, говорившего на языке, близком языку орхонских памятников, с какими-то монголо- и тунгусоязычными группами.

II. Переход монгольских и тунгусских групп на тюркский язык. В конце этого периода складываются два основных диалекта якутского языка — окающий и акающий, что связано с установлением гармонии гласных нового типа (в языке орхонских памятников в позиции непервого слога гораздо чаще, чем в современных тюркских языках, встречались узкие огубленные гласные).

III. Время распространения якутского языка за пределы Ленско-Алданского междуречья, формирование новых групп на Вилюе, Олёкме, Колыме.

Доказывая близость тюркского языка, на основе которого формировался якутский, к языку орхонских памятников, Е.И. Убрятова выделила также ряд форм, которые указывают на длительные контакты древнего якутского языка с языком других древних тюркских народов — с древнеуйгурским и древнекыргызским. В большинстве классификаций тюркских языков в качестве их языковой основы используются данные фонетики. Е.И. Убрятова считала, что фонетические особенности не всегда являются надежными свидетельствами генетической связи языков, более устойчивыми являются морфологические признаки, а среди них — система глагольных форм.

Особенности древнетюркско-орхонского языка хорошо известны из сохранившихся памятников. В якутском базовые элементы языка имеют не единичный, а системный характер, но ряд форм может быть объяснен только из других древнетюркских языков. В отличие от древнетюркского языка древних уйгуров, создавших Уйгурский каганат, и древних кыргызов не отражены в письменных текстах, так как на ранних этапах своей истории они писали на древнетюркском языке, который выполнял роль «степного койне». Уйгурский язык известен по более поздним памятникам, созданным уже на другой территории — в Восточном Туркестане, но сибирские языки, особенно тофский и тувинский, обладают рядом особенностей, напоминающих письменный древнеуйгурский язык. Е.И. Убрятова высказала предположение, что язык древних уйгуров Уйгурского каганата был похож на уйгурский язык письменных текстов, так как следы последнего присутствуют в тюркских языках Южной Сибири «в немногочисленных, но очень специфичных явлениях, который можно отнести к грамматическому строю древнего уйгурского языка» [Убрятова, 1985а, с. 26] (табл. 2).

Отсюда видно, что якутский и южносибирские языки сохранили разные формы, которые могут быть возведены к древнеуйгурскому. Следовательно, древнеякутский язык имел прямые контакты с древнеуйгурским, а не заимствовал эти формы через язык-посредник. Наиболее близкие параллели между формами, которые восходят к формам древнеуйгурского языка, Е.И. Убрятова выделила в тофском, тувинском, якутском и хакасском — например, разные рефлексы древнеуйгурской формы *-йук*. К этой форме она возводила якутское утвердительное наклонение *-ыһык* и наклонение обычно совершаемого действия *-ааччык*.

Сохранил якутский язык и формы, маркирующие другой древний тюркский язык, также не оставивший своих письменных памятников, — древнекыргызский, вокруг которого давно идет полемика среди

Таблица 2

Древнеуйгурские глагольные формы в тюркских языках Сибири

Др.-уйг.	Як.	Тоф.	Тув.	Шор.	Хак.	Тел.	Алт.
- <i>yi</i> - <i>yusi</i> <i>joq</i>	- <i>ya</i> - <i>yam</i> <i>суох</i>	—	—	—	—	—	—
- <i>yi</i> <i>kerek</i>	- <i>ya</i> <i>кэрэх</i>	—	—	—	—	—	—
- <i>yi</i> <i>teg</i>	—	- <i>гы дэг</i> - <i>баа дэг</i>	- <i>гы дег</i>	- <i>гадыг</i> - <i>баадыг</i>	- <i>гадыг</i> - <i>паадыг</i>	- <i>гадый</i> - <i>багыдый</i>	- <i>гадый</i> - <i>багадый</i>
- <i>jiq</i>	—	- <i>чык</i> - <i>чжык</i>	- <i>чык</i>	—	- <i>чык</i>	—	—
- <i>таjiq</i>	—	- <i>бачжык</i> - <i>бейик</i>	- <i>бажык</i>	—	- <i>мажык</i>	—	—
Др.-уйг.	Як.	Тоф.	Тув.	Хак.	Шор., чулым., тел., алт.	Кирг.	
- <i>ji</i>	—	- <i>чык</i>	- <i>чык</i>	- <i>чых</i>	—	—	
- <i>таji</i>	—	- <i>бачжык</i> - <i>бейик</i>	- <i>бажык</i>	- <i>мажык</i>	—	—	
- <i>ijiq</i>	—	<i>иик</i>	<i>ийик</i>	- <i>чых</i>	—	—	
	—	- <i>ан ийик</i>	—	- <i>занчых</i>	—	—	
	- <i>айык</i>	- <i>гайник</i>	—	- <i>дычых</i>	—	—	
	- <i>ыыһык</i>	—	—	—	—	—	
	- <i>ааччык</i>	—	—	—	—	—	
- <i>ča</i>	—	—	—	- <i>чы</i>	—	- <i>чы</i>	
- <i>čī</i>	- <i>сы</i>	—	—	—	—	<i>уучу</i>	
	- <i>ыһы</i>	—	—	—	—	<i>оочу</i>	
	- <i>ааччы</i>	—	—	—	—	—	

лингвистов и историков. Е.И. Убрятова выделила три аспекта этой проблемы, выясняющих какое отношение имеет древнекыргызский язык к а) языку енисейских памятников; б) современным тюркским языкам Южной Сибири; в) современному киргизскому языку.

Можно считать установленным, что енисейские памятники, оставленные кыргызами, написаны на древнем литературном языке орхонских тюрок. Но сопоставление материалов современного киргизского языка и тюркских языков Сибири указывают на их

Таблица 3

Некоторые причастные и деепричастные формы в языках Сибири

Як.	Тоф.	Тув.	Шор.	Хак.	Чулым- тюрк.	Тел.	Кирг.
—	-ган	-ган	-ган	-ган	-ган	-ган	-ган
—	-баан	-бан	-бан	-баан	-баан	-баан	—
—	—	—	-чатхан	-чатхан	-атан	-чатан	
-а илик	—	-калак	-калак	-халах -аалах	-калак	-калак	-а елек
-аат	-гаш	-гаш	—	—	—	—	—
-ааччы	—	—	-аачы -аатчы	—	—	—	—

близкое родство. Особенно интересной представлялась Е.И. Убрятовой близость причастных и деепричастных форм, определяющих структуру глагола (табл. 3).

Наиболее показательна система вторичных причастных форм. В якутском языке отсутствуют вторичные формы, созданные на базе причастия на *-ган*, что еще раз подчеркивает его раннюю изоляцию от других тюркских языков Сибири.

Характер распространения глагольных форм в тюркских языках Сибири привел Е.И. Убрятову к выводу о наличии трех источников существования тюркских языков на этой территории. Следы древних тюркских языков — орхонско-тюркского, древнеуйгурского и киргизского — присутствуют в современных тюркских языках в разной степени и относятся к разному времени. Более поздние воздействия перекрывают более ранние. Можно предположить, что сначала на этой территории появился огузский язык орхонского типа, несколько позднее или одновременно с ним распространялся древнеуйгурский язык, который вступал во взаимодействие с близкородственным орхонским языком. Но все современные тюркские языки Сибири по характеру своей глагольной системы — кыпчакские, а так как современный киргизский язык относится к этой же группе, то вполне правомерна выдвинутая Е.И. Убрятовой гипотеза о том, что ис-

точником кыпчакизации сибирских языков был древнекыргызский язык.

Уйгурские элементы в сибирских языках идут через тувинский и тофский, а затем хакасский на север к чулымским тюркам и сибирским татарам. По мере продвижения на запад эти черты постепенно видоизменяются и исчезают, а киргизские элементы входят через алтайский и распространяются далее на восток и на север [Убрятова, 1985а]. Тема образования языков в результате распространения тюркского языка (языков) в иноязычной среде всю жизнь оставалась в центре внимания Е.И. Убрятовой.

Исходя из концепции Е.И. Убрятовой об огузском характере древнеякутского языка и большой его близости к языку орхонских памятников, правомерно принять древнетюркскую фонологическую систему как точку отсчета при определении динамики развития якутской фонологической системы.

Глава 1

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Типы фонологических систем

Тезис о трехсторонней причинной обусловленности фонологических изменений сформулировал А. Мартине, говоря о взаимодействии функционального, структурного и субстантного факторов [Мартине, 1960]. Тем самым им предложен системный подход к анализу истории языковых подсистем, поскольку понятие системы подразумевает именно сложную взаимосвязь перечисленных сторон изучаемого явления. Под структурой системы понимаются отношения между ее элементами; субстантный фактор — чисто фонические особенности звуковых элементов, образующих эту структуру; функциональный фактор связывает элементы фонологического уровня с другими языковыми системами, обеспечивая достаточное количество звуковых оболочек для значимых единиц. Система динамична благодаря взаимодействию всех этих факторов. Накапливающиеся в системе различия могут являться причиной ее перестройки.

Н.И. Стеблин-Каменский считал, что причины фонологических изменений связаны в первую очередь с субстантным фактором, и искал причины фонологических изменений на уровне аллофонического варьирования. Изменение функциональной нагруженности фонем или фонотактических закономерностей оформления морфем тоже могут послужить толчком к перестройке фонологической системы (см. ниже о переносе фонотактических закономерностей, присущих корневой морфеме, на словоформу в целом).

Таким образом, системная фонология при оценке фонологических систем и поиске причины их изме-

нения ставит своей целью учет всех трех аспектов звуковых систем: субстантного, структурного и функционального в их взаимосвязи и взаимодействии [Плоткин, 1982, с. 4—10].

Если провести оценку фонологических систем Сибири по ряду параметров, отражающих особенности их субстантной базы и фонологической структуры, а также определенные функциональные особенности (под ними в данном случае понимается взаимодействие фонетического уровня с другими языковыми уровнями, т.е. способность фонем образовывать оболочки для единиц морфологического и лексического уровней, что на уровне фонологической системы связано с возможностью ее употребления в разных позициях), то мы сможем объяснить некоторые противоречия, возникающие при определении типа языка по широкому кругу данных и особенностей развития некоторых фонетических подсистем. Так, якутский язык, по определению Е.И. Убрятовой, является «сверхогузским». В то же время в развитии консонантной системы шумные согласные якутского языка развиваются по кыпчакской модели. Южносибирские языки, кыпчакские по системе глагола, сохраняют некоторые огузские черты в фонетической системе, например, древнетюркский ауслуатный ү. Чтобы разрешить это несоответствие, попробуем оценить тюркские языки Южной Сибири по вышеназванным параметрам.

Структурный параметр. По широко распространенному в тюркологии мнению, фонетические системы тюркских языков обладают значительным сходством, имеют «простую и ясную архитектуру, постоянную в своих основных чертах» [Vajen, 1959, 11—21]. Структурные схемы, представляющие звуковые системы тюркских языков, варьируются незначительно (см., например, таблицы классификации согласных [Тюркские языки, 1966, 1997]). Все сибирские языки обладают одной общей структурной особенностью: наличием особого локального ряда среднеязычных. Но относительная близость структурной организации фо-

нетических систем тюркских языков связана со значительными различиями функциональных и субстантивных характеристик составляющих их элементов.

Субстантивный параметр. На базе субстантивных различий, присущих тюркским языкам, В.М. Наделяев предложил классификацию согласных в тюркских языках, построенную на их фоническом качестве: система оппозиций по напряженности, долготности, звонкости-глухости и придыхательности. Эта классификация, несмотря на ее субстантивную базу, может рассматриваться как системная, поскольку данные В.М. Наделяева демонстрируют взаимозависимость фонического качества согласных и степени их функциональной свободы. Фонический признак оказывается связанным со структурными и функциональными особенностями соответствующих систем. В Сибири представлены три типа из четырех возможных: в якутском оппозиция шумных развертывается по звонкости-глухости, в тувинском и тофском — по напряженности, в хакасском, алтайском, шорском — по долготности.

Функциональный параметр. Н.К. Дмитриев делил тюркские языки (по синтагматическим закономерностям употребления шумных согласных) на языки со связанным анлаутом и с относительно свободным анлаутом. Если в систему оценки включить и другие позиции (инлаут и ауслаут), то можно выделить языки, в которых шумные согласные противопоставлены во всех возможных позициях — анлауте, инлауте и ауслауте — среди тюркских языков Сибири это тофский (тофаларский) язык, анлауте и инлауте — якутский, анлауте — тувинский, инлауте и ауслауте и только в инлауте — алтайский, шорский и др.

Распределение тюркских языков Сибири между двумя последними группами зависит от того, как определяется статус первичного γ — как шумного (например, в диссертации Н.А. Мандровой по языку чалканцев) или как малозумного [Селютина, 1983, с. 155]. Учитывая явно вторичный характер оппозиции шумных в анлауте якутского языка и включение

первичного γ в систему малошумных, можно условно разделить тюркские языки Сибири на две группы: языки, в которых оппозиция шумных представлена не только в инлауте, и языки, в которых она представлена только в инлауте. По этому основанию в первую группу войдут тофский и тувинский языки, во вторую — все остальные языки Сибири.

Языки первой группы традиционно сопоставляются с языками Восточного Туркестана и юго-западной (огузской) группой тюркских языков, которые также имеют более сложную систему модальных оппозиций в подсистеме шумных согласных. Наибольшее внимание обычно привлекает наличие в анлауте шумных звонких (или ленисных) согласных, так что проблема развертывания оппозиции шумных понимается как проблема озвончения тюркского анлаута.

Все языки этой группы характеризуются общей особенностью субстантной базы — оппозиция шумных согласных строится по степени напряженности, силе-слабости или (Восточный Туркестан) придыхательности. В языках второй группы шумные согласные противопоставляются по звонкости-глухости (якутский язык) или по долготе-краткости (алтайский, хакасский). Такая связь явно не случайна и может быть ключевой при определении исторической динамики языковых систем.

Из табл. 4 видно, что якутский язык по большей части параметров совпадает с алтайским, шорским и хакасским. Но для якутского, тофского и тувинского существует последовательная система соответствий между гласными: долгие гласные якутского языка соответствуют кратким гласным тофского и тувинского, а краткие гласные якутского языка — фарингализованным гласным тофского и тувинского. Фарингализованные гласные тофского языка являются позиционными вариантами фонем, возникающими перед сильными согласными.

Наличие зависимости между качеством гласного и согласного четко прослеживается в языках уйгуро-уряньхайской группы (табл. 5).

Таблица 4

Сопряженность фонических и функциональных признаков согласных в тюркских языках Сибири

Показатель	Алт. южн.	Алт. сев.	Шор.	Хак.	Тув.	Тоф.	Як.
Фоническая база оппозиции шумных	Долготность	Долготность	Долготность	Долготность	Напряженность	Напряженность	Звонкость-глухость
Наличие оппозиции в анлауте	-	-	-	-	+	+	+
в ауслауте	-	-	-	-	-	+	-
в инлауте	+	+	+	+	***	+	+
Наличие связи между качеством гласного и согласного	-	-	-	-	+	+	-

* Имеет другое происхождение.

** Проявляется непоследовательно.

Соответствие аспирированных согласных и фарингализованных гласных кратким гласным (по [Roos, 1998, p. 28—40])

Значение	Язык желтых уйгуров	Метатезы	Тувинский	Тофеский	Якутский	Общетюркский
1	2	3	4	5	6	7
высекать огонь (ср. тодж. <i>šaq- ča^hkaŋ</i>)	<i>ça^hq^h/q-</i>	—	<i>šaq/к-/ša^hkaŋ</i>	<i>ša^hq</i>	<i>saχ-</i>	<i>*čak-</i>
мясо	<i>e^ht^h</i> <i>~ye^ht</i> <i>~e^ht^h</i>	<i>šit^h</i>	<i>e^ht/d</i>	<i>ε^ht</i>	<i>εt</i>	<i>*εt</i>
сила (ср. турк. <i>erk</i>)	<i>i^hrk^h</i> <i>~ye^hrk^h</i>	<i>hirk^h</i> <i>~hrk^h</i>	—	—	—	<i>*erk</i>
счастье; предсказание, предчувствие	<i>i^hrq^h</i>	<i>hirq^h</i> <i>~hrq^h</i>	—	<i>i^hɾt</i> (ыьɾɾ-) ыра	—	<i>*irk</i>
собака (ср. салар. <i>išt</i> , новоиуг. <i>išt</i>)	<i>išt^h</i>	<i>šft^h</i>	<i>i^ht/d</i>	<i>i^ht</i>	<i>it</i>	<i>*it/*it</i>
толкать (ср. салар. <i>išt-</i> , новоиуг. <i>išt-</i>)	<i>išt^h-</i>	—	<i>i^ht/d-</i>	<i>i^ht-</i>	<i>üt-</i>	<i>*it-</i>
рубить	<i>ke^hrt-</i>	<i>k^hert^h-</i>	<i>kert/t-</i>	<i>ke^hɾt-</i>	<i>kert-</i>	<i>*kert-</i>
много (ср. турк. <i>köp</i>)	<i>köp^h/w</i> <i>~kē^hp^h</i> <i>~köp^h</i> <i>~ke^hp^h</i>	<i>k^höp^h</i> <i>k^hēp^h</i>	<i>köp</i>	<i>köp/p/φ</i>	—	<i>*köp</i>
трава	<i>ə^ht^h</i>	<i>hət^h</i>	<i>ə^ht/d</i>	<i>ə^ht</i>	<i>ət</i>	<i>*ət</i>
проникать, просачиваться	<i>ə^ht-</i>	—	<i>ə^ht/d-</i>	<i>ə^ht-</i>	<i>ət-</i>	<i>*ət-</i>

стрела; тув., тоф. пуля	ɔʰqʰ/q	χɔq	ɔʰq	ɔʰq/ɸi	ɔχ	*ɔk
спускаться (ср. турк. bat-)	paʰtʰ/t-	pʰqtʰ-	baʰt/d-	baʰt-	—	*bat-
хороший, добрый; як. крепкий	peʰrkʰ	pʰirkʰ/k ~pʰeʰrkʰ	bɛrt	bʰeʰrt	bert	*berk
хороший (ср. турк. bek)	—	pʰikʰ/k	bɛk	bʰeʰk/ɸiʸ	—	*bek
вошь (ср. сал. pišt, новобуйг. pišt)	pištʰ ~pʰištʰ	—	bit	bʰit	bit	*bit/ *bit
кончать, заканчиваться	piʰtʰ- ~pʰiʰtʰ- ~pit- ~putʰ-	pʰitʰ- ~pʰutʰ-	büt/d-	büt	büt-	*büt-
сгибаться; як. загибаться (ср. турк. bük-)	—	pʰɔkʰ-	bük	bük-	bük	*bük-
ударить (ср. тодж. χақ-/қақағ; турк. қақ-)	qaʰqʰ/q-	χaq-	χaq-/qakar	qaʰq/ɸi	—	*kak-
ловить, хватать	qaʰqʰ/w-	qʰapʰ-	qap-	qaʰp/ɸ-	χap-	*kap-
слой, ряд; як. снова	qaʰtʰ	qʰaʰt	qaʰt	qaʰt	χat	*kat
твердеть	qaʰtʰ/t-	qʰatʰ-	qaʰt/d-	qaʰt-	χat-	*kat-
складывать	qaʰtʰ/t-	qʰatʰ-	qaʰt/d-	—	qit-in-	*kat-
скоблить	qʰirqʰ/q- ~qʰirqʰ-	qʰirqʰ	—	—	qirt- ~qirq	*kirk-
бояться	qɔʰrqʰ-	qʰɔʰrqʰ-	qɔʰrt-/qɔʰrar	qɔʰrt-/qɔʰrar	χɔrt-/χɔʰrɔr	*kɔrk-
ручка (ср. турк. ɸap)	sapʰ/w	—	siʰp/v	siʰp/ɸ	-yк	*sap

1	2	3	4	5	6	7
продавать (ср. турк. <i>bat-</i>)	<i>sat^h/t-</i>	—	<i>sat/d-</i>	<i>sa^ht-</i>	<i>at-i:la:-</i>	* <i>sat-</i>
давить	<i>siq^h/q-</i> ~ <i>ziq^h-</i> ~ <i>zi^hq^h-</i>	—	<i>si^hq/ɣ-</i>	<i>si^hq-</i>	<i>iq-</i>	* <i>sik-</i>
спина, хребет (ср. турк. <i>θirt</i>)	<i>sirt^h</i>	—	<i>sirt/t</i>	<i>sirt</i>	—	* <i>sirt</i>
косить; ударять (ср. турк. <i>θɔq-</i> жалить)	<i>sɔq^h/q-</i>	—	<i>sɔq/ɣ-</i>	<i>sɔ^hq/ɸ-</i>	<i>ɔɣ-us-</i>	* <i>sok</i>
находить (ср. тодж. <i>t^hip-/ di^hvar</i>)	<i>ta^hp^h/w-</i> ~ <i>tap^h-</i>	<i>t^hap^h/w-</i> —	<i>t^hi^hp/v-</i>	<i>tu^hp</i> ~ <i>ti^hp/φ-</i>	<i>tap-</i>	* <i>tap-</i>
тащить, везти	<i>ta^hrt^h/t-</i>	<i>t^ha^hrt^h-</i>	<i>t^hi^hrt^h/t-</i>	<i>ti^hrt</i>	<i>tart-</i>	* <i>tart-</i>
пинать	<i>te^hp^h-</i> ~ <i>tep^h-</i>	<i>t^he^hp^h-</i>	<i>t^he^hp/v-</i>	<i>te^hp/φ-</i>	<i>tep-</i>	* <i>tep-</i>
шить	<i>ti^hk^h/k-</i> ~ <i>tik^h-</i>	<i>t^hi^hk^h/k-</i>	—	—	<i>tik-</i>	* <i>tik-</i>
устанавливать; втыкать	<i>ti^hk^h-</i>	<i>t^hi^hk^h/k-</i>	<i>t^hik/ɣ-</i>	—	—	* <i>tik-</i>
втыкать (ср. турк. <i>diq-</i>)	<i>ti^hq^h/q-</i>	—	<i>t^hik/ɣ-</i>	—	—	* <i>tik-</i>
разливать	<i>tɔ^hk^h-</i> ~ <i>tiɔ^hk^h/k-</i>	<i>t^hio^hk^h-</i>	<i>t^hɔ^hk/ɣ-</i>	<i>tɔ^hk/ɸ^h-</i>	<i>tɔɣ-</i>	<i>tɔk-</i>
держать (ср. тодж. <i>t^hut-/d^hu^hdar ~ d^hu^htar</i>)	<i>tu^ht^h/t-</i>	<i>t^hu^ht^h-</i>	<i>t^hut^h/d-</i>	<i>tu^ht-</i>	<i>tut-</i>	* <i>tut-</i>
лежать	<i>ya^ht/t-</i>	—	<i>ci^ht/d-</i>	<i>ci^ht-</i>	<i>sit-</i>	* <i>yat-</i>
нить	<i>ye^hp^h</i> ~ <i>ze^hp^h</i>	<i>ɕip^h</i> ~ <i>Σip</i>	<i>ce^ht</i> ~ <i>cep</i>	<i>cep</i>	<i>sap</i>	* <i>yip/*yep</i>

Из табл. 5 также четко видна описанная выше связь фонического качества реализации оппозиции между шумными по напряженности с широтой реализации этой оппозиции в слове, т.е. субстантивных и функциональных характеристик: языки, в которых присутствует (сохраняется) оппозиция по напряженности, обладают и большей широтой функций согласных в слове. В якутском языке, так же как в кыпчакских, при возможном различии субстантивной характеристики согласных функциональная свобода их в слове ограничена, а оппозиция развивается только в инлауте. Наличие оппозиции шумных в анлауте в якутском языке вторичного происхождения и легко элиминируется.

По типу связи между качеством гласного и согласного Л. Йохансон [Johanson, 1998] выделил четыре типа фонологических систем современных тюркских языков:

1. $\check{V}\bar{K} : \bar{V}\check{K}$ — туркменский;
2. $\check{V}K : \bar{V}K$ — якутский, халаджский;
3. $V\check{K} : V\bar{K}$ — турецкий, азербайджанский;
4. $VK : V\check{K}^*$ — кыпчакские языки (нет корреляции).

Суммируя эти классификации и наши собственные данные, можно говорить о наличии двух противопоставленных типов фонологических систем в тюркских языках Сибири:

А. Система, *субстанционально* базирующаяся на фоническом качестве напряженности, сохраняющая связь между фоническими качествами гласного и согласного или же явные следы этой связи; *функционально* обладающая большей свободой для согласных в рамках словоформы (наличие оппозиции шумных не только в инлауте, но также в анлауте и иногда в ауслауте).

Б. Система, *субстанционально* базирующаяся на долготности или звонкости — глухости согласных, не имеющая или утратившая на синхронном уровне связь между качеством гласного и согласного; *функционально* дающая согласным меньшую свободу в рамках сло-

* \check{V} — краткий (недолгий) гласный; \bar{V} — долгий гласный; \check{K} — краткий согласный; \bar{K} — долгий согласный.

воформы (наличие оппозиции шумных, как правило, только в инлауте).

Система типа А свойственна языкам уйгуро-уряньхайским, система типа Б — кыпчакским и якутскому языкам.

Тувинский и тофский языки встраиваются в разные группы, по Л. Йохансону, хотя относятся к типу А. В тофском языке, который единственный на территории Сибири обладает оппозицией шумных согласных и в анлауте, и в инлауте, и в ауслауте, сохраняется последовательная зависимость между качеством гласного и согласного: фарингализованный гласный (соответствующий якутскому краткому гласному) употребляется только перед сильным согласным, нефарингализованный — только перед слабым. Качественно маркированы и гласный и согласный.

В тувинском языке оппозиция между сильными и слабыми сохраняется только в анлауте у губных и переднеязычных согласных; в инлауте фонологическую нагрузку различения морфем принял на себя фарингализованный гласный, а сильные согласные утратили свое качество напряженности. Поэтому оппозиция по напряженности в тувинском инлауте утрачена, ее рефлексом является фарингализованный гласный, а слабый согласный может реализовываться и в озвонченном варианте (слабый, а не звонкий).

В якутском языке живая связь между качеством гласного и согласного уже утрачена: установившееся качество согласного уже никак не определяется предшествующим гласным, и качество гласного уже не зависит от последующего согласного. Отмеченная еще Г. Грэнбеком связь между турецким *ad* 'имя' и якутским *aam* 'имя', турецким *at* 'лошадь' и якутским *am* 'лошадь', реализовавшись в качестве якутского долгого гласного перед слабым согласным, перестала влиять на дальнейшие преобразования якутских шумных. Тур. *at* > *adi* 'имя > его имя', як. *aam* > *aama* id.; тур. *at* > *ati* 'лошадь > его лошадь', як. *am* > *ama* id. Различие в качестве согласных в якутском языке уже реализовывалось в различиях качества гласных. Но

это произошло раньше, чем аналогичный процесс в тувинском, когда озвончение в тюркских языках еще только начинало развертываться (см. др.-тюрк. $d = \text{як. } t$). Поэтому в якутском языке процесс озвончения — это современный процесс.

Таким образом, на современном этапе якутский язык, по системе соответствий исторически связанный с языками типа А, перешел в другое качество, совпав по всем вышеуказанным показателям с языками кыпчакскими типа Б. Внутри этого типа классификационным параметром, определяющим отношение якутского к другим входящим в него языкам, служит характер формирования оппозиции шумных в инлауте (противопоставление озвончения «собственно кыпчакского» и сибирского типов). В якутском стало развиваться озвончение шумных согласных в интервокальной позиции и в позиции после сонорных на морфемных швах. Это изменение быстрее развивается в группах периферийных согласных: губных и гуттуральных. По этому признаку якутский сближается с такими сибирскими языками, как алтайский, хакасский, шорский, чулымско-тюркский.

Итак, на современном этапе языки, фонологические системы которых опираются на признаки звонкости-глухости и долготности, совпали по характеру развития. Возникает вопрос о связи и переходах между разными типами систем, а также о соотношении по времени систем типа уйгуро-урянхайской и якутской? Является ли якутская система более древней по отношению к уйгуро-урянхайской или наоборот? Принятой точкой отсчета в исторических исследованиях по тюркским языкам являются данные языков древнейших тюркских письменных памятников. При всем разнообразии оценок языка орхонских текстов (язык, близкий древнеогузскому языку, «степное койне», искусственный язык верхушки тюркского общества, не отражающий особенностей народного языка) именно он является древнейшей зафиксированной формой тюркского языка и остается важнейшим критерием при установлении древности

или инновационного характера тех или иных языковых изменений.

Следующий вопрос, который требует ответа в этой связи, — вопрос о типе звуковой системы древнетюркского языка, зафиксированного в языке орхонских памятников, и отношение к ней древнеякутской системы.

Для тюркского праязыка реконструируют систему с очень бедным составом согласных, в которой оппозиция шумных еще не сформировалась (табл. 6).

Развертывание системы, увеличение числа оппозиций стимулируется обычно функциональными факторами, но весьма существенную роль могут играть и чисто фонические, субстантные факторы. Аллофони-

Таблица 6

Консонантизм тюркского праязыка
(по [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 171, 176])

По характеру артикуляции		По месту артикуляции				
		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные
<i>Ранняя стадия</i>						
Смычные	Глухие	<i>p</i>	<i>t</i>		<i>k</i>	<i>q</i>
	Щелевые		<i>s š</i>			
	Звонкие		<i>z</i>	<i>j</i>		
Аффрикаты	Глухие		<i>č</i>			
Сонанты	Боковые		<i>l</i>			
	Дрожащие		<i>r</i>			
	Плавные	<i>m</i>	<i>n</i>		<i>ŋ?</i>	
<i>Поздняя стадия</i>						
Смычные	Глухие	<i>p</i>	<i>t</i>		<i>k</i>	<i>q</i>
	Звонкие	<i>b (m?)</i>				
Щелевые	Глухие	<i>s</i>				
	Звонкие			<i>j</i>	<i>ɣ'</i>	<i>ɣ</i>
Аффрикаты	Глухие		<i>č</i>			
	Звонкие					
Сонанты	Боковые		<i>l</i>			
	Дрожащие		<i>r</i>			
	Плавные		<i>n</i>		<i>ŋ</i>	

ческое варьирование может быть предпосылкой развертывания новой фонологической оппозиции.

С этой точки зрения интересно сопоставить предлагаемые интерпретации фонологической системы языка древнетюркских памятников с материалами тюркских языков Сибири.

Древнетюркский язык — это язык доисламских памятников Центральной и Средней Азии. По выражению О. Прицака [Pritsak, 1961], он занимает место, подобное церковнославянскому по отношению к славянским языкам, и является родственным предкам некоторых современных тюркских языков.

Древнетюркский язык представлял собой вид степного койне — особого надплеменного литературного языка, широко распространенного в V—XI вв. на громадной территории обитания восточных тюрков. Несмотря на искусственный характер языка рунических памятников и ранних текстов на уйгурском и манихейском алфавитах, в них прослеживаются особенности, характерные для разных тюркских языков и диалектов. Диалектные различия в древнетюркском языке неоднократно отмечал один из первых его исследователей В.В. Радлов. В числе классифицирующих явлений значительное место занимают фонетические признаки.

Классификации древних тюркских языков позднее предлагались А. Габен, О. Прицаком, И.А. Батмановым и другими исследователями. Но и в работах В.В. Радлова и его сторонников и противников сравнительно хорошо прослеживаются лишь два языка: язык орхонских тюрков и древнеуйгурский [Батманов, 1971; Radloff, 1909—1912; Gabain, 1950; Pritsak, 1961].

В период раннего средневековья (V—X вв.) на территории Монголии и Восточной Сибири существовали три основных объединения тюркоязычных племен: орхонские (голубые) тюрки, уйгуры и кыргызы. Главными памятниками, принадлежащими орхонским тюркам (551—744 гг.), являются Онгинский камень, памятники Кюль-тегину, его старшему брату Бильгекагану и их советнику Тоньюкуку и др. Древнеуйгурские памятники (язык государства уйгуров в Монго-

лии (744—840 гг.) и рунических текстов из Турфана и Ганьсу) известны с середины VIII в.: памятник Моюнчуру-кагану, победившему в 745 г. последнего хана тюркского каганата Озмыш-тегина (язык его С.Е. Малов определяет как уйгурский, отличающийся от языка орхонских памятников прежде всего системой глагола), Суджинский памятник, Карабалгасунская надпись и т.д.

Более поздние памятники, написанные на других алфавитах (сирийском, брахми, уйгурском, арабском) отражают уже иной этап развития уйгурского языка.

Если предположение о различии между языками голубых тюрок и уйгур находит некоторые языковые подтверждения (хотя оно и вызывает серьезные возражения), то выделение древнекыргызского периода в истории тюркских языков (IX—X вв.) связано со сменой политической гегемонии одних племен другими и установлением «кыргызского великодержавия». По материалам рунических памятников Енисея и Тувы сказать что-нибудь о живом разговорном языке древних кыргызов почти невозможно: они пользуются стандартным языком эпитафийных надписей.

Но об особенностях древнекыргызского языка, о том, что это был особый язык, отличный от орхонского и уйгурского, можно судить по материалам современного киргизского языка и тюркских языков Южной Сибири: эти языки имеют одинаковую систему глагольных форм — первичных и вторичных, — такая система могла сложиться в результате распространения древнего кыргызского языка в группе родственных языков.

Древнетюркские памятники написаны различной графикой (рунической, уйгурской, брахми, арабской), приспособленной к передаче тюркской речи и не всегда точно отражающей звуковую систему этих языков. Это может усилиться при переводе текстов на современную систему записи, которая является комбинацией транслитерации и фонематической транскрипции. По выражению А. Габен, транскрибирование древнетюркских текстов носит интерпретирующий

характер [Gabain, 1950]. Для различения слов по ряду в рунической письменности использовалось специальное написание согласных, поэтому количество знаков для их передачи не соответствует количеству согласных фонем. В языке рунических текстов выделяют 15 (Щербак), 16 (Кононов, Кабешавидзе) или 17 (Прицак) фонем; это зависит, в частности, от того, признается ли отдельной фонемой *j*. Их легко разделить по локальным группам: губные *b, p, m*, переднеязычные *d, t, n, z, s, n, l, š, č, r*, среднеязычные *j, j(ñ)*, гуттуральные *g, k, γ, q*. Но все модальные характеристики имеют уже характер интерпретаций (табл. 7).

Фонологическое противопоставление согласных, определяемое многими исследователями как оппозиция шумных согласных по степени участия голоса,

Таблица 7

Система согласных

Древнетюркский язык (по [Clouston, 1972, p. VIII])										
Consonant	Plosive		Fricative		Nasal	Affricate		Sibilant		Semi-vowel
	v	u	v	u		v	u	v	u	
Labial	<i>b</i>	<i>p</i>	<i>v</i>	(<i>f</i>)	<i>m</i>					(<i>w</i>)
Dental	<i>d</i>	<i>t</i>	<i>d</i>		<i>n</i>			<i>z</i>	<i>s</i>	
Denti-palatal						<i>c</i>	<i>ç</i>			
Palatal					<i>ñ</i>			(<i>j</i>)	<i>ʃ</i>	<i>y</i>
Postpalatal	<i>g</i>	<i>k</i>	?		<i>ŋ</i>					
Velar	?	<i>k</i>	<i>ð</i>	<i>x</i>	<i>γ</i>					
Схема согласных древнетюркского языка (по [Pritsak, 1961, S. 32])										
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>		<i>z</i>						
<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>		<i>s</i>		<i>š</i>				
<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ŋ</i>	<i>ñ</i>			<i>č</i>		<i>r</i>		<i>l</i>
			<i>y</i>							
Einige korrelationen:										
Stimme	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>s</i>	<i>z</i>					
		<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	<i>k</i>					
Intensität	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	<i>z</i>	<i>s</i>					
		<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>s</i>					
Nasalität	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	<i>y</i>	<i>ñ</i>					
		<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ŋ</i>	<i>ñ</i>					

Язык орхон-енисейских надписей (по [Кормушин, 1997, с. 94])						
По способу образования			По месту образования			
			Губно- губные	Передне- язычные	Средне- язычные	Задне- язычные
Шумные	Смычные	Звонкие	<i>b</i>	<i>d</i>		<i>g/ɣ</i> <i>k/q</i>
		Глухие	<i>p</i>	<i>t</i>		
	Щелевые	Звонкие		<i>z</i>	<i>j</i>	
		Глухие		<i>s š</i>	<i>č</i>	
Сонорные			<i>m</i>	<i>n</i> <i>l</i> <i>r</i>	<i>ñ</i>	<i>ŋ</i>

прослеживается в ауслауте и инлауте: *ab* 'охота', *äb* 'дом' ~ *ap* 'и'; *täp-* 'пинать' ~ *äm* 'лекарство'; *ud* 'спать', *öd* 'время' ~ *ut-* 'побеждать'; *at* 'лошадь' ~ *on* 'десять', *ton* 'одежда'; *ög* 'мать', *jog* (*joɣ*) 'поминки' ~ *joq* 'жалкий, убогий', *toq* 'сытый' ~ *tog* 'мерзнуть'; *äs* 'друг' ~ *aš-* 'переходить' ~ *az* 'мало'; *ač-* 'соблазнить' [Кабешавидзе, 1972; Pritsak, 1963, S. 32].

И.Н. Кабешавидзе рассматривает это как противопоставление по звонкости-глухости, которое довольно последовательно представлено в группе смычных; в группе проточных характерно только для свистящих *s—z*. Взрывные дополняются гоморганными носовыми фонемами и выстраивается симметричная система смычных *p—b—m*, *t—d—n*, *k—g—ŋ*, очень похожая на систему согласных, представленную во многих современных тюркских языках. Но такую схему для древнетюркского языка можно принять в том случае, если не учитывать данные современных тюркских языков, так как *b*, *d*, *g* дают в современных языках два совершенно различных типа рефлексов, которые показывают, что одним знаком в древнетюркской графике передавались звонкий аллофон шумного и согласный, чьи модальные характеристики (и по характеру преграды и по степени участия голоса) требуют уточнения.

Наиболее убедительное объяснение этой системы дано А.М. Щербаком. В предложенной им реконструкции пратюркского состояния смычные несонанты

(сильные, слабые) противопоставляются щелевым сонантам (сверхслабым) [Щербак, 1970, с. 106]. Спорными кажутся только некоторые детали предлагаемой реконструкции: А.М. Щербак предполагает наличие особого ряда зубноязычных $*\theta/*\delta$, несонанта θ и сонанта $*\delta$, которым в древнетюркском соответствуют j - и $-d$ -, но такой ряд отсутствует в тюркских языках. Наличие θ в башкирском и туркменском не имеет значения, так как там эти звуки всего лишь субституты s и особой фонологической позиции (где межзубные были бы противопоставлены зубным) не имеют (в башкирском языке межзубный приобрел статус фонемы тогда, когда появился вторичный s). Древнетюркские j и d (δ) не являются вариантами одной фонемы, их рефлексy пересекаются в тех тюркских языках, где сохраняется j -, а $-d$ - > $-j$ -.

Сложившаяся в древнетюркском языке система по сравнению с предлагаемой реконструкцией сформировала оппозицию между рядом смычных глухих и рядом, модальная характеристика которого остается еще не совсем ясной. Графемы, передающие эти согласные, используются и для обозначения звонких аллофонов шумных согласных. Язык рунических текстов зафиксировал тюркский язык в стадии перелома, когда формировалась новая серия шумных (шумные слабые или шумные звонкие) и шло перераспределение этой особой модальной серии между классом сонорных и классом шумных.

В древнетюркском нет отражения той оппозиции шумных, которая характерна для тофского и языков юго-западной группы. Из древнетюркской системы хорошо объясняются системы типа якутской.

Но между якутским и тофским существует достаточно последовательная корреляция гласных: долгие гласные якутского языка соответствуют кратким гласным тофского, а краткие гласные якутского — фарингализованным гласным тофского.

Фарингализованные гласные тофского языка являются позиционными вариантами гласных, возникающими перед сильными согласными. Это заставля-

ет нас обратиться к гипотезе, в которой предлагается более сложная система консонантизма для пратюркского языка, чем приведенная выше. Такую гипотезу о тройном противопоставлении согласных высказывал В.М. Надеяев. Разные варианты системы, имеющей сложную оппозицию согласных, предложены в работах алтаистов и ностратиков. Если принимается гипотеза о тройной оппозиции шумных по участию голоса в тюркском праязыке, то при переходе к системе типа древнетюркской произошла утрата одной из серий шумных согласных. В разных локальных группах это изменение имело свои особенности. В группе губных выпал сильный шумный p ($>h > \emptyset$), а слабый p в анлауте стал реализовываться в звонком варианте, это и объясняет, почему b — единственный звонкий шумный в древнетюркском анлауте. В других группах сильные и слабые совпали и оказались в оппозиции к сверхслабым $t - d(\delta)$, $k - g(\gamma)$.

Наличие в древнетюркском двух j (j и j) позволяет предположить, что пратюркский мог иметь сложную систему и в группе среднеязычных: сверхслабый j , j , который сохранился во всех тюркских языках (*ajaq* 'чашка'), и слабый, который мог реализовываться как в звонком, так и в глухом вариантах j и $j(c)$. Со сверхслабым вариантом j совпал в большинстве тюркских языков рефлекс сверхслабого межзубного согласного.

Эта линия развития позволяет наиболее реально объяснить системы, существующие в сибирских языках типа якутского. В праякутском восстанавливается картина очень близкая той, что зафиксирована в языке древнетюркских памятников.

Предлагаемые реконструкции О. Прицака и И.В. Кормушина [Кормушин, 1997; Pritsak, 1961], а также реконструкции А.Н. Кононова [1980, с. 42—86], Л. Йохансона [1998] на структурном уровне представляют собой типичную тюркскую схему консонантизма. В каждом локальном ряду в ней представлено три смычных согласных и отсюда предполагается обычная оппо-

зиция: глухой-звонкий — сонант или сильный-слабый — сонант. Большая часть авторов склоняется к оппозиции по напряженности. При описании фонологической системы языка рунических памятников речь идет о реконструкциях или хотя бы об интерпретационном характере предлагаемых схем, так как особенности рунического алфавита требуют предварительной фонологической интерпретации текста.

Восстанавливаемый ряд глухих шумных не требует специального комментария. Восстанавливаемый ряд звонких весьма противоречив, так как для каждой выделяемой звонкой фонемы в живых языках имеется два ряда соответствий: $b > b$ и $b > v > g > \emptyset$; $d > d$ и $d > t > z > r > j$; $g > g$ и $g > \text{ʃ} > j > v > \emptyset$. Например:

др.-тюрк. *taγ* 'гора'

1) V:, V, V^v

гагауз. *da*; чув. *tü*; кирг. *to*; бачат. тел. *tu*; тат. *tu//taw//tow*; як. *tə́л*; долг. *tǔ́*; алт. (туба) *tau*;

2) $q \sim \gamma$

азерб. *daq*; турк. *da:q*, узб. *təq/taq*; узб. (диал.) *dam:/daq*; чувым.-тюрк. *taq*; алт. *taq*; шор. *taq*; хак. *taq*; тув. *taγ*; тоф. *daγ*;

3) карач.-балк. *taw*; кумык. *taw*; ног. *taw*; тат. *taw/taw/tow*; башк. *taw*; каракалп. *taw*; каз. *taw*; узб. *taw*; кирг. *tow*; сиб. тат. *təw/ta:w*;

др.-тюрк. *toγ* 'рождаться'

1) \bar{V} , V^v, V

чув. *tü*; тат. *tu/tu^w*; сиб. тат. *tü*; бачат. тел. *tü*; кирг. *tu*;

2) $q \sim \gamma$

азерб. *doq*; турк. *doq*; узб. *tuq/doq*; нижнечул. *tuq*; алт. *tuq*; шор. *tüq*; хак. *tüq*;

jaγ 'идти (об осадках)'

1) V, V

чув. *ʃ'ü*; кирг. *ħǰa: ~ ħǰ'æ:*; бачат. тел. *ħa:*; алт. (южн.) *ħa:*;

2) -w

карач.-балк. *dǰaw ~ dǰ'aw/zaw*; ног. *zaw ~ dǰaw ~ jaw*; кумык. *jaw*; тат. *jaw/ǰaw/ǰəw/dǰaw/dǰaw/zaw*; башк. *jaw*; каракалп. *ǰaw*; каз. *zaw*; сиб. тат. *jaw/jəw*; кумык. *jaβ*;

3) *q/ɣ*

азерб. *jaq*; узб. *jaq/jɔq*; чулым.-тюрк. *ħʃ'aq*; алт. *ħaq*; шор. *ħɕaq/jaq*; хак. *ʃ'aq/ħɕaq/ħʃ'aɣ/ʃ'εту*; тув. *ħɕaq*; тоф. *ħʃ'aɣ*; алт. *ħɕεɣ*.

Это свидетельствует о том, что одной графемой передавались два различных по модальным характеристикам согласных. Первый тип звонких шумных, который сохранился во всех тюркских языках как шумный согласный, на уровне языка древнетюркских памятников является еще аллофоном глухих шумных и появляется в определенных позициях — в основном в анлауте аффиксов. Второй тип звонких шумных получает разную реализацию в зависимости от того, в какой локальный класс он входит; их история различается в разных классификационных группах тюркских языков. Так, согласный, входящий в центральную группу *d* орхонских памятников, дал в якутском языке *t*, в тувинском и тофском — *d*, в хакасском, среднечулымском и мрасском диалекте шорского — *z*, в южных диалектах Алтая и в кондомском диалекте шорского — *j*.

Таким образом, в сибирских языках, кроме последней названной группы, этот звук вошел в систему шумных согласных. Рефлексов губного *b* в сибирских тюркских языках очень мало, например, хак. *ip* 'дом', несколько слов в якутском и т.д. Но в якутском языке в таких случаях часто сохраняются рефлексы и с *g*, и с нулем звука; например, рефлекс с нулем: *уу* 'вода' и *убаа* 'становиться жидким, разжижаться' = тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *sub* ~ *sug*: *suva-* 'орошать, наводнять', *suvus-* 'стать жидким, водянистым', *suviɣ* 'жидкий; редкий'; рефлекс с *b*: *убагас* ~ *ыбыгас* 'жидкий'; рефлекс с *g*: *угут* 'половодье, наводнение, разлив' = тув. *суғат* 'водопой; орошение, полив', хак. *суғат* 'водопой', алт. *суғат* 'место водопоя; поливной, орошаемый'.

В других сибирских тюркских языках (кумандинский, хакасский, тувинский) сохраняется древнетюркский *ɣ*, образуя особый класс в ряду сонорных, представленный единичной фонемой (висячая фонема).

То, что этот разряд так называемых звонких шумных раскладывается между двумя классами (шумных *d, t, z* и сонорных *g, j*), позволяет предположить, что в древнетюркском языке еще существовал особый модальный класс, который А.М. Щербак [1970, с. 105—107] выделяет для пратюркского языка, но не в системе шумных, а в системе сонорных. Полученная система отличается от тех, которые мы наблюдаем в живых тюркских языках. Класс шумных представлен одним рядом фонем. Класс сонорных устроен более сложно: смычные *m, n, n', ŋ* и проточные *β, δ, j, γ*. Этот второй класс сонорных оказывается весьма неустойчив по определению и уже на древнетюркском уровне начинает распадаться, распределяясь между двумя классами: классом шумных и классом сонорных. Шумные совпадают с новообразуемыми звонкими рефlekсами шумных согласных.

Таким образом, древнетюркская система характеризуется наличием в анлауте только глухих согласных, за исключением *b*, отсутствием оппозиции шумных в анлауте и ауслауте, так как рассматриваемая обычно оппозиция шумных в ауслауте в древнетюркском языке является в действительности оппозицией между шумными и нешумными. По этим параметрам древнетюркская система оказывается весьма близкой к якутской системе (учитывая происшедшие в якутском языке изменения, связанные с выпадением сверхслабых и формированием вторичной оппозиции шумных в анлауте, вызванным влиянием монгольского языка). Следовательно, близость фонетической системы якутского языка к кыпчакским языкам в то же время является и близостью якутского языка к языку древнетюркских орхонских памятников, что приводит нас к тезису Л. Йохансона и А.М. Щербака о перераспределении маркированных признаков в конструкциях $\bar{V}\bar{K}$; $\bar{V}\bar{K}$ и подтверждает наличие в древнетюркском языке долгих гласных.

Возможна еще одна интерпретация этой фонологической системы: для более раннего периода развития тюркских языков предполагается существование

трех рядов согласных в классе шумных. Оппозиция сильных и слабых шумных разрушается, рефлексом разрушения этой оппозиции является появление так называемых первичных долгих, которые возникали в позиции перед слабыми согласными (см. выделяемые типы соотношения гласных и согласных в тюркских языках). В таком случае класс сверхслабых согласных сдвигается в систему сонантов, снова оставляя в классе шумных только один ряд.

Якутский язык обнаруживает более древние глубинные связи с языками уйгуро-урянхайскими. На более позднем этапе развития связь между качеством гласного и согласного, присущая языкам уйгуро-урянхайской группы, в якутском реализуется в качестве гласного (долгота). Дальнейшее развитие согласных протекает так же, как в языках кыпчакской группы (озвончение шумных в интервокальной позиции и в позиции после сонорных), что и приводит лингвистов к заключению о сходстве якутского и кыпчакских языков.

Система смычных согласных в якутском языке имеет симметричную структуру во всех локальных группах: шумный глухой, шумный звонкий, сонант. Но по характеру синтагматики все группы имеют между собой значительные отличия.

2. Губные согласные

Губные согласные представлены в якутском языке тремя фонемами: [b], [p], [m]. Шумные противопоставлены по звонкости-глухости, что довольно редко для сибирских тюркских языков, где противопоставление идет либо по долготе-краткости (диалекты алтайского), либо по силе-слабости (тувинский, тофский).

[b] — губно-губной, звонкий, смычный. То, что смычка может быть очень слабой, отметил еще О.Н. Бётлингк, указав, что, согласно материалам А.Ф. Миддендорфа, у некоторых якутских групп между гласными появляется звук, подобный английскому w

[Бётлингк, 1989, с. 182]. Спирантизацию *b* в интервокальном положении подтвердили экспериментальные исследования, проведенные Н.Д. Дьячковским [1977, с. 9—11].

[p] — губно-губной, глухой, смычный, произносится с большей степенью напряженности, поэтому у него не отмечается неполносмычности и эпизодически появляется придыхательная артикуляция.

[m] — губно-губной, смычный, носовой сонант.

Противопоставление *p* — *b*, позволяющее определить в якутском языке эти звуки как особые фонемы, прослеживается только в двух позициях, одной из которых является анлаут.

По характеру употребления анлаутных губных согласных якутский язык по сравнению с другими тюркскими языками Сибири довольно близко стоит к языку древнетюркских рунических памятников, в которых регулярно употреблялся *b*-, а в некоторых говорах перед последующим носовым — *m*- [Gabain, 1950, S. 52—53, 342]. В древнетюркском языке *p*- употреблялся в словах, заимствованных из санскрита, китайского и иранских языков, хотя в отдельных случаях появлялся и в исконных тюркских словах [Brockelmann, 1954]. На происхождение анлаутных губных согласных существуют различные точки зрения, определяемые тем, как их сторонники решают вопрос о характере пратюркского анлаута. Те, кто отрицает наличие в пратюркском языке оппозиции по силе-слабости (звонкости-глухости) в системе шумных, восстанавливают **p*-, который «в чувашском, хакасском и шорском отразился в относительно сильном глухом, а по другим тюркским дал звонкий или полувзвонкий *b*-» [Щербак, 1970, с. 89—90, 163]. Другие восстанавливают в пратюркском **b*- и **p*- [Рамстедт, 1957, с. 39—40; Порре, 1960, S. 9—12; Doerfer, 1963, S. 97].

Вероятность существования в пратюркском языке **p*-, исчезнувшего в тюркских языках через ступень *h* (у Рамстедта: **p*- > **f* > **ph* > *h* > \emptyset), подтверждается наличием этого звука в ряде тюркских языков, а так-

же тибетской транскрипцией древнетюркского *h-* [Рона-Таш, 1974, с. 38; Doerfer, 1971, p. 163].

На основании некоторых древних заимствований из якутского языка в эвенкийский Н. Поппе предположил, что древнеякутский язык имел **h- < *p-*: 1. Эвенк. алд. *herbek* 'палец' < др.-як. **hārbāk* id., як. *эрбэх* 'большой палец'; ср.-монг. *herekei* id., SH *heregei*, монг. письм. *erekei* id., халх. *erxi* id. 2. Эвенк. алд. *heksari* 'прикрепляй' < др.-як. **hiksari-* > як. *ыксары* 'плотно закрытый' из *ыкса-* 'закрывать' < монг. письм. *igči, igčü* [Porre, 1973, S. 100].

Возможно, что *b- (~p-) < *p-* в нескольких словах сохранился в тюркских языках [Brockelmann, 1954, S. 24—25]. Одно из этих слов *булаан* 'буланный (о лошадиной масти)' в якутском переаимствовано из русского (ср. як. *улаан* 'о конских мастях: мышастая, буланая, соловая' монг. письм. *улаан*, MNT *hula'an*, орд., калм. *ulān*, халх., бур. *ulān* (подробный разбор этого слова см. [Doerfer, 1965, S. 366—367]). Других следов **h- < (*p-)* в якутском языке не отмечено, нет их и в заимствованиях из монгольских языков. Как единственный случай отражения прамонгольского *h-* в якутском языке St. Kałużyński приводит слово *χοкур* 'тупой, короткий', монг. *hogar*, монгол. *хугур*, монг. письм. *огор*, бур. *оҳор* [Kałużyński, 1961, S. 57].

В.М. Иллич-Свитыч, опираясь на соответствия в ряде слов монгольскому *h- (*p-)* и тунгусскому *p-* тюркского *b-*, который в некоторых тюркских языках отразился как *p-* при наличии в системе *b-*, интерпретирует это как сохранение пратюркской оппозиции губных шумных в анлауте. В.М. Иллич-Свитыч, исходя из своей гипотезы о троичном противопоставлении шумных алтайских лабиальных, предполагал следующее их развитие на тюркском уровне: *p^c → тюрк. *h > ø* | монг. **h > ø* | тунг. **p-*; *p- → тюрк. *p- (> b-)* | монг. *ø > h* | тунг. **p- | *b- → тюрк. *b-* | монг. **b-* | тунг.-маньчж. **b-*. Например: **pus* 'пар, испарение' (тур. *pus* 'пар, легкий туман', кумык. *pus*, башк. *boş* 'пар', тув. *bustal-*, башк. *boşlan-* 'испаряться') ~ тунг.

**pus-* 'дуть' (эвенк. *hus-*, *hustan* 'задуть, погасить', маньчж. *fusu-* 'дуть, брызгать'); тюрк. **piš-* 'вариться, созреть' (др.-уйг. *puš-* 'зреть, поспевать'; *pišür* 'варить'; уйг. (хотан.) *piš-*, *püš*, *püšür* 'зреть, созреть, поспевать', уйг. (хам.) *piš* 'вариться, зреть'; тур. *piš* 'вариться, печься, преть, созреть', каз. *pis* 'вариться', ног. *pis* 'вариться, готовиться, спеть', турк. *biš* 'печься, готовиться', як. *bus-* 'вариться'; чув. *piš-* 'вариться') ~ монг. **his* 'закисать' (монг. письм. *isge-*, *esge-*, *isgü-* 'заквашивать, закисать', калм. *is* 'проки- сать') [Иллич-Свитыч, 1971, с. 57].

Таким образом, В.И. Иллич-Свитыч предполагает, что после утраты сильного придыхательного *p^c* в ряде тюркских языков сохраняется оппозиция *p — b*. Это касается в первую очередь двух групп тюркских языков, в одну из которых входят тувинский, тофский, язык желтых уйгуров, саларов, уйгуров-урянхайцев; вторую представляют языки огузского круга: турецкий, азербайджанский, туркменский.

В Сибирском регионе это — тувинский и тофский языки, фонологическим признаком систем согласных которых является противопоставление по силе-слабости. Оппозиция *p^c — p* в тувинском работает только в анлауте, так как звук типа *p^c* может употребляться только в начале слова перед гласным: *nap* [p^caŋ] 'тигр' ~ *бар* [paŋ] 'есть', *наш* [p^caʃ] 'котел' ~ *баш* [paʃ] 'голова', *нат* [p^cat] 'никчемный' ~ *бат* [pat] 'спускайся' [Сегленмей, 1975, с. 95]. Количество слов, в которых употребляется *p^c* в тувинском, по подсчетам С.Ф. Сегленмей, около 60. Второй лабиальный шумный согласный *p-* может реализоваться в звонких, глухих и полувзвонких оттенках. В современной орфографии его принято обозначать через *б*, но он может реализоваться в полностью глухих оттенках, отличаясь от [p^c] степенью мускульного напряжения.

В тофском языке В.И. Рассадин выделил три шумные губные фонемы, одну из них — [v] — губно-зубную щелевую слабую фонему можно исключить из дальнейшего рассмотрения, так как она употребляется только в словах, заимствованных из русского,

лицами, хорошо владеющими русской речью [Рассадин, 1971, с. 45—46].

Тофская фонологическая система характеризуется последовательным противопоставлением шумных согласных по степени напряженности во всех позициях. Это существенно отличает тофский язык от тувинского и сближает его с саларским и языком желтых уйгуров.

В начале слова в тофском языке *p* употребляется очень редко: *пы̆з̆* 'пороша', *paš* 'котел' (общее название любой посуды для варки пищи), *pək* 'насытиться жирной пищей'. Большая часть слов с анлаутным *p*- в тофском языке заимствована из русского: *pa:r* 'пара', *pɔ:l* 'пол'. Губно-губная слабая смычная ртовая фонема [b] в анлауте может реализоваться как в глухих, так и звонких вариантах. В ряде случаев тувинский и тофский [p-] совпадают, например: тув. *pʰaʃ*¹, тоф. *paš* 'котел'; тув. *pək*, тоф. *pɔ:k* 'насытиться'; тув. *paq*, тоф. *paq* 'полость щек, защечные мешки у бурундука'.

Факт влияния древнего уйгурского языка на язык населения Древней Тувы — это уже достаточно широко принятое в тюркологии положение. По мнению В.М. Надеяева, древние уйгуры тюркизировали население Древней Тувы — чиков — предков современных тувинцев, и наличие сильных согласных в тувинском анлауте — это результат влияния уйгурского суперстрата [Надеяев, 1986а, с. 59]. Глухие сильные и слабые согласные, противопоставляемые как фонемами, существовали в языке древних уйгуров Турфана и Ганьсу, которые говорили на языке, отличающемся от карлуко-уйгурского языка таких памятников, как «Кутадгу Билик», «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгари, произведения Ибн-Муханны, Ахмеда Югнеки и Рабгузи [Тенишев, 1976в, с. 132].

Э.Р. Тенишев выделил язык древних уйгуров Турфана и Ганьсу IX—XIV вв. как особый. Он отличается и от языка памятников арабского и уйгурского письма, написанных в тот же период, но в более западных регионах, и от языка памятников рунического, манихейского и уйгурского письма, найденных в Тур-

фане и Ганьсу, но написанных раньше. Это язык таких памятников, как «Золотой блеск», «Жизнеописание Сюань Цзана», тексты, изданные Ф.В.К. Мюллером, В. Бангом, А. Габен, П. Пеллио, различного рода юридические документы и хозяйственные записи и т.д. Э.Р. Тенишев считает, что в этом языке господствовала система согласных, основанная на противопоставлении сильных аспирированных и слабых неаспирированных $q - q^c$, $k - k^c$, $t - t^c$, $p - p^c$, $s - s^c$ [Там же]. При реконструкции этой системы автор использовал данные саларского и сарыг-уйгурского языков, где существует противопоставление такого типа.

В языке желтых уйгуров оппозиция губно-губного слабого глухого, иногда слегка озвонченного, и губно-губного сильного придыхательного в анлауте имеет фонологический характер: *пер* 'давать' ~ *п^сер* 'бить', *пыр* 'один' ~ *п^сыр* (звукоподражание полету птиц) [Тенишев, Тодаева, 1966, с. 12]. В саларском существует противопоставление такого же типа, причем губно-губная смычная слабая непридыхательная может реализоваться: а) в слегка озвонченном варианте: *пу* 'этот', *пеш* 'пять', *пар* 'есть'; б) в почти звонком *b*: *бир* 'один'; в) в звонком *b*: *беш* 'пять', *бил* 'знать' [Тенишев, 1976б, с. 45]. Э.Р. Тенишев считает, что изменение звукового строя этих языков произошло под сильным влиянием китайского, но это касается главным образом субстантной характеристики согласных, образующих оппозицию. Вопрос о том, образовалась ли эта оппозиция только под внешним влиянием или здесь можно проследить более древний тип фонологической системы, присущий языку древних уйгуров, остается еще неясным. Провести корректное сопоставление данных всех этих языков, пользуясь только письменными источниками, невозможно, так как графика опирается на традиционную звонкость-глухость и не отражает наличие фонологического противопоставления.

Другой группой языков, где наблюдается дифференциация губных шумных в анлауте, являются огуз-

ские языки. Сопоставляя данные азербайджанского, турецкого и туркменского языков, А.М. Мамедов выделил следующие группы слов с лабиальным шумным в анлауте: а) имеющие во всех сопоставляемых языках только *b-* (*бир* 'один'); б) слова, в которых в одних языках представлен *p-*, в других *b-* (азерб. *бармаг* ~ тур. *parmak*, турк. *бармак* 'немец'; тур. *pisirimik* ~ азерб., турк. *биширмэк* 'варить'; азерб., тур. *balta* ~ турк. *palta* 'топор'. Привлечение письменных памятникников не разъяснило динамики становления губного анлаута в этой группе языков [Мамедов, 1970, с. 9—11].

Проблема *media lenes*, часто возникающая в связи с употреблением звонких гласных в анлауте огузских языков, связана с типом фонологического противопоставления шумных в них. Противопоставление идет не по наличию-отсутствию голоса, а по степени напряженности. Так, «в азербайджанском языке в пре- и поствокальной позиции в односложных словах звонкие смычно-взрывные согласные *b* и *d* противопоставляются соответствующим глухим согласным *p* и *t* не по участию голоса, а по интенсивности и длительности» [Вейсалов, Исаева, 1987, с. 108]. Учитывая сложную историю этих языков, в формировании которых приняли участие не только огузские, но и кыпчакские племена, можно предположить, что разница принципов организации фонологических систем (сильные — слабые, звонкие — глухие) вызвала противоречивое восприятие шумных согласных. Это положение было закреплено и усилено последующим междиалектным смешением.

Якутский язык по характеру шумного губного анлаута оказывается обособленным от языков этих двух групп (по другим параметрам — лексика, морфология — ему наиболее близких), так как оппозиция *p-* — *b-* в якутском явно вторичного происхождения и связана с массовыми заимствованиями русской лексики. Из 164 слов с глухим губным анлаутом, зафиксированных в словаре Э.К. Пекарского, лишь 6 П.П. Барашков отнес к коренным якутским словам [Бараш-

ков, 1953, с. 37]. Это слова, обладающие сильной модальной окрашенностью (образные, звукоподражательные), имеют свои особенности в фонетическом плане: *пыс*, *пас* (звукоподражательные слова), *па*, *пахай* (междометия) и производные от него *пахайдыны* 'скверноватый'. Остальные слова с анлаутным *p*-заимствованы из русского; именно благодаря им в анлауте формируется оппозиция по звонкости-глухости у губных согласных: *баар* 'есть, имеется' ~ *паар* 'пар' [Дьячковский, 1977, с. 8].

Явная вторичность оппозиции *b* — *p*- позволяет отнести якутский к группе языков с одним шумным губным согласным в анлауте. Это неоднородная группа. Первую ее подгруппу составляют языки с преимущественно звонким анлаутом, т.е. могут употребляться слова (в основном заимствованные) и с глухим анлаутом, но оппозиция *b* — *p*- отсутствует: башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, караимский, а также язык древнейших рунических памятников. Во вторую подгруппу входят языки с преимущественно глухим шумным согласным *p*-, но его качество очень сильно варьируется от языка к языку, так как он употреблялся в языках с разными типами фонологических систем.

Вторая позиция, в которой в якутском противопоставлены глухие и звонкие шумные губные — после сонорных *l* и *r*. Сочетаемость сонорных с шумными звонкими губными довольно ограничена, *b* может употребляться после *l*, *r* и *j*, у шумных глухих возможности сочетания несколько шире: *p* употребляется после *l*, *r*, *n* и *m* [Там же, с. 138]. В позиции после *r* можно подобрать квазиомонимы: *кырпа* 'недорослый' ~ *кырбаа* 'бить, ударять, драться'; *Чарба* — название реки ~ *чарпа*, *чанпа* 'осколок'. Если принять гипотезу о первоначальной глухости тюркского консонантизма и о появлении звонких в результате ослабления глухих в определенных позициях, то в данном случае изменение шумных сонорных в якутском языке может иметь и противоположную направленность: *-p-* < *-b-* < *-m-*. Например, *чарпа* 'оско-

лок' сопоставим с тюркским *чарба, ѓарма*, где *-ма* — аффикс образования имен от глаголов, в языках огузской группы он стал очень важным формообразующим аффиксом. В старейших тюркских памятниках он встречается довольно редко, не имеет широкого распространения и в якутском языке: *сүрбä* 'поток', *сыылба* 'вялый', *талба* 'отборный'.

Денализация анлаута аффиксов для якутского языка, так же как и для ряда других тюркских языков, в том числе и тюркских языков Сибири, явление обычное; более редким является оглушение *b* (< *m*) после сонорного. Глухой согласный в этом аффиксе появляется и в других словах: *чомпо* 'обмакивание, погружение' (ср. др.-тюрк. *ѓот* 'нырять, окуна́ться'), *хампа* 'старость, ветхость, разбитость' (ср. др.-тюрк. *дат* 'сваливать, сбивать'). Сочетание *-mb-* в современном якутском не встречается, но нежелательное стечение согласных могло быть изменено и другим образом (ср. *таммах* 'капля' от *там + бах*). Причина изменения *-m- > -b- > -p-* после сонорных может быть связана с упрощением групп согласных *-mp- + -b-*, *-rt- + -b-*; например: *үөмпүтүм < үөмп + бүт + үм* от *үөмп*, *үөм*, *үөн* 'красться, подкрадываться', *хаампытым < хаамп + быт + ым* от *хаам*, *хаамп* 'идти (шагом, пешком), ходить, прохаживаться' [Бётлингк, 1989, с. 226—236].

Но это не объясняет все случаи *m > (b) > p* и *b > p* после сонорных, такие изменения имели место и в заимствованиях из монгольских языков: як. *бырпас* 'вспыльчивость, горячность в характере', *бырпастыгас* 'сморщенный, раздражительный, характерный'; ср. бур. *birbai-* 'делать кислое лицо, выражать неудовольствие'; кирг. (Юд.) *бурбуй-* 'вытянуть в трубочку сморщенные губы', *бурбунда-* 'сильно злобствовать'; як. *сампай*, *сымпай* 'короткие волосы в хвосте у лошади' < монг., бур. *hämbä*, халх. *saḡal sambē*; *хомпоогор* 'горбатый, выгнутый, пустой' < монг., орд. *хombogor*, *хombö*, калм. *хumbä* [Kałużyński, 1961, S. 143].

Таким образом, в позиции, где *b — p* противопоставлены как фонемы, они могут быть возведены к

одному прототипу: *b* или *b < m*. Исходя из этого можно сделать вывод, что фонологическая оппозиция *b — p* сформировалась на собственно якутской почве и связана с изменением сочетаемости сонорных и шумных согласных в тюркском слое якутской лексики, а также с массовыми заимствованиями из монгольских и русского языков, например:

1. *сүүрбэ* < др.-тюрк. *jegirmi*; *тарным* 'тянувший' < *тарт* + *быт*, где *-быт* < др.-тюрк. *-mis*, *түрмэ* < рус. *тюрьма*;

2. *адбын* 'обман'; *булпут* 'наша охота, добыча'; *адмаас* 'алмаз'; *албын* < монг. письм. *albin id.*, *булпут* < *булт* + *быт* (< др.-тюрк. *-mis*); *адмаас* < рус. *алмаз*;

3. *салбаа* 'облизывать, обсасывать'; *илпит* 'унесший', где *салбаа* < тюрк., тур., ног., тат. диал. *йалма*, каз., каракалп. *жалма* 'лизать, глотать'; *илпит* < *илт* + *бит* (< др.-тюрк. *-mis*).

Как видно из приведенных примеров, в формировании оппозиции шумных губных в позиции после сонорных большую роль сыграли изменения тюркского *m*. Складывание фонологической оппозиции губных согласных определили два процесса, связанные с изменением дистрибуции *m*: назализация анлаута слов и деназализация анлаута аффиксов.

Для якутского языка характерно развитие анлаутного *m-*, который встречается всего в два раза реже, чем *b-*. В древнетюркских рунических и уйгурских памятниках *m-* появляется редко, большая часть слов с *m-* заимствована из санскрита, арабского, персидского и других языков. В тюркских основах *m-* обычно является результатом ассимиляции начального *b-* носовым согласным корня: *ben ~ men* 'я', *bun ~ mun* 'мучение', *bengü ~ mengü* 'вечный', *bij, big ~ miḡ* 'тысяча', *bin ~ min* 'садиться верхом'. Это соответствие для классификации говоров в древнетюркских языках использовали И.А. Батманов и Дж. Клосон [Батманов и др., 1962, с. 48; Clauson, 1972, p. 69]. В местоимении 1-го л. ед. ч. встречается *b-* в памятнике Тоньюкуку, в уйгурском памятнике Моюн-Чуру, в большинстве енисейских памятников. В памятнике Кюль-Тегину упот-

ребляется *теп, теҗин, таҗа*; *теп* встречается в Суджинском памятнике и в памятнике Могиляна, но там же пишется *beŋgü* и *buŋ*. У Махмуда Кашгари для губно-губного носового сонорного *m*- отмечена позиция в начале, середине и конце слова, но добавлено, что имеющийся в начале слов *m*- в языке огузов, кыпчаков и суваров заменяется *b*-. Появление *m*- в древнетюркском зависело от наличия в слове носового согласного.

Те слова, которые в рунических памятниках употреблялись с *b*- ~ *m*-, в якутском языке дали *m*-: *мин* 'я', *мун* 'горе, мўка', *минэ* 'ездовой (о лошади)', *мэнэ* ~ *мэгэ* ~ *мөнө* ~ *мөгө* и т.д. 'непреходящий, вечный', *мэнэ танара* 'неизмеримое небо'; *мэнэ халлан өлбөт мэнэ уута* 'вечная вода, живая вода' ~ *ойун мэнгэтэ* [Ксенофонов, 1937].

Этот процесс охватил все современные тюркские языки, но в огузских языках, как и во времена Махмуда Кашгари, *m*- других тюркских языков может соответствовать *b*-; например, 'рог': кирг. *müjüz* / *müjüs*, карач.-балк. *tujuz*, кумык. *müjüz* / *müjuz* / *müjuz*, тат. *mүg'ez* / *mүgez* / *mөgөez* / *mөjöz* / *mөjz*, башк. *mөgөө* / *mөjөө*, каракалп. *mөjөez* / *mөjөez*, каз. *mөjөez*, уйг. *mөngөez*, узб. *mөngөez*, сиб. тат. *mү:s* / *mөgөez* / *mөjөez* / *mөjөez*, бачат. тел. *mү:s*, чулым.-тюрк. *mү:s*, алт. *mү:s* / *mү:s'* / *mүjүс*, шор. *mү:s* / *mүgүс*, хак. *mү:s*, тув. *mүjөs* / *m'i:s*, тоф. *m'i:s*, долг. *mөs*, як. *mөs* ~ *гагауз. bujnus* / *bujnuz*, азерб. *bujnus* / *bojnus* / *bujnuz* / *bөjнөz*, турк. *bujniđ* / *buinuz* (ДАТЯ).

В якутском языке очень развита ассимиляция *b*- ~ *m*- под влиянием носовых согласных основы, слов типа *b*- + гласный + носовой согласный основы почти не встречается. В словаре Э.К. Пекарского таких слов насчитывается около 20. Подобная картина наблюдается в киргизском языке (а также в сибирских тюркских языках), где корнеслов, состоящих из сочетания начального *b*- с последующими гласными и носовым согласным, по материалам «Киргизско-русского словаря» К.К. Юдахина, насчитывается лишь около десятка.

Как уже отмечалось, в якутском языке противопоставление *т-* и *б-* является фонематическим. В словаре Э.К. Пекарского насчитывается около 60 пар слов, различающихся только *б-* и *м-*: 1) *мал*, *маал* (др.-тюрк. *mal*) 'скарб, добро, имущество' — *баал* (рус. *бал*) 'бал'; 2) *Мааһа* (рус. *Маша*) 'Маша' — *Бааһа* (рус. *Вася*) 'Вася'; 3) *бэри* (ср. маньчж. *бэри*) 'лук', *кэлтэгэй бэри* 'железный наконечник стрелы для гусей' — *мэри*, *мээри* (ср. монг. 'дурак') 'болтун; болтовня'; 4) *бэйи*, *бэйэ* 'ужо, погоди' — *мэйи*, *мэйиш* 'голова, мозг'; 5) *бэ* (указательная основа) — *мэ* 'на, возьми'; 6) *бай* (междометие удивления, согласия) — *май* (одно из начальных слов припева); 7) *баалы* (часть имени собственного — Киэли Баалы Тойон, Киэн Киэли Баалы Хотун сылгы айыыста) — *маалы* (самостоятельного значения не имеет), *халы-маалы* 'беспорядочный' и т.д.

Таким образом, среди слов, противопоставленных наличием *м-* и *б-*, значительное место занимают заимствования из других языков, образные и звукоподражательные слова, междометия, а также основы, где *м-* появилось в результате явной ассимиляции. Все это говорит о том, что система, в которой противопоставление *м-* и *б-* является фонологическим, сложилась относительно недавно. О времени становления якутского анлаутного *м-* можно отчасти судить по характеру заимствования монгольских и русских слов с губным анлаутом. Монгольские *т-* и *б-*, как правило, сохраняются, но могут дать комбинаторно необусловленные колебания: 1) *бүдүрүү* — *мүдүрүү* 'спотыкаться' < монг., монг. письм. *büdüri*, калм. *büdü*, бур. *büdäre*, халх. *büdere*; 2) *бэччий* ~ *мэлчий* ~ *мэччий* 'пасти' < монг., монг. письм., бур. *belči*, халх., калм. *belši*; 3) *мэргэн* ~ *бэргэн* 'меткий стрелок' < монг. письм., бур., калм. *mergen*; 4) *муруки* 'бурундук', ср. бур. *burçi tarbaҕan*, халх. *burçi* 'сурок-самец' [Kałużyński, 1961].

Русские *б-*, *п-*, *в-*, *ф-* регулярно заменяются в якутском *б-*, а *м-* совпадает во всех позициях с якутским *м-* [Слепцов, 1964, с. 88—89]. Колебания в употреблении *б-* и *м-* в словах, заимствованных из рус-

ского языка, носят, как правило, комбинаторный характер. Из 500 слов с губным анлаутом, заимствованных из русского языка, только около 30 упоминания в словаре Э.К. Пекарского в двух вариантах. Колебания в употреблении *б-* и *м-* возникают обычно из-за наличия в основе других сонорных согласных. Значит, можно предположить, что ко времени проникновения в якутский язык русских слов (с 1620 г.) противопоставление *м-* и *б-* уже установилось, хотя по чередованию *т // б* разнятся между собой не только диалекты (в одних предпочтительнее *м-*, в других *б-*), но и отдельные слова [Убрятова, 1960а, с. 84—88; Афанасьев, 1965, с. 83—85; Воронкин, 1984; Барашков, 1985].

Как особый случай фонетически не обусловленного чередования *м // б* О.Н. Бётлингк выделил:

1) местоимение 1-го л. ед. ч. — *т-* // местоимение 1-го л. мн. ч. — *б-*;

2) аффикс принадлежности 1-го л. ед. ч. в неопределенном падеже — *т-* // в других падежах — *б-*;

3) аффикс сказуемости 1-го л. ед. ч. *б-*;

4) глагольное отрицание в императиве, деепричастии и причастии будущего времени выражается через *та //* в других формах глагола — через *ба* [Böhtlingk, 1851, S. 172].

Значит, если в анлауте слова *т-* якутского языка восходит к *б-* языка рунических памятников, то в анлауте ряда аффиксов *т-* рунических памятников соответствует в якутском языке *б-*:

1. Аффикс причастия абсолютно прошедшего времени: др.-тюрк. *mis ~ -mis ~ -müs ~ -mus ~ -mas ~ -mas* (*jer täğri törümistä* 'с тех пор, как возникли земля и небо'), як. *-быт* (*-ным*, *-мым*) [Ястремский, 1900, с. 44]. Те тюркские языки, которые имеют эту глагольную форму, сохранили в анлауте аффикса *т-* (караханидский, чагатайский, староосманский, турецкий, азербайджанский, уйгурский).

2. Аффиксы местоименного происхождения: а) личноп-притяжательные; б) сказуемости; принадлежности 1-го л. мн. ч.: др.-тюрк. *-miz* (*-miz*, *-muz*, *-imiz* и т.д.)

(*jayızız* 'наши враги', *törümüz* 'наши законы'), як.-быт (-*ныт*, -*мыт*). Полагают, что аффиксы принадлежности развились из форм родительного падежа личных местоимений. Об этом говорит то, что аффикс 1-го л. ед. ч. имеет во всех языках *m*, а в южных тюркских языках личные местоимения в Casus indefinitus имеют в анлауте *b-* (*ben*), который только в родительном падеже заменяется на *-m*, а также подтверждают данные монгольских языков, в которых притяжательные аффиксы развились из форм родительного падежа [Котвич, 1962, с. 166—167]. Южные тюркские языки сохраняют *m-* (караханидский, чагатайский, турецкий, азербайджанский, туркменский, узбекский, современный уйгурский), а в сибирских тюркских языках и в некоторых кыпчакских *m- < b-* (хакасский, шорский, тувинский, тофакский, татарский, башкирский, кумыкский, карачаево-балкарский). В языке барабинских татар сосуществуют формы с начальными *b-* и *m-* [Дмитриева, 1966, с. 206]. В тех случаях, когда временные глагольные формы образуются при помощи аффиксов принадлежности, в якутском и других сибирских языках в анлауте аффикса употребляется *b-*. Аффикс сказуемости, также возводимый к личным местоимениям, несколько отличается по употреблению *m-* и *b-*. Это объясняется тем, что он восходит к Casus indefinitus и первоначальную форму имел с *b-*.

3. Формы отрицания у глаголов: образуются в якутском языке при помощи аффиксов *-ма* (*-ба*), *-м* (*-б*) [Убрятова, 1966б, с. 414]. Отрицательные основы глагола в древнетюркском языке имели форму *-та* (*qılma* 'не делать', *ölürmä* 'не убивать'), которая сохранилась в большинстве тюркских языков. Изменили ее сибирские тюркские языки и киргизский. В анлауте аффикса отрицательной формы глагола в тувинском и хакасском *m-* появляется только после основ на носовой согласный.

Якутский язык первоначально имел формы с *m-*, который сохранился в ряде аффиксов:

1) отрицательный аффикс *-ма* при повелительной форме;

2) отрицательная форма деепричастия на *-ан-* → *-мына*;

3) отрицательная форма деепричастия на *-аары* → *-маары*.

Таким образом, формы отрицания в якутском языке совпадали с древнетюркскими, которые сохранились в большинстве тюркских языков, а затем якутские аффиксы изменились так же, как южносибирские и киргизские ($m > b$). Это изменение охватывает и те аффиксы, которые в современном якутском языке уже омертвели: 1) упоминавшийся выше аффикс *-бах* < др.-тюрк. *-таq* — *тарбах* 'палец', *эрбэх* 'большой палец', *таммах* 'капля', *барбах* 'нехороший'; 2) ныне непродуктивный аффикс образования имен от глаголов *-ба* < др.-тюрк. *-та*, который образовывал: а) существительные со значением предмета или результата действия; б) прилагательные с характеристикой по результату действия: *уолба* 'усыхающий, заросший водоем' от *уол-* 'усыхать, убывать', *үүрбэ* 'гурт скота' от *үүр-* 'гнать', *талба* 'отличный' от *тал-* 'выбирать' [Харитонов, 1960, с. 37].

В тех случаях, когда тюрк. *-т* > як. *-b* в аффиксах, утративших продуктивность, этот аффикс присоединяется к основе, оканчивающейся на сонорный согласный *l* или *r*, если основа заканчивалась на носовой, то деназализация *т*- аффикса не происходила (*таммах*). Но в продуктивных формообразовательных и формоизменяющих аффиксах (падежные аффиксы лично-притяжательного склонения) деназализованный вариант появляется после гласного основы: *табабын* вин. п. лично-притяжательного склонения от *таба(м)* 'олень', *агабыныын* совм. п. от *ага* 'отец', *боробор* дат. п. лично-притяжательного склонения от *боро* 'волк' и т.д.

Это можно объяснить тем, что аффиксы причастий на *-быт*, отрицательные формы причастий на *-бат* и *-батах* и т.д. входят в группу аффиксов, непосредственно присоединяющихся к основе. А на морфемных швах в якутском происходят интенсивные

ассимилятивные процессы, в результате которых эти аффиксы оказываются многовариантными. Выравнивание парадигмы могло произойти по наиболее частотному варианту, который стал употребляться как основной и после гласных. Доказательством может послужить то, что это касается аффиксов со структурой CVC или CV, а аффиксы типа (V)CV более устойчиво сохраняют качество согласного. Сравним поведение отрицательного аффикса *-та* в императиве и в тех случаях, когда он является частью другого аффикса: *утуйума* 'не спи!', *барыма* 'не ходи!' ~ *утуйбат* 'не спавший', *барбат* 'не ходивший'. Интересна в этом отношении форма ускоренности действия *-бах-таа*, в которой нередко после гласных начальный *-б* аффикса чередуется с *м-*: *аһаабхатаа-* и *аһаамахтаа*, *кэспээбэхтээ* и *кэспээмэхтээ*. Этимологически форма *-бахтаа* разлагается на компоненты *бах-таа*, где первый элемент восходит к древнетюркской форме *-таq* (*mäk*), образующей абстрактные существительные [Харитонов, 1960, с. 40], т.е. процесс выравнивания анлаута аффиксов с губными согласными мог в якутском пойти дальше, как это и случилось в сибирских языках, но был прерван и на монгольские заимствования уже не распространился. Ср. як. *төгөрүмтэ* ~ *тэ-гэримтэ* 'окольный путь' < монг., монг. письм. **tögüri* (+ *nte*) и як. *миэрбэс* < тюрк. **tägürmäch* < др.-тюрк. *tägirmi* [Kałużyński, 1961, S. 91].

Таким образом, на якутской почве сформировалась фонологическая оппозиция шумных *p — b*, изменилась дистрибуция *m*, в результате чего сформировалась оппозиция *m — b* в анлауте. Сохранилась существовавшая в древнетюркском оппозиция *-p ~ -m* в ауслауте (*көм* 'закапывать' ~ *көп* 'рыхлый', *ап* 'волшебство' ~ *эм* 'сосать', *биэм* 'моя кобыла' ~ *сиэп* 'карман' и т.д.), ограниченная лишь низкой частотностью *-p* в ауслауте, что было свойственно и древнетюркскому языку. По характеру изменения *m* в анлауте слов и аффиксов якутский оказался в одной группе с другими тюркскими языками Сибири и киргизским.

3. Переднеязычные смычные согласные

Переднеязычные смычные согласные образуют в якутском такую же симметричную систему, как и губные: шумный глухой смычный *t*, шумный звонкий смычный *d*, смычный носовой сонант *n*. По положению языка они являются апикальными, спорадически встречается придыхательное произношение *t*. В абсолютном конце слова *t* и *n* являются имплозивными (*n* имеет имплозивное произношение перед *d*, *t*, *č*) [Дьячковский, 1977, с. 13—19].

Фонологическая оппозиция *t—d* имеет место в анлауте и инлауте (в интervoкальном положении и после сонорных).

В словаре Э.К. Пекарского приведено около 200 корней с анлаутным *d-*, корней с *t-* в 3 раза больше, около 50 слов имеют варианты в произношении *t- ~ d-*. Можно подобрать ряд квазиомонимов с противопоставлением *t- — d-*: *tala:r* 'слегка волноваться' // *dala:r* 'много говорить'; *talbar* 'отборный' (> *tal* 'выбирать', ср. азерб., шор. *talla* 'выбирать', ойр., тел. *talda*, кирг. *tanda* 'выбирать') [Räsänen, 1969, S. 457] // *dalbar* 'большой берестяной сосуд, вмещающий до одного ведра кумыса, кожаный кумысный сосуд' (в Ботурусском улусе — 'стол, лабаз для кушанья; почесть', 'сердечный теплый прием с обильным столом'), халх. *dalbai* 'быть широким и плоским', бур. *dalbai* 'развертываться, растопыриваться', калм. *dalwä* 'breit und flach sein (vom Segel, vom Teller)', *dalw^aуrāуь* 'ein flacher Teller, ein Napf mit großer breiter Öffnung' > тув. *dalbai* 'расправляться (например, о крыльях)', алт., тел., шор. и др. (Р III 896) *talbai-* 'растягивать руки, развернуть крылья, чтобы лететь'; ср. VEWT 1306 [Калужиньски, 1979, с. 82], *dal* 'скотный двор' (ср. бур. *dal* 'навес', VEWT 130) // *tal* 'выбирать' [Räsänen, 1969].

Анлаутный *d-* встречается в целом ряде тюркских языков: это языки юго-западной (азербайджанский, турецкий, туркменский и т.д.) и северо-восточной (тувинский, тофский) групп. На происхождение это-

го *d*- существуют различные точки зрения, которые можно свести к двум противоположным утверждениям. Первое заключается в том, что в пратюркском языке был один анлаутный дентальный смычный глухой (сильный) **t*, а звонкий (слабый) **d*- появился в результате позиционного озвончения, влияния последующего гласного, иноязычного влияния, под воздействием фазовой фонетики и т.д. [Рясянен, 1955, с. 138; Щербак, 1970, с. 90—91; Гаджиева, 1974, с. 65—71]. А.М. Щербак считает, что *d*- в огузских и тувинском языках появился в результате ослабления анлаутного *t*- и слабый (звонкий) был результатом этого процесса, а сильный (глухой) представляет исходную ступень.

Сторонники другой точки зрения восстанавливают для пратюркского анлаута два смычных **t*- и **d*-, а для алтайской общности три: **t*-, **d*-, **δ*-. В.М. Иллич-Свитыч развил гипотезу о наличии в алтайском анлауте троичного противопоставления по характеру смычки для гуттуральных, дентальных и лабиальных. Противопоставление дентальных строится на соответствии:

(**t*-) *t*^c (тюрк. **t*- > огуз. *t*-, *d*-, тув.-карагас. *t*-, *d*-); монг. **t*-, тунг. **t*-;

(**d*-) *t*- (тюрк. **d*- > огуз. *d*-, тув.-карагас. *d*-); монг. **d*-, тунг. **d*-;

(**d*-) *d*- (тюрк. **j*- > огуз. *j*-, тув.-карагас. *č*-); монг. **d*-, тунг. *d*- [Иллич-Свитыч, 1971, с. XIII; Menges, 1968, p. 34—36].

В.М. Иллич-Свитыч представил это противопоставление по языкам в следующем виде:

Алт.	Тунгусо-маньчжурские			Монгольские	Тюркские			Корейские
	Эвенк.	Нан.	Маньж.	Монг. письм.	Тур.	Тув.	Др.-тюрк.	
<i>*t^c</i>	<i>t</i> -	<i>t</i> -, <i>c</i> -	<i>t</i> -, <i>c</i> -	<i>t</i> -, <i>č</i> -	<i>t</i> -, <i>d</i> -	<i>t</i> -, <i>d</i> -	<i>t</i> -	<i>t</i> -
<i>*t</i> -	<i>d</i> -	<i>d</i> , <i>ʒ</i>	<i>d</i> , <i>ʒ</i>	<i>d</i> -, <i>ʒ</i> <i>-t</i> -, <i>-č</i> -	<i>d</i> - <i>-t</i> , <i>d</i> -	—	<i>t</i> -	<i>t</i> - <i>-th</i> -
<i>*d</i>	<i>d</i>	<i>d</i> , <i>ʒ</i>	<i>d</i> , <i>ʒ</i>	<i>d</i> , <i>ʒ</i>	<i>j</i>	<i>č</i> - <i>-d</i> -	<i>j</i> - <i>-δ</i> -	<i>t</i> - <i>-d</i> -

Таким образом, с точки зрения сторонников этой гипотезы, турецкий и другие огузские языки в этом отношении архаичнее древнетюркских, так как «сохраняют (в несколько измененной форме) пратюркское противопоставление **d-* и *t-*» [Иллич-Свитыч, 1963, с. 44]. Если в группе губных смычных согласно этой концепции выпадает сильный *p^c-* (> *h-* > *ø-*), то в группе переднеязычных изменяется самый слабый *d-* (**δ*), который в тюркских языках (в отличие от монгольских и тунгусских) спирантизуется и дает *j-*. Первая ступень по степени напряженности *t^c* и вторая *t* в одних тюркских языках совпадают в *t-*, в других сохраняется оппозиция шумных переднеязычных в анлауте.

В наиболее ранних памятниках древнетюркской письменности анлаутный *d-* почти не встречается. Его нет в орхонских, енисейских и уйгурских памятниках. В словаре Махмуда Кашгари он встречается очень редко: в I томе — 7 слов, во II — 4 слова, в III — 10 слов [Махмуд Кошғари, 1960, 1961, 1963, 1966]. Махмуд Кашгари указывает, что переход *t* > *d-* характерен лишь для огузов и их родичей, но во многих словах, которые рассматриваются в словаре как огузские, сохраняется *t-* (об употреблении *d-* в литературных памятниках Средней Азии см. [Brockelmann, 1954, S. 28—29]). Как доказательство вторичного характера огузского *d-* можно рассматривать и то, что халаджский язык, сохраняющий черты древнего языка аргу, имеет в анлауте *t-* [Doerfer, 1971, p. 171]. Среди тюркских языков Сибири наличие фонологической оппозиции анлаутных неносовых смычных характерно лишь для тувинского и тофского языков. Систему анлаутных смычных близкую тувинской описывает Э.Р. Тенишев [1963, с. 11—15] в саларском и сарыг-югурском языках. Близкая система описана в языке уйгуров-урякхайцев.

В тувинском языке противопоставление сильных и слабых согласных имеет последовательный характер в анлауте; в инлауте и ауслауте возможны лишь слабые. На основную оппозицию по силе-слабости наклады-

вается дополнительная по звонкости-глухости [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 86; Сегленмей, 1979]. В тофском языке сильные согласные в анлауте довольно редки и употребляются в ограниченном числе слов [Рассадин, 1971, с. 60].

Сопоставление тувинских *tʰ* и *d* с аналогичными согласными в языках огузской группы, а также в саларском и тофском, показало, что случаев несовпадения тувинского *d*- и огузского *d*, тувинского *tʰ* и огузского *t*- больше, чем совпадений (данные из диссертации Л.С. Левитской). Часто расходятся и тувинские и тофские анлаутные дентальные:

тоф. *dara* ~ тув. *тараа* 'хлебные посева, зерно';

тоф. *dəños* ~ тув. *тос* 'девять';

тоф. *dən* ~ тув. *тон* 'шуба' [Там же].

Обстоятельно разбирает соответствия *t*- и *d*- в огузских и тувинском языках А.М. Щербак [1970, с. 90—95] и приходит к выводу, что «слова с начальными глухими (сильными) с одной стороны, и слова с начальными звонкими (слабыми) с другой, не образуют последовательно разграниченных рядов даже внутри группы огузских языков». Другую точку зрения при анализе того же материала высказывает С.А. Старостин [1991, с. 6—12]. Он устанавливает следующую закономерность:

праогуз.	азерб.	тур.	турк.
* <i>t</i> -	<i>t</i> -	<i>t</i> -	<i>t</i> -
	перед задними гласными		
* <i>d</i> -	<i>d</i> -	<i>d</i> -/ <i>t</i> -	<i>d</i> -
	перед передними гласными		

Из 92 рассмотренных выше примеров лишь 12 дают исключения: азерб. *daj*, тур. *taj*, турк. *taj* 'жеребенок'; тур. *dal*, азерб. *täl* 'тальник, ветвь'; азерб. *tän*, тур., турк. *den* 'одинаковый'; азерб. *täp*-, тур. *tep*-, турк. *dep*- 'лягать'; азерб. *tär*, тур. *ter*, турк. *der* 'пот' и т.д.

Якутская система анлаутных дентальных смычных не объясняется ни огузской, ни тувинской. Огузско-

му и тувинскому *d-* в якутском регулярно соответствует *t*. Совпадение якутского *d-* с огузским или тувинским *d-* происходит лишь в отдельных словах:

азерб.	тур.	турк.	тув.	як.	
<i>dāxi</i>	<i>dahi</i>	—	<i>daḡin</i>	<i>даганы</i> ~ <i>таганы</i>	'и, тоже'
<i>daj-</i>	<i>daj</i>	<i>dæg</i>	<i>dæg</i>	<i>дагай</i> ~ <i>тагай</i>	'трогать'
<i>toz</i>	<i>toz</i>	<i>tōδ</i>	<i>dōzun</i>	<i>дуохун</i> ~ <i>доохун</i>	'пыль'

В тех случаях, когда анлаутный *d-* совпадает в тувинском, тофском и якутском языках, слово, как правило, оказывается заимствованным из монгольского: 1) як. *дэгдэй* 'приподниматься над землей' // тоф. *deḡede-* 'вознестись на небо', монг. старописьм. *degde* 'подниматься вверх, воспарить, взлететь', ойр. *degde* 'подняться вверх, вырасти'; халх., бур. *дэгдэ*, калм. *дэгд* - id.; 2) як. *дэлэгэй* 'обильный, обширный' // тоф. *delefej* 'мир, земной шар' // тув. *делегей* 'мир', монг. старописьм. *delekei*, ойр. *delekei*, халх. *дэлхий*, бур. *дэлхэй*.

Итак, якутский язык по характеру анлаута шумных переднеязычных согласных отличается от огузских и группы восточных языков (тувинского, тофского, уйгуро-урянской, саларского, желтоуйгурского), которая тесно связана с одним из диалектов древнего уйгурского языка. Но он сближается по этим параметрам не только с новыми и новейшими кыпчакскими языками, но и древним языком орхонских текстов:

'язык': др.-тюрк. *til / tīl*, як. *təl*, карач.-балк. *til'*, ног. *tēl*, кумык. *til*, тат. *tel / tēl*, башк. *tel*, каракалп. *til*, узб. *til / ti:l*, каз. *til*, уйг. *til*, сиб. тат. *tīl*, бачат. тел. *til*, чулым.-тюрк. *til / tīl*, алт. *til' / təl' / tel'*, шор. *til*, хак. *təl*, долг. *təl*, як. *təl* ~ тув. *dəl*, тоф. *dəl* ~ гагауз. *d'il* ~ азерб. *dil* ~ турк. *dil* ~ узб. (диал.) *dil*;

'верхушка, темя': др.-тюрк. *tōrū*; гагауз. *t'ep'ä / t'ep'e*, карач.-балк. *təppe*, ног. *töbö*, кумык. *töbe / tebe*, тат. *tybæ / töbæ / tübäe / tübæ*, башк. *tybæ*, чув. *t'урε / t'өрε*, каракалп. *tæbe / tæbcæ*, узб. *təbæ / taeræ / teræ*, кирг. *təbø*, каз. *təbø*, уйг. *təpæ*, сиб. тат. *tybæ / tæbcæ*, алт. *təbø*, хак. *tæmen*, як. *tæbcæ* ~ турк. *dεpε / defe / dæpæ* (но азерб. *tæpæ*);

‘лить, сыпать’: др.-тюрк. *tök*; карач.-балк. *tøk*, ног. *tök / tok°*, кумык. *tök / tok°*, тат. *tyk / tyg / tük*, башк. *tyk*, чув. *tæk*, каракалп. *tæk*, узб. *tøk / tok*, кирг. *tøk*, каз. *tøk*, уйг. *tøk*, сиб.тат. *tyk / tæk*, бачат. тел. *tøk*, чулым.-тюрк. *tæk*, алт. *tøk*, шор. *tøk*, хак. *tæk / tik*, долг. *təq*, як. *təq* ~ гагауз. *d'ök*, турк. *dæk*, узб. *døk*, но тув. *t'æk*, тоф. *tök*;

‘голос, шум’: др.-тюрк. *taviš / taviš*; карач.-балк., кумык. *tawuf*, тат. *tawəf / twəf / tawəf*, башк. *tawəf*, узб. (диал.) *tawəf / twuf*, кирг. *tabəf / tabuf // dobuf' // do:f'*, уйг. *tabəf / to:f*, сиб.тат. *tawəf*, бачат. тел. *tabəf*, чулым.-тюрк. *t'a:bəf*, алт. *tabəf / ta:bəf*, шор. *ta-βəf / tabəf*, хак. *ta-βəs / ta-βəf*, долг. *t'as*, як. *tas* ~ тув. *da:f'*, тоф. *da:f'*;

‘стелить’: др.-тюрк. *töšä*, карач.-балк. *təfe*, кумык. *töf'e / tofe*, тат. *myfə / t:fe*, башк. *tyfə*, каракалп. *təse / tæse*, узб. *təf'ə / tə'ə / təfə*, кирг. *təfə*, каз. *təfə / təsə*, сиб.тат. *təfə / tyfə*, алт. *təzə*, шор. *təze*, хак. *təze / tæze* ~ тув. *dəzə*, *dəje*, гагауз. *d'öfe / d'ofe*, азерб. *dəfə*, турк. *dəfə*.

Слова с анлаутным *d*- представляют в якутском языке слишком большую и характерную группу, чтобы их можно было объяснить только единичными заимствованиями или озвончением, хотя можно отметить и такие случаи; так, с начальным *d*- вошли в якутский язык некоторые эвенкийские слова, например *далыс* ‘род передника’. Иногда начальное *d*- можно объяснить и озвончением. Так, О.Н. Бётлингк послелог *diäri* производит от *tii* ‘достигать’, а озвончение объясняет тесной связью с предшествующим словом [Böhtlingk, 1851, S. 159].

Но основной источник появления анлаутного *d*- — монгольский язык. Хотя якутский язык имеет склонность воспринимать монгольский анлаутный *d*- как глухой *t*- (1), в большинстве случаев он сохраняет монгольское *d*- (2) [Kałużyński, 1961, S. 42—44]:

1) *taryi* ‘касаться’ < монг. письм. *dayari*, MNT *da'ari*, орд. *däri-*, калм. *där-*, халх. *daerə*; *toluk* ‘выкуп’ < монг. *doliy*, бур. *dolig* = др.-тюрк. *juluy* ‘купля’ > як. *sulū* ‘калым’; *maaga*, *магы* ‘свалявшаяся шерсть’ < монг. письм.

daχaki, калм. *dāχъ*, *dākə*, бур. *daχi*, халх. *dāχi* = тюрк. *јарауи* 'необработанная шерсть' >? як. *сабыргах* 'волосы (шерсть) подле висков; загривок';

2) *дэлэгэй* 'широкий' < монг. MNT *delegei*, монг. письм. *delekei*, орд. *delexi*, халх. *delxi*, монг. > кирг. *tälägäi*; *домнут* 'предсказания' < монг. письм., халх., калм. *dom*, *dal* 'загон' < монг. письм., халх., калм., бур. *dal*.

Непоследовательность в восприятии якутским языком монгольских *d-* и *t-* может быть объяснена не только одновременностью контактов и теми изменениями, которые произошли в самом монгольском языке, но и тем, что оппозиция *t-* — *d-* складывалась в течение какого-то времени и восприятие *d-* постепенно менялось. Анлаутный *d-* является результатом монгольско-тюркского двуязычия предков современных якутов. Стабилизации анлаутного *d-* могло способствовать то, что на якутский язык переходили большие группы эвенков, а для эвенкийского языка начальный *d-* обычен. Интересно, что мало отразившись в бытовой лексике, анлаутный *d-* очень характерен для звукоподражательных и образных слов и для собственных имен, особенно исторических и сказочных, причем некоторые из них не имеют монгольских параллелей, например: Дыгын, Тыгын сын Эр Элляй-а [Антонов, 1971, с. 109].

Оппозиция *-t-* — *-d-* в интервокальном положении также связана со смешанным характером якутского языка. Древнетюркскому *d* в якутском соответствует большей частью *t*. Н.Д. Дьячковский даже высказал предположение, что древнеякутский язык вообще не знал *d*. Но в древних орхонских памятниках из-за особенности графики одним (вернее, двумя) знаками в зависимости от рядности слова) знаком обозначались как *-d-* < *-ǰ**-, так и *d* < *t*, который возникал на морфемных швах обычно после глухих согласных (*itdi*, *jīšda*, *qontuqda*), в первом случае закономерно древнетюркскому *-d-* (пратюркский межзубный **-ǰ-*) в якутском соответствует *-m*, который совпадает с *-t-* < др.-тюрк. *-t-* [Рорре, 1959, S. 678]. Например: др.-тюрк. *adaq*, як. *атах*, хак. *азак*, тув.,

тоф. *adak*, алт., тел. *айак*, тур. *ayak*, азерб. *ajag*, турк. *аяк* 'нога, ножка'; др.-тюрк. *adir-* 'разделять, отделять', як. *атырдьях* 'рогатка, вилы', турк. *айыр-*, тур. *ayir-*, хак. *азыр-*, алт. *айры-*, кирг. *айыр*, уйг. *айри-* 'отделять, разделять, разлучать'; др.-тюрк. *jada*, як. *саты*, алт. *гойу*, тув., хак. *чадаг*, азерб. *jajag*, кирг. *жөө*, уйг. *йяк* 'пеший, пешком'.

Соответствие $r \sim d \sim t \sim z \sim j$ не представляет хронологически последовательных стадий развития [Дмитриев, 1955, с. 326—328]. Так, появление $-j-$ вместо $-d-$ более ранних текстов уйгурского письма в языке среднеазиатских литературных памятников вызвано влиянием все более распространявшихся с запада языков $-j-$ группы. В словаре Махмуда Кашгари встречается много вариантов слов с $\delta \sim d$, которым в языке «Атэбэт ул-хэкалк» (XII в.) и «Кыссас эл-энбийэ» (XIV в.) соответствует $-d-$. Имеются диалектные варианты чередования $d // \delta // \ddot{y}$ [Малов, 1951, с. 126; Насилов, 1974, с. 19; Brockelmann, 1954, S. 29—31]. Язык рунической и уйгурской письменности — это язык $-d-$ группы. Но $-d-$ венского списка «Кутадгу билиг», написанного уйгурским шрифтом, в каирской и наманганской редакциях может соответствовать не только $-d-$, но и δ . Язык желтых уйгуров, которых С.Е. Малов считал ближайшими потомками древних уйгуров-буддистов, — это $-z-$ язык. Кроме желтых уйгуров, к $-z-$ группе относятся хакасы и шорцы, а к $-d-$ группе — тувинцы и тофы. Нарушая привычную схему, по которой западные языки относились к $-j-$ группе, языком $-d-$ группы оказался халладжский язык, сохранивший $-d-$ языка аргу [Малов, 1951, с. 126—299; Doerfer, 1971, p. 162—163].

Якутский язык обычно включается как $-t-$ подгруппа в группу $-d-$ языков. Но это единственный язык, в котором $-d-$ отразился как глухой. Только в некоторых памятниках $*\delta$ может, как исключение, переходить в $-t-$ перед последующими глухими: *ätkü* вместо *ädgü* 'хороший' в рукописях на брахми [Gabain, 1950, S. 7], *qodiqi* > *qodqi* > *qotqi* 'скромный' и т.д. [Brockelmann, 1954, S. 30—31].

Если др.-тюрк. *-d-* > як. *-m-*, то монг. *-d-* (соответствующий др.-тюрк. *-d-* (δ^*)) сохраняется: як. *кутурук* 'хвост' < др.-тюрк. *quduruq*; як. *кудурган* 'подбрюшник' < монг. *quduryan* 'подхвостник'; як. *kädär* 'в стороне; наоборот; противоположное тому, что следует' < монг., бур. *heder* 'упрямый, строптивый, неговорчивый', халх. *hedär* 'непослушный, упрямый', калм. *kedr*, *kedër* 'свирепый, вспыльчивый, гневный' > алт. [Радлов, 1893—1911] *kädär* 'с норовом (о лошади)', саг., койб. *kedär* 'в сторону', тув. *xädär* 'грубоватый, упрямый', кирг. [Юдахин, 1965] *kidir* 'задержка, помеха, препятствие', хак. *kider* 'запад, на запад' ~ тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *ked* 'конец; задняя часть', *kedin* ~ *kidin* 'сзади, задний', *kederti* ~ *kiderti* 'сзади', кирг. [Юдахин, 1965] *kijin* 'после, затем'; ср. як. *kädärgi* ~ *kädirgi* ~ *kädirgä* 'противоположность; обратное направление; наоборот' < монг. *gedergen* 'задом; сзади', *gedergü* 'задом; обратно, назад', бур. *gederge* 'назад, обратно, вспять', халх. *gedræg id.* > тюрк., кирг. [Там же] *kädärgi* 'помеха, препятствие', каракалп. *kädärgi*, алт., бачат. тел. *kädärgi* 'находящийся в стороне' ~ як. *kätä* 'упорный, упрямый', *kätäyärin* 'противоположная сторона юрты', *kätäx* 'затылок; тыл, задняя сторона, задний' = тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *ked* ~ *ket* 'конец; задняя часть', *kedin* ~ *kidin* 'сзади; в западном направлении; затем, потом'; як. *атах* 'нога' < др.-тюрк. *adaq*; як. *адага* 'пути, кандалы' < монг., бур. *adaga* 'пути'.

Хотя и монгольский *-d-* в якутском языке часто оглушается [Kałużyński, 1961, S. 43]: як. *хатаа* 'забивать гвоздь, укреплять' < монг., монг. письм. *qada-*, бур. *xada-*, калм. *xadъ* > алт., кирг. *qada-*, тув. *kada-*, каз. *kaga*, тат. *када-*; як. *самгай* 'дырявый, открытый' < монг., монг. письм. *žadaγai*, халх. *džadъge*; як. *сатаа-* 'мочь, быть в состоянии' < монг. письм. *čida-*, бур. *sada-*, калм., халх. *šadъ* > алт., кирг. *čyda*, хак. *syda*; ср. як. *дыадаа-* 'не мочь, быть не в состоянии' < монг. письм. *jada-*, халх. *jadъ*; як. *хотуур* 'коса' < монг., монг. письм. *qaduγur*, халх., бур. *xadūr*, ср. *хадый-* ~ *ходуй-* 'косить' < монг. письм. *qadu*, орд. *xadu-*, бур. *xada-*.

В приведенных примерах монгольские *č-* и *ž-* отражаются как *s-*, что говорит о древности заимствования, поэтому можно предположить, что монгольское *-d-* перешло в якутское *-m-* на более ранних этапах заимствования. Возможно, что часть слов с интервокальным *-d-* попала в якутский язык в результате позднейшего притока какого-то тюркского диалекта, в котором процесс озвончения интервокальных согласных пошел дальше, чем в якутском.

Як. *kudu* 'тайком, незаметно', *ar̄i kudu* 'чуть не хватает, маловато (только о жидкостях)', *kuduk* 'неполно, недостаточно', *kudurui-* 'укорачиваться, понижаться (в цене); уступать (в условии)'. Ср. тув. *qudu* 'низкий; плохой; вниз, внизу', *quduqu* 'низкий, низший', *qudula-* 'понижаться, снижаться' = тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *qody* 'вниз, внизу, находящийся ниже', *qodyqu* 'находящийся внизу, нижний' (от *qod-* 'класть, оставлять') = як. *xotu* 'север, на север; вниз по течению', *xotugu* 'северный'; як. *dalbar* 'всплывать на поверхность воды (об оцепеневшей рыбе весной и осенью)', *dalbaryi-* 'цепенеть, неметь, делаться бесчувственным, затмеваться', *dalbar, dalbaryi* [Якутско-русский словарь, 1972] 'оцепенеть, застыть, замереть' = кирг. [Юдахин, 1965] *dalbar* 'устать, выбиться из сил', *dalbyra-* 'изнемогать', *dalai-* 'ослабеть, стать вялым'. Ср. тюрк. [Древнетюркский словарь, 1969] *tal* 'лишиться чувств', бачат. тел., алт., шор., саг., койб., каз. и др. [Радлов, 1893—1911] *tal* 'уствовать, быть усталым, слабым' = як. *tal* 'замереть, обмереть' [Kałużyński, 1961].

Именно это смешанное происхождение якутского *-d-* могло привести к диалектному чередованию *-t- // -d-*, широко распространенному в якутском языке [Афанасьев, 1965, с. 65—67].

С.Е. Малов к древним чертам тюркских языков относил наличие в них фонетических комплексов *rt*, *nt*, *lt* на морфемных швах, т.е. они должны встречаться не только в неразложимых основах типа *алтун* 'золото' и *алтан* 'шесть', но и в *ал-ты* 'взял', а не *ал-ды*, как во всех тюркских современных языках [Малов, 1951, с. 6].

В якутском языке имеются аффиксы с глухим анлаутом после *r*, *l*, *n*. Например, в форме исходного падежа, который после гласных и дифтонгов употребляется с *tt-*, а после *-j* и *-rt-* аффикса теряет долготу, но остается глухим. О.Н. Бётлингк считал, что сочетание *-rt-* в неразложимых основах объясняется сохранением более древних форм, так как озвончение *t* после сонорных перед последующими гласными явление позднейшее, а также тем, что в ряде случаев *t* в сочетаниях с сонорными восходит к *tt*.

Фонетические изменения на морфемных швах объясняются как действием звуковых законов, присущих современному якутскому языку, так и историей отдельных аффиксов. Изменения закономерностей сочетаний согласных внутри неразложимых производных основ и при присоединении аффиксов связаны с историческими изменениями фонологической системы якутского языка. Консонантизм современного якутского языка значительно отличается от консонантизма других тюркских языков Сибири, но у них есть общие черты, которые позволяют предположить, что якутская система начинала перестраиваться по тем же законам, что и другие тюркские языки Сибири: из шумных согласных в ауслaute возможны только глухие. В интервокальном положении на морфемных швах — при присоединении вокально-начальных аффиксов — периферийные группы согласных озвончаются, при том что в основах их употребление невозможно (*n*) или ограничено (*x*, *k*). В отличие от них *-m* основа не озвончается перед гласными аффикса: як. *kөт* 'лететь' > *kөтөт* 'заставить лететь'; *сыт* 'лежать' > *сытар* 'заставить лежать', ср. тув. *тут-ар* ~ *тудар* 'тот, что будет держать', алт. *тут-ар* ~ *тудар* id.; хак. *чат-ар* ~ *чадар* 'тот, что будет лежать'.

Эта особенность сближает якутский язык с киргизским, в котором ауслautный *-m* также сохраняется перед гласными аффикса. И.А. Батманов предположил, что явление озвончения *-m-* в интервокальной позиции развилось уже после того, как киргизы ушли с Енисея [Батманов и др., 1962, с. 70]. Но с

языками Южной Сибири, а также с рядом других тюркских языков якутский и киргизский языки объединяет то, что *-т* и *-д* в ауслауте не противопоставлены и это противопоставление не восстанавливается и после присоединения аффикса, начинающегося с гласной, в отличие от таких языков, как туркменский, турецкий, азербайджанский.

Эта тенденция не получила полного развития, позднее начинают действовать другие закономерности, часто возникающие под влиянием контактов якутского языка с другими языками. Интересный материал для изучения истории якутского языка представляет и история отдельных аффиксов.

В якутском языке консонантно-начальные аффиксы могут присоединяться к основе, оканчивающейся на согласный, разными способами; от этого в значительной мере зависит и число вариантов аффиксов по начальному согласному. Аффиксы могут присоединяться при помощи соединительного гласного, например: *утуйума!* 'не спи!', *барыма!* 'не ходи!', *барыман!* 'не ходите!'. При изменении способа присоединения отрицательного аффикса его начальный согласный начинает изменяться: *барбатын!* 'пусть не идет!'. Формы со «вторичным» анлаутом (*-бат*, *-батах* и др.) закрепляются в якутском языке уже как основные. Аффиксов, присоединяющихся при помощи соединительного гласного и не изменяющих поэтому начального согласного, в якутском языке очень много: *-мсий / -ымсий*, *-ргаа / -ыргаа*, *-талаа / -ыталаа* и т.д. Условно одновариантными можно считать аффиксы, у которых в зависимости от окончания основы происходит выбор между консонантно-начальным и вокально-начальным вариантами аффиксов: вин. п. *таба-ны* 'олень', *оҕо-ну* 'ребенка', но *ат-ы* 'коня', *эт-и* 'мясо'.

Если к основам, оканчивающимся на согласный, непосредственно присоединяется аффикс, начинающийся на согласный, то на стыке морфем может иметь место ассимиляция разного типа: прогрессивная, регрессивная, прогрессивно-регрессивная, пол-

ная, частичная. Наиболее типичной, имеющей аналогию в других тюркских языках, считается прогрессивная ассимиляция, когда начальный согласный аффикса изменяется в зависимости от конечного согласного основы. О.Н. Бётлингк обобщил изменения этого типа в следующей схеме:

1. *z* — после тяжелых кратких и долгих гласных и дифтонгов с тяжелым ауслаутом;
z — после легких кратких и долгих гласных, *й*-дифтонгов и трифтонгов, *p*, *l* и *l*;
k — после *k*, *t*, *n*, *s*;
x — после *x*;
ң — после *n*, *ң* и *m* (пример — аффикс дат. п.);
2. *t* — после простых гласных, дифтонгов, *k*, *x*, *t*, *n*, *s* и иногда *n*, *ң* и *m*;
д — после *й*-дифтонгов, трифтонгов и после *p*;
n — после *n*, *ң* и *m*;
l — после *l*;
l — после *l* (пример — окончание неопределенного вин. п.);
3. *б* — после всех гласных, *p*, *l* и *l*;
n — после *k*, *t*, *x*, *n*, *s* и иногда после *n*, *ң* и *m*;
m — после *n*, *ң* и *m* (пример — аффиговый посессив 1-го л. ед. ч. перед падежными окончаниями);
4. *л* — после гласных, дифтонгов твердого ряда, *л*, иногда *p*;
l — после мягкорядных гласных и дифтонгов, *l*, иногда *p*;
t — после *k*, *x*, *t*, *n*, *s* и иногда *n* и *m*;
д — после *й*-дифтонгов, трифтонгов и *p*;
n — после *n*, *ң* и *m* (пример — окончание обстоят. п.);
5. *с* — после гласных, *k*, *x* и *n*;
ч — после *t*, *s* и *m*;
дь — после *p*, *l* и *l*;
нь — после *n* (единственный пример — аффикс *-сыт*).

Но этими закономерными чередованиями, по материалам О.Н. Бётлингка, охвачено только около 30 аффиксов; по результатам более поздних исследо-

ваний число закономерно изменяющихся аффиксов может быть увеличено. Но не менее часто встречаются такие случаи, когда аффиксы с одинаковым анлаутом после основ на один и тот же согласный имеют разное количество вариантов. Есть аффиксы, которые вообще не меняют начальный согласный в этой позиции: это типично для всей группы уменьшительно-ласкательных аффиксов (-чык / -чик / -чук / -чүк; -ка / -кэ / -ко / -кө; -чаан / -чээн / -чоон / -чөөн). К этой группе относится и аффикс -тай, который часто употребляется при именах собственных, а также существительных и прилагательных, употребленных в качестве обращения: үрүнүүрэ үэйэнтэйим 'беленький горностайчик-мой', сэрэбийдээх сэгэртэйизэм 'имеющий жребий дружочек-мой'.

Этот аффикс А.М. Щербак рассматривает как новообразование в тюркских языках: встречается он в казахском, киргизском, узбекском и татарском [Щербак, 1977, с. 102]. При его присоединении наблюдаются случаи регрессивной ассимиляции: сэгэртэй → сэгэттэй. Этот тип ассимиляции в большей степени присущ сочетанию *pt* внутри основы (*орто* → *отто*), встречается он также на стыке конечного согласного основы и начального согласного аффикса в производных основах. Грамматическим омонимом этого аффикса является аффикс -тай, оформляющий имена собственные: Эрбэхтэй Бэргэн, Отохтой Бэргэн, Хаан-Олбохтой и т.д.

Закономерности присоединения аффикса -тай к основе столь различны, что можно предположить здесь совпадение двух аффиксов. Первый из них — это монгольский аффикс -тай, оформляющий имена собственные и означающий обладание чем-либо: Чэриктэй (название одного из наслегов); ср. монг. *čerigtei* < *čerig* = др.-тюрк. *čerig*, як. *сэрии* 'войско'; Чолбонтой, ср. монг. *čolbon* 'Венера'; Уйантай ср. монг. *ujan* 'нежный'; Айантай Бэргэн ср. монг. *ajan* 'путешествие' и т.д. В этом случае сочетание -нт- на морфемном шве сохраняется. Второй случай — когда на стыке морфем развивается прогрессивная ассимиляция:

Күннэй, Тимирдэй, Хахадай (от *хахай* 'лев'). Начальный согласный аффикса изменяется по типу, описанному О.Н. Бётлингком. В этих случаях аффикс восходит к древнетюркскому послелогу *teg* 'как, словно, будто', что подтверждается семантикой этих имен: «Подобный солнцу», «Подобный железу», «Подобный льву». Но в якутском языке этот древнетюркский послелог имеет еще два рефлекса.

1. Он вошел в состав аффикса сравнительного падежа *-таагар*, *-лаагар*, *-наагар*, *-даагар*, который состоит из *-таа* (< *-та* < **-тег* < *тег*) + *гар* (результат метатезы древнетюркского аффикса *-рак*, обозначающего степень качества прилагательных и наречий и сохранившегося в некоторых живых тюркских языках). Фонетическое преобразование древнетюркского *тег* в этом аффиксе наиболее отвечает закономерным соответствиям древнетюркского *у* в якутском языке: это должен быть либо долгий гласный, либо дифтонг.

2. Более редкий тип соответствия наблюдается в другом якутском рефлексе: древнетюркское *тег* — это аффикс *-нык* / *-дык*, присоединяющийся к личным и указательным местоимениям и образующий сравнительно-личные и сравнительно-указательные местоимения: *миигинник* 'такой, как я', *эйигинник* 'такой, как ты', *маннык* 'такой'. Количество фонетических вариантов по первому согласному ограничено тем, что он присоединяется только к косвенным основам, которые имеют показатель *-н*.

Итак, на базе одного древнетюркского послелога в якутском языке развивались три формы: 1) словообразовательный аффикс имен собственных *-тай* / *дай* / *-най*; 2) аффикс сравнительного падежа *-таагар* / *-даагар* / *-наагар* / *-лаагар*; 3) аффикс лично- и указательно-сравнительных местоимений *-нык* / *-дык*. Разные способы отражения древнетюркского *у* показывают, что в якутский они вошли в разное время и с разными группами тюркоязычных предков якутов, но они имеют общую тенденцию к изменению начального согласного аффикса (количество вариантов в первом и третьем случаях ограничено качеством

конечного согласного основы. Однако полностью совпадающий с первым случаем и по форме, и по функции, но монгольский по происхождению аффикс *-тай* не подчиняется этой тенденции.

Можно предположить, что процессы ассимиляции на стыке основы и аффикса активно развивались в то время, когда якутский еще не утратил связи с другими тюркскими языками Сибири: по количеству вариантов словоизменительных аффиксов он сближается с такими языками, как тувинский, шорский, хакасский, хотя и не совпадает полностью. Но после периода монгольско-якутского двуязычия эта тенденция ослабевает: так, уже сформировавшиеся ассимилятивные варианты аффиксов полностью сохраняются, но многочисленные аффиксы, попавшие в якутский с монгольской лексикой позже, остаются одно- или двухвариантными. Расширяется дистрибуция шумных согласных, так как исчезает тенденция, согласно которой периферийный согласный, стоящий в анлауте аффикса, при присоединении к основам на гласный или сонорный согласный последовательно озвончается. Начинает развиваться другой тип ассимилятивных изменений, охватывающий и монгольские заимствования, например: *хагдан / хандан / хардан / ...* 'сухая трава'. Эти изменения охватывают в основном центральные районы Якутии и в меньшей степени отмечаются в маргинальных зонах, что является надежным доказательством их позднего происхождения.

Изменения законов сочетаемости сонорный + *t* на морфемных швах приводит к тому, что *t* и *d* оказываются в одной и той же позиции в словах, сохранивших или утративших (в сознании носителей) возможность морфологического членения.

В ряде аффиксов и основ якутский *-m-* появляется на месте тюркского *s, ş, z*:

1) аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч. + *та* (-а) < тюрк. *sъ/ş*;

2) аффикс принадлежности 1-го л. мн. ч. + *быт* < тюрк. *тыз, быз*;

3) аффикс принадлежности 2-го л. мн. ч. *-гым* < тюрк. *лѳз*, *-лѳс*, *-уѳс*;

4) аффикс условного наклонения глаголов *-тар* и *-батар* < др.-тюрк. *-sar*, *-masar*;

5) аффикс отрицательных причастий настоящего времени *-бат* < тюрк. *-maz*, *mas*;

6) аффикс причастий прошедшего времени *-быт* < тюрк. *-тѳѳ*, *-тѳс*;

7) аффикс повелительного наклонения глаголов 3-го л. ед. ч. *-тын* < тюрк. *сѳн*;

8) аффикс деепричастия на *-аат* < тюрк. *уаѳ* [Убрятова, 1960а, с. 71—72; Böhntlingk, 1851, S. 180; Poppe, 1959, S. 678].

Это же соответствие наблюдается в ряде основ: як. *итиу* 'жара' < тюрк. *isig* 'горячий'; як. *отут* 'тридцать' < тюрк. *otuz*, *otus*; як. *умах* 'жажда' < тюрк. *su-saq*; як. *ытарга* 'серьги' < тюрк. *isirya*; як. *хотуо* 'рвота' < тюрк. **qotō* < *qosaγ*; як. *кытарак* 'яловый, скудный' < тюрк. *kizirak*, *kisrak*.

В тюркских языках переход *с > т* отмечен в народных говорах Западного Казахстана [Убрятова, 1960а, с. 72]. Спорадическое чередование *d* и *s* наблюдается в монгольском письменном и в халхасском. Это чередование приобретает последовательный характер в бурятском языке, где в конце слога проточному *s* других монгольских диалектов всегда соответствует *d* [Владимирцов, 1929, с. 397; Санжеев, 1953, с. 87]. Так как переход *с > т* в якутском происходит в тюркских основах и формах, то объяснить его простым заимствованием из монгольских языков нельзя. Возможно, что это территориальное явление, связанное с каким-то общим для якутского и монгольских языков субстратом.

В якутских диалектах отмечается появление *к* вместо *т* в литературном языке: *хойук* вместо *хойут*, *урук* вместо *урут* (Чурапчинский, Таттинский, Мегино-Кангаласский районы), *кубэ* вместо *тубэ* (Чурапчинский), *илдьик* вместо *илдьит* (Мегино-Кангаласский). Это явление нашло отражение и в словаре Э.К. Пекарского: *тыбыл* ~ *кыбыл* 'сжимать ногами

коня', ср. тюрк. *klti*, *кэмил* ~ *тэмил* 'целый (непочатый) лоскут', ср. тюрк. *tilim* 'узкий лоскут'. Переход *t > k* (и *k > t*) встречается и в других тюркских языках. Так, в чувашском языке общетюркскому *t* может соответствовать *k* и наоборот; *k* вместо *t* отмечается и в говорах мишарей и в некоторых диалектах караимского языка [Левитская, 1966].

В древнетюркском анлауте *n*- отмечено только в вопросительном местоимении *на* 'что?'. В якутском *n*-представлен достаточно широко. Слова с анлаутным *n*- появились в якутском языке в результате заимствования из монгольских, тунгусских и русского языков: *накий-* 'сгибать колена' < монг., калм. *naki*, халх., бур. *naxi* (< **nakiji*). Ср. як. *такий-* 'гнуть ноги', алт., бачат.тел. *такы-*; *наалагай* (< *налагай* ~ *ньялагай*) 'комар, мошка' < монг., монг. письм. *naɣaliŋqai*, *naliŋqai*, халх. *nālinxē* [Kałużyński, 1961, S. 55]; *нэлби* ~ *нэлбэ* ~ *ньэлбэ* '1) плечевая накидка с застежками; 2) навес у ребячьей зыбки' < эвенк. *нэлби* '1) кисточки для украшения нагрудников; 2) дверное полотнище палатки'; *налба* '1) плетень для перегораживания реки (< эвенк. *налба* id.); 2) морда-ловушка'; *наада* < рус. 'надо'; *наймы* < рус. 'наем'; *найаан* < рус. 'навязчивый'.

Анлаутный *n*- в якутском языке неустойчив и легко деназализуется: *догор* 'друг' < монг. *pökör*; *нөнүө* ~ *нөгүө* ~ *дьөгүө* 'следующий, другой' < монг., монг. письм. *pögüge*, *pökö'e*, бур. *niigö*.

В анлауте и ауслауте общетюркское *n*, как правило, сохраняется, хотя возможны различные колебания *n > l*, *n > d*, *n ~ л ~ j ~ ʃ* и т.д., но они (кроме *n ~ л ~ j ~ ʃ*) имеют позиционно обусловленный характер.

4. Переднеязычный проточный *s*

Согласный *s* — переднеязычный глухой щелевой. При артикуляции кончик языка находится у нижних резцов, т.е. якутский *s* является дорсальным [Дьячковский, 1977, с. 22].

В.В. Радлов считал, что самые важные данные для выяснения места якутского языка среди монгольских и тюркских дает состояние переднеязычных спирантов и аффрикат: *с, ч, ц, дь* [Radloff, 1908, S. 12—13]. Исследователями якутского языка указывалась такая характерная особенность якутского консонантизма, как бедность состава проточных шумных согласных при относительно полном составе смычных [Убрятова, 1960а, с. 67]. Проточные несибиллянты в якутском возникают в результате позднейшей фонологизации позиционных вариантов смычных; *h* и *h̄* являются результатом субстратного воздействия, поэтому *s* выступает как единственный заместитель всего тюркского ряда свистящих и шипящих спирантов, аффрикат и анлаутного *j*. Вместе с тем якутский *s* лишь частично совпадает с общетюркским *s* [Там же, с. 71].

Становление якутского *s* связано с процессами, существенно изменившими древнетюркскую систему пра якутского языка: *s- > h- > ∅*, *j/ç > s*, *č > s*, *s > t*, *-VsV- > -h-*, *-z-*, *-s-*, *-z- > t*, *-z- > s*, *-š > t*, *š > s*, монг. *s- > s-*, монг. *VsV > VhV*.

Якутскому *s-* соответствуют: др.-тюрк. *j-* (*ç-*), *č*, монг. *s-*, *č* (древнейших заимствований), *ž* (древнейших заимствований); якутскому *-s-* соответствуют: др.-тюрк. *-s-*, *-č-*, *-z-*, *-š-*, монг. *-s-*, *-š-*; якутскому *-s* соответствуют: др.-тюрк. *-s*, *-z*, *-š*, *-č*, *нč*, монг. *s*.

В якутском языке можно наметить четыре этапа развития *s*:

1. Состояние, близкое к зафиксированному в рунических памятниках: др.-тюрк. *-d- = t*, др.-тюрк. *j = j* (*ç-*), др.-тюрк. *s- = s-*.

2. *č- > s-*, *s- > h- > ∅*, *ç- > s-*, *č- > s-*, *č- > s-* (*< j* (*ç*)), *s > t* (период VIII—XI вв., вероятно, курыканский).

3. Якутский язык испытал мощное влияние какого-то монгольского языка, в результате в него попадают *č* и *ž*. О монгольском происхождении этих звуков говорит хотя бы то, что они употребляются в основном с монгольским лексическим фондом и имеют общую с монгольским языком закономерность: совершенно не встречаются в ауслaute. Монгольский

анлаутный *j*-, встречающийся довольно редко, подчинился общей тенденции и дал *дь-* (*ǰ-*). Определить хронологические рамки этого периода довольно сложно, так как время якутско-монгольских контактов определяют по-разному — от X до XVI в.

4. Субституция эвенкийского и русского *j*- якутским *дь*.

То, что общетюркский анлаутный *s*- в якутском языке дал *ø*, было отмечено еще В. Шоттом и О.Н. Бётлингом. В.В. Радлов предположил следующую последовательность этого изменения: *s*- > *h*- > *ø* [Radloff, 1908, S. 16]. Для сравнения обычно привлекают материалы башкирского языка, где также наличествует *h* < *s*, но Е.И. Убрятова доказала, что особенности дистрибуции *s* ~ *h* в якутском и башкирском очень отличаются. Она обратила внимание на роль эвенкийского языка в возникновении в якутском этого звука. Сводку всех точек зрения на появление *h* в якутском языке сделал Н.Д. Дьячковский [1977, с. 22—30]. Но все исследователи, занимавшиеся этой проблемой, не обратили внимания на то, что выделяются два типа изменений, связанных с переходом *s* > *h*:

1. На позднейшем этапе *-s*- > *-h*- и вторичный *s*- > *h*- (северные диалекты). В современном якутском языке *s* > *h* только в интервокальном положении, что характерно для восточной (сибилянтно-спирантной) группы диалектов эвенкийского языка. Сохранение звука *s* в начале слова и в интервокальной позиции характерно для говоров южного (сибилянтного) наречия, в говорах северного наречия вместо *s*- и *-s*- наблюдается *h*, в говорах восточного наречия в начальной позиции встречается как *h*-, так и *s*-, а в интервокальной позиции *-h*- [Константинова, 1964, с. 4].

В материалах Н. Витзена и Г.Ф. Миллера в якутском в интервокальной позиции употребляется *-s*- (точнее, *-ss-* либо *-β-*) (см. [Боргояков, 1971, с. 127]). На незавершенность перехода *-s*- > *-h*- указывал О.Н. Бётлингк [1851, S. 159]. Таким образом, только в

XVIII в. устанавливается современная литературная норма, когда *-s-* переходит в *-h-*, что характерно для восточного диалекта эвенкийского языка. Расширение территории, занимаемой якутами, привело к контактам с другими группами эвенков и эвенов, которые имели иную дистрибуцию *s ~ h*. В северных районах Якутии наряду с *s-* появляется *h-*. В долганском языке, который возник в результате обособленного развития одного из якутских диалектов, *h-* стал нормой, что присуще северной (хакающей) группе диалектов эвенкийского языка.

2. Древний этап *s- > h-*. Особенностью дистрибуции *s > h* на этом этапе было то, что в *h-* переходил только анлаутный *s-*, а интервокальный *-s-* сохранялся; такая особенность встречается в некоторых диалектах эвенского языка (изменение *σ < h- < *p-* во внимание не принимается). Так, в ольском говоре, который относится к восточной группе диалектов эвенского языка, фонема [s] встречается в середине и конце слова, например *осикат* 'звезда', *ус* 'оружие', а *h* — щелевой фарингальный глухой согласный — встречается только в начале слова: *hөксү* 'жара'. Во всех восточных говорах, так же как в ольском, *s* встречается чаще, чем *h*. В эвенских говорах Якутии наблюдается обратное соотношение: *s* встречается редко, а *h* — во всех положениях (в начале, середине и конце слова). Это резко отличает эвенские говоры Якутии от ольского и других говоров восточного наречия. Большой интерес представляют быстринский говор эвенского языка (распространенный в районе р. Быстрая на Камчатке), где *s- > h- > σ* при сохранении интервокального *-s-*: эвенк. *савда-* 'капать, течь', эвен. (ольск.) *hабдъ*, быстр. *абдъ*; эвенк. *савка* (*hавка*, *шапка*) 'привычка, хитрость', эвен. *hавълкан* 'привычка, сноровка', быстр. *авкъ* 'хитрый' [Сравнительный словарь..., 1971].

Местом, где могли происходить эти изменения, можно считать Прибайкалье. Основанием для этого, кроме исторических и этнографических данных о миграции эвенов с запада на восток, является ряд

лингвистических особенностей, которые имеют региональное околобайкальско-приенисейское распространение, — например фарингализация. Это позволяет считать эвенов относительно недавними мигрантами на северо-восток, приобретшими новый для себя тунгусо-маньчжурский язык в процессе этой миграции [Наделяев, 1986б, с. 39]. Группы бурят, появившиеся на этой территории позднее (XI—XII вв., по датировке А.П. Окладникова), восприняли ряд субстратных фонетических особенностей: $s > h$ и $s > d$. Разная дистрибуция $s \sim h$ и $s \sim d$ (t) и отсутствие $-s- > -t-$ в якутских словах монгольского происхождения исключают непосредственное влияние бурятского на якутский и наоборот. Эти изменения в якутском имеют очень ранний характер: они должны были произойти до перехода $j-$ ($\zeta-$) $> s$ и $\check{c} > s$, потому что вторичные спиранты этим изменениям не подвергаются.

Вторичный якутский анлаутный $s-$ в тюркских по происхождению словах соответствует древнетюркскому $j-$, который дает по языкам соответствия $j- \sim d' \sim \check{z} > \check{c} \sim t' \sim \acute{s} \sim s$. О тюркском анлаутном $j-$ существует обширная литература. Сторонники алтайской гипотезы, исходя главным образом из материалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, считают, что пратюркский $*j-$ представляет собой совпадение $*j-$, $*d-$ (у Поппе $*\delta-$), $*n$, $*j$ [Рясянен, 1955, с. 24—28; Порре, 1960, S. 9]. К весьма близкому результату приходит В.М. Иллич-Свитыч: пратюркскому $*j-$ соответствуют алтайские $*\check{z}$, $*j-$, $*n-$, $*\acute{n}$ [Иллич-Свитыч, 1971, с. 168—170], т.е. для пратюркского состояния восстанавливается $*j-$. Некоторые из исследователей, придерживающихся других взглядов на генетическое родство тюркских языков с монгольскими и тунгусскими, также восстанавливают для пратюркского состояния $*j-$.

Дальнейшая его судьба в тюркских языках представляется как аффрикатизация с последующей деаффрикатизацией, иногда сопровождаемой оглушением [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 275—278]. Подобный тип развития предлагался и

для объяснения вторичного анлаутного *s*- в якутском языке. Э.Р. Тенишев считает, что якутский *s*- мог развиться двумя путями: 1) $\check{c} > c > s$ и 2) $\check{c} > \check{s} > s$. Близка этой точке зрения и позиция В.И. Рассадина. Он рассматривает появление якутского *s*- < др.-тюрк. *j*- как часть общесибирского процесса изменения аффрикат и проточных шумных согласных. Чтобы *j* > *s*, необходимо какое-то промежуточное звено, которым мог быть \check{c} , перешедший через ступень \check{s} в *s*. Так как в ряде саянских тюркских языков др.-тюрк. *j* = \check{c} , то предполагается такое же состояние и для праякутского [Рассадин, 1980, с. 80—81].

Действительно, тюркские языки Сибири дают сложную картину соответствий древнетюркскому *j*-, связанную с действием процесса дезаффрикатизации \check{c} -.

Так, в «Вопроснике Диалектологического атласа тюркских языков» [1969, с. 16] на соответствия $\check{y} \sim \check{ж} \sim \text{дж} \sim \check{d}' \sim \check{ч} \sim c$ задано восемь слов, которые дали по тюркским языкам Сибири следующие варианты: *j*, *h*, $t'f'$ / hf' / $h\check{c}$, $d\check{z}'$, *f* (f'), *s* (*h*).

И.А. Батманов по характеру отражения *j*- выделял шесть подгрупп: а) йокающие языки (туркменский, азербайджанский, диалекты узбекского, татарского,...); б) джекающие (киргизский,...); в) дёкающие (алтайский,...); г) жекающие (казахский, каракалпакский,...); д) чокающие (шорский,...); е) секающие (якутский,...) [Батманов, 1947, с. 86—90]. Все эти варианты, за исключением *ж*-, в Сибири представлены; кроме того, выделяется шокающая подгруппа — кызыльский диалект хакасского языка.

Анлаутный *j*- последовательно употребляется во всех диалектах сибирских татар, только в двух случаях встречаются $t'f'$ и z' : слово 'шерсть' $j\check{a}en / j\check{y}n$, в зуштинском говоре томского диалекта дает $z'yn$; и слово 'ходить' $j\check{a}er / j\check{y}r$, в калмыкском говоре томского диалекта дает $t'f'\check{a}er$. Это легко объясняется влиянием литературного татарского языка: «...*ч* употребляется иногда вместо начального *ж* литературного языка, то есть из стремления "литературно" произносить начальный *ж* возникает глухая аффриката *ч*

по общему закону оглушения шумных согласных в начале слова» [Тумашева, 1977, с. 43].

По своим особенностям, в том числе и по *j*-, нижнечулымский диалект близок к диалектам томских и барабинских татар. Характерный для этого диалекта *j*- был, по мнению А.П. Дульзона, свойствен языку аринцев, которые населяли эту землю до прихода тюрок [Дульзон, 1966, с. 17].

В трех словах из восьми *j* отмечен в кондомском диалекте шорского языка: *jaq* 'идти (об осадках)' // *ħcaq*, *jɔq* 'нет', *jør* 'ходить' // *ħçør*. Употребление *j* в этом диалекте не является последовательным, таким, как диалектно ограниченное употребление *-j-* и *-z-*. Спорадически может появляться и *ħ*: *ħɔq* 'нет', *ħat* 'лежать' [Pritsak, 1959, S. 633].

В одном слове *j* встретился в таежном говоре тоджинского диалекта тувинского языка: *jedi* 'семь' (ДАТЯ). Употребление чистого (неназализованного) *j*- в анлауте ряда слов, обычно включающих в свой состав носовые согласные, характерно для этого говора: *йангыс* вместо *чангыс* 'один', *йоон* вместо *чоон* 'толстый', *йем* вместо *чем* 'пища' [Чадамба, 1974, с. 47].

В тофском языке *j*- появляется только в позиции сандхи после предыдущего гласного. В материалах Атласа *j*- встречается только в этих диалектах. Совершенно не отмечен он в тубинском, хотя употребление *j*- считается характерной особенностью этого диалекта [Баскаков, 1966, с. 22]. Вероятно, в обследуемом пункте (с. Никольское Майминского района Горно-Алтайской АО) сказалось значительное влияние литературного языка. Необычные рефлексy *j*, *кь* и *гь*, отмечаемые в этом диалекте [Там же, с. 22—25], заставляют предположить влияние самодийского субстрата.

Во всех диалектах алтайского языка, кроме кумандинского, в рассматриваемом ряду соответствий выступает *ħ* «согласный малозумный ртовый среднеязычный смычный» [Чумакаева, 1978, с. 206]. Он последовательно отмечается в пяти пунктах Алтая из шести. Соответствия *ч* // *ж*- северных диалектов зву-

кам *дь* // *ть* южных диалектов [Баскаков, 1969, с. 345] отражения не получили.

Становление этой алтайской системы с *ħ*- (<*j*-) происходит буквально на наших глазах. В.В. Радлов для алтайского, лебединского и туба диалектов давал «einen Vocal-Consonanten», отмечая только для телеутского диалекта употребление глухого переднеязычного *j'* [Radloff, 1882, S. 128—129]. В «Грамматике алтайского языка» членов Алтайской духовной миссии, базировавшейся на телеутском и калмыкском наречиях, *j* употреблялся для обозначения смягченного *m'* у телеутов (см. [Чумакаева, 1978, с. 6—7]). В записях Г.Ф. Миллера, сделанных у телеутов Томского и Кузнецкого уездов, употребляется *j* и *tj*: *jill* 'год', *jildys* 'звезда', *jangwar* 'дождь', *jaak* 'щека', но *tjurek* 'сердце' [Боргояков, 1971, с. 122—130]. Как аллофоны выступают *ħ* и *j* в языках бачатских телеутов [Меркурьев, 1975, с. 7]. В калмыкском диалекте, «который можно рассматривать как телеутское наречие» [Тумашева, 1977, с. 263], в анлауте сохраняется *j*-. Колебания *ħ*~*j* наблюдаются в теленгитском диалекте: *йолкы* / *дьбалкы* 'молния'; но в теленгитском в этой позиции может выступать и *č*: *чый* 'сырой', *чети* 'семь', *частык* 'подушка' [Бабушкин, 1966, с. 55—67].

Очень характерен в этом отношении кумандинский диалект, только в одном пункте (п. 16, с. Шунарак Турачакского района) отмечается *ħç'* вместо *ħ* (ДАТЯ). Но экспериментальное обследование этого диалекта, проведенное в с. Егона Старобардинского района И.Я. Селютиной, показало, что в одной и той же инициальной позиции *ħç'* и *ħ* не замещают друг друга без изменения значения слова и без искажения его до неузнаваемости [Селютина, 1976, с. 77], причем и *ħ* и *ħç* соответствуют древнетюркскому *j*; куманд. *ħe:n*, др.-тюрк. *jegen* 'племянник'; куманд. *ħçyl*, др.-тюрк. *jil* 'год'; куманд. *ħçurt*, др.-тюрк. *jurt* 'семья'; куманд. *ħap-*, др.-тюрк. *jar* 'закрой'; куманд. *ħoq*, др.-тюрк. *joq* 'нет'.

За пределами Горно-Алтайской АО *ħ* употребляется в языках бачатских телеутов; кроме того, А.П. Дуль-

зон отметил употребление *t'*- вместо *j*- в ячинском говоре нижнечулымского диалекта: *t'ul* 'год', *t'ol* 'дорога'. Произношение *t'~j* варьируется в некоторых словах: *t'ul~jul* 'река', *t'oq~joq* 'нет'.

Подобное изменение *j*- известно в самодийских языках: самод. **j*->селькуп. *t'*-, *č*-, камас. *ž*-, *č*-. Аналогичное явление известно в нганасанском и энецком (*j*-, *d'*-), в пуровском говоре лесных ненцев [Хелимский, 1982, с. 41]. Судя по данным письменных источников, появление *ħ*-<*j*- относительно недавнего происхождения [Боргояков, 1971, с. 122—130]. Одна из причин вытеснения *č*- и распространения вариантов с *ħ* в алтайских диалектах — влияние литературного алтайского языка.

В последовательно чокающем регионе (мрасский диалект шорского языка, тувинский, сагайский и шорский диалекты хакасского языка, среднечулымский диалект) выделяются два пункта, в которых употребляются *ħž* (абаканский говор качинского диалекта и кызыльский диалект). В современном качинском диалекте в анлауте употребляется *č*, который в отличие от литературного является щелевым звуком [Чанков, 1957, с. 61; Патачакова, 1973а, с. 15]. Но до середины XIX в. для этого диалекта характерно было звонкое произношение, которое сейчас наблюдается только в абаканском говоре [Патачакова, 1973а, с. 155]. Это устанавливается по рукописным словарям Г.Ф. Миллера и Ф.П. Аделунга, материалы которых опубликованы М.И. Боргояковым [1973, с. 109—135]. В словаре Миллера материал, определяемый М.И. Боргояковым как хакасский (качинский, кызыльский, сагайский, койбальский), дан под рубрикой «красноярский». Древнетюркскому *j* здесь соответствует: 1) *ç* (*çилтыс* 'звезда', *çил* 'год', *çазы* 'поле'); 2) *дз*- (*дзир* 'земля', *дзол / чол* 'путь'); 3) *ч*- (*чибирге* 'двенадцать').

Совершенно необычна здесь аффриката *дз*-. В словаре Ф.П. Аделунга в качинском довольно последовательно употребляется *дж*- (см. [Боргояков, 1973, с. 121—132]). Это же произношение в 1804 г. отмечает Г.И. Спасский. В кызыльском диалекте по словарю

Ф.П. Аделунга, за некоторыми исключениями, употребляется *j*: *яш* 'год', *якшы* 'хорошо' и т.д. (но *чит* 'молод', *джазы* 'ширина'), а в словаре Г.И. Спасского с *j*- сохраняется только несколько слов: *ябалчир* 'пещера', *якши* 'добрый', некоторые из них сохраняют эту огласовку и сейчас: *jaχsʲʷ*, *jabal* [Патачакова, 1978, с. 151—159]. В большинстве примеров вместо *j* употребляется *ч* -: *чел* 'ветер', *чир* 'земля', *чул* 'река', *чарк* 'свет', *час* 'весна' и т.д. В современном диалекте это *ч*- регулярно переходит в *щ*. Очень редко в кызыльском вместо *щ* может появиться *s*: *sys* 'сто', *saj* 'чай', *systyk* 'перстенок' [Патачакова, 1977, с. 151].

«Якутский» *s*- вместо закономерного *c*- отмечается в двух словах Вопросника: тув. *soldʷs*, тоф. *soldʷs* 'звезда' (як. *sulus*). Это же соответствие отмечается в тофском слове *sylɔʷs* 'корни растений' (ср. кангатские материалы Г.Ф. Миллера: *сылтус* 'звезда', *сылтысс* 'корень' (см. [Боргояков, 1971, с. 113, 117]).

За последние 200 лет (со времени записей Г.Ф. Миллера) произошли существенные изменения в фонетике тюрков Сибири: сформировалась подгруппа *h*-языков как в результате перехода *j* > *h*, так и благодаря «вытеснению» *c*. Исчезли звонкие аффрикаты *hʃ*, а в абаканском говоре качинского диалекта употребляется *щ*. Кызыльский *j* > *j* > *hʃ* > *ʃ*, т.е. изменения *j*-, происходящие в сибирских языках, не представляют собой последовательного процесса дезаффрикации *щ* < *j*-. Соответствия древнетюркского *j*- в тюркских языках Сибири следующие:

Язык	Анлаут
Древнетюркский	<i>j</i>
Якутский	<i>s</i>
Тувинский	<i>щ</i>
Тофский	<i>щ</i>
Алтайский	<i>h, щ</i>
туба, кумандинский	<i>щ — h</i>
телеутский, алтай-кижи, теленгитский	<i>h</i>
Шорский	<i>щ</i>
Хакасский	<i>щ, щ, s</i>

Сопоставление процессов, происходивших в некоторых из сибирских тюркских языков (главным образом, в хакасском) и в якутском, показывает, что они имели разный характер и протекали в разное время. В якутском языке практически отсутствуют (в тюркском слое лексики) шумные спиранты и аффрикаты. В южносибирских при всех изменениях, происходивших с этими группами согласных, представлен достаточно большой набор спирантов и аффрикат (табл. 8).

Таблица 8

Сибиллянты и аффрикаты в тюркских языках

Язык	s	ś	z	š	ž	(θ)	ts	dz	tʃ	dʒ	h
Орхонско-тюркский	+		+*	(+)**					+		
Древнеуйгурский	+		+*	(+)					+		
Якутский	+								+	+	+
Чувашский	+	+		+					+		
Азербайджанский	+		+	+	+				+	+	+
Турецкий	+		+	+	+	(+)			+	+	
Туркменский	+		+	+	+	+			+		+
Гагаузский	+		+	+	+				+	+	+
Татарский	+		+	+	+				+	+	+
Башкирский	+		+	+	+		(+)		+		+
Кумандинский	+		+	+	+		+		+	(+)	
Карачаево-балкарский	+		+	+	+		+		+	+	+
Крымско-татарский	+		+	+	+		+		+	+	+
Караимский	+		+	+	+		+		+	+	+
Ногайский	+		+	+	+						
Каракалпакский	+		+	+	+		+		+		
Казахский	+		+	+	+		+		+		
Узбекский	+		+	+	+		+		+	+	+
Новоуйгурский	+		+	+	+		+		+	+	+
Тувинский	+		+	+	+	(+)			+		
Хакасский	+		+	(+)			+		+	+	+
Шорский	+		+	+	+	(+)			+	+	
Киргизский	+		+	+	+				+	(+)	
Алтайский	+		+	+	+						
Чулымско-тюркский	+		+	+	+		+	+	+	+	
Бурятский	+		+	+	+				+		
Калмыцкий	+		+	+	+		+		+	+	

* В древнетюркском является либо малошумным, либо сонантом.

** (+) — редкое употребление.

О том, что изменения $j > s$ и $\check{c} > s$ в якутском протекали изолированно от подобных процессов в южносибирских языках, свидетельствуют некоторые особенности последних, отсутствующие в якутском языке:

1. Назализация анлаутных среднеязычных согласных: *йымшак* ~ *нымгах* ~ *чымгах* // як. *сымнагас* 'мягкий', *даңыс* ~ *чагыс* ~ *нагыс* // як. *соҕотох* 'одинокий', *ньудурук* ~ *чудурук* ~ *нузурук* // як. *сутурук* 'кулак' и т.д.

В якутском анлаутный *л* появляется только в словах, заимствованных из монгольских, тунгусских и русского языка [Грамматика современного якутского языка, 1982, с. 76—77]. По степени развития ассимиляции якутский ближе всего стоит к сибирским тюркским языкам. То, что в нем не получает развития этот процесс, является косвенным свидетельством того, что в древнеякутском анлауте отсутствовали среднеязычные аффрикаты, которые могли подвергнуться такому изменению.

2. Переход *s*- в \check{c} - под влиянием \check{c} основы в словах типа *saĉ* 'волосы', *sanĉ* 'колоть, вонзать'.

В слове *saĉ* анлаутный *s*- не подвергся ассимиляции только в гагаузском, азербайджанском и туркменском. В туркменском *s* регулярно чередуется с θ . Вариант с анлаутным *s* представлен и в сундырском говоре верхового диалекта чувашского языка, локализующегося в пограничной полосе с марийским языковым массивом. Также нет ассимиляции анлаутного *s* в огузском и некоторых диалектах карлукского наречия узбекского языка и в якутском языке, где $s > \theta$. Во всех других языках анлаутный *s* перешел в \check{c} и в дальнейшем подвергся деаффрикатизации наравне с общетюркским \check{c} . В результате деаффрикатизации в башкирском и хакасском снова появляется анлаутный *s*, но уже как последний этап деаффрикатизации \check{c} : хака. (абаканский говор качинского диалекта, бельтирский и сагайский говоры сагайского диалекта, шорский диалект, староинюсский говор качинского диалекта) *sas* / *saf* / *faf* / *f'af'*, башк. *sæs*. Всего можно выделить по материалам атласа девять вариантов анлаутного согласного в слове *saĉ*:

— неассимилированные варианты: а) *s*: азерб. *satf*, *saʃ*, турк. *satʃ* (нохурский, хасарский, човдурский, кырачский диалекты), узб. *satf*, *satʃ*, *sa:ʃ*; б) *θ*: турк. *θ* (геокленский, текинский, емудский, эрсаринский, сарыкский); в) *ø* як., долг.

— ассимилированные варианты: а) среднеязычные аффрикаты: кумык. *ħʃaħʃ*, кирг. *ħʃʼaħʃʼ* ~ *ħʃʼæħʃʼ*, алт. *ħʃaħʃ / tʃʼaʃʼ*; б) переднеязычные аффрикаты: карач.-балк. *tʃʼaʃʼ*, узб. *tʃaʃʃʼ*, *tʃaʃʃ* (кыпчакское, карлукское наречия); в) переднеязычные свистящие аффрикаты: балк. *tsats*, сиб. тат. *tsats / tsɔts*, нижнечул. *tsæts*; г) шипящие переднеязычные со вторым среднеязычным фокусом: чув. *ʃʼyʃʼ*, хак. (кызыльский) *ʃʼɛʃʼ*, тат. *ʃʼæʃʼ*; д) шипящие переднеязычные: каз., ног., тат. (астраханские ногайцы-карагаши), шор. *ʃaʃ*; е) свистящие: башк. *sæʃ*, хак. *sas*, *saʃ*.

Изменение анлаутного согласного в слове *sanč* несколько отличается, зона дезаффрикации шире: захватывает тюркские языки Южной Сибири, кроме алтайского, где представлен другой вариант этой лексемы — *saj* [Радлов, 1893—1911, с. 221]: алт. (туба, алтай-кижи, теленгитский) *saj*, шор. *ʃaʃ*, хак. *sas* (тейский говор, бельгирский и сагайский говоры сагайского диалекта); *sas* // *ʃʼaʃʼ* (абаканский говор качинского диалекта), *sas* // *ʃaʃ* // *tʃʼatʃʼ* (кызыльский диалект), *ʃaʃ* (шорский диалект), тув. *ʃɛʃ*, тоф. *ʃɛ:s* // *ʃɛpħʒ*. Явление дезаффрикации шире изменения *č > ʃ > s* или *č > ts > s*. Оно охватывает и переход *dʒ > ʒ* и целый ряд вызванных этим сдвигом явлений, например *s > h* в башкирском.

Ареал дезаффрикации включает всю центральную зону тюркских языков и с разной степенью интенсивности захватывает южносибирские тюркские языки. Ядро ареала составляют языки со средней степенью дезаффрикации *ʃ* (казахский, каракалпакский, ногайский, язык астраханских ногайцев). Как особую ступень, стоящую ближе к исходной форме, сохраняющую еще следы среднеязычной настройки, можно выделить *ʃʼ*. Другой возможный путь дезаф-

фрикатизации \check{c} через ступень ts , из которого впоследствии выпал t , предложил В.А. Богородицкий [1934, с. 101—102]. Крайние ступени (s) представляют башкирский и хакасский языки.

Такую же ступень изменения \check{c} имеет и якутский язык — общетюркское $\check{c} > s$ во всех позициях, за исключением удвоенных $-\check{c}\check{c}-$, образовавшихся, как правило, в результате ассимиляции (як. *бачча* 'столько, столь', др.-тюрк. *bunča* 'столько, так много', як. *оччо* 'столько; такой, таковой', др.-тюрк. *анча* 'так, таким образом'). Но в якутском языке этот процесс протекал уже после того, как он оказался в изоляции. Причем это произошло прежде, чем в сибирских тюркских языках возникла тенденция к изменению аффрикат. Развитие дистактной ассимиляции $\check{z} > \check{c}$ предшествовало этому явлению, так как изменению подвержены и общетюркское (первичное) \check{c} и вторичное, возникшее в результате ассимиляции. В якутском эти процессы не имели места, поскольку вторичный \check{c} уже не дал бы s .

Таким образом, якутский язык не вписывается в схему, где $j \rightarrow d\check{z} \rightarrow \check{c} \rightarrow s$, тем более что в нем не отмечается процесс приглушения, охватывающий j - и b -, который предполагается для других сибирских тюркских языков [Гаджиева, 1975, с. 75].

Изменения, происходящие в якутском, заставляют обратиться к гипотезе А.П. Дульзона и В.М. Наделяева о начальном глухом j - (ζ) в соответствии $j \rightarrow d\check{z} \rightarrow \check{c} \rightarrow s$; j - и j - могли выступать как аллофоны. Так, например, j в хакасском языке в начале слога всегда шумный, а в конце — он более сонантен [Чанков, 1953, с. 66]. На выбор того или другого варианта сильное влияние оказывала фонетическая система языка-субстрата, так как формирование тюркских языков Сибири шло в значительной мере за счет тюркизации иноязычных народов.

О существовании в древнеякутском языке на ранних этапах его развития j - (ζ) свидетельствуют названия якутов: *jakol* у эвенков и «якуты» у русских;

русская форма, по предположению Д. Банзарова, является монгольской формой множественного числа от древней формы самоназвания якутов *јака* (см. [Böhtlingk, 1851, с. 423]). Еще одним подтверждением служат такие слова, как *быыл* и *эшил*: *быыл* 'этот год, в этом году; минувший год, в минувшем году'; *эшил* (у О.Н. Бётлингка *äsil*) '1) будущий год; 2) в будущем году'.

В первом случае *јыл* 'год' зафиксирован в *ј*-стадии, во втором переход твердоядных гласных в мягкорядные, возможно, объясняется ихьялутной стадией изменения (*ç*).

Такое решение требует пересмотра некоторых представлений о практюрской и древнетюркской фонологической системе.

Против предложенного объяснения соответствия др.-тюрк. *ј* = др.-як. *ј* > *s*- возразил Г.В. Попов [1986, с. 16—31]. Его возражения опираются на следующие положения: 1) есть якутские слова с *дь*- и *ч*- в анлауте, имеющие только тюркские параллели; 2) в тюрко-монгольских основах, анлаут которых восходит к *ј*, *s*- встречается редко (т.е. если слово представлено и в тюркских и в монгольских языках, то почему в якутском оно идет по монгольскому варианту?).

На это можно ответить следующее. Как и любой тюркский язык, якутский язык смешанный, в нем прослеживается несколько слоев, в том числе и тюркских. Но есть основной, наиболее мощный слой, который и определяет основное направление развития языка. Также есть компоненты, попадающие в язык в разное время, они либо сливаются с общим направлением развития, либо создают какие-то блоки, которые включаются в систему как один из ее новых элементов, как, например, аффрикаты *дь*- и *ç*, проникшие из монгольского языка; либо (если эти элементы немногочисленны) подключаются к системе, не нарушая ее, но при историческом исследовании они легко вычлняются, так как создают особые, отступающие от основного типа системы соответствий. Ср.,

например, *ытык* и *ыйык*; *harbā* 'грести, сгребать, хватать' < монг. письм. *qarma*, халх., калм. *χart*, *qarmaldu* 'что-то сгребать'; ср. монг. *qaru-* > як. *χaryi* ~ *χoryi* 'скоблить, тереть' = общетюрк. *qaz* 'копать' = як. *хас* 'копать, рыть'; *uran* 'изящный, тонкий (о работе), красивый' < монг. письм., орд. *uran*, калм. *urŋ*, бур. *uraŋ* = тюрк. *uz* 'искусный' = як. *уус* 'мастер'; *igirä*, *igiri* 'двойня' < монг. письм. *ikire*, *ikir*, калм. *ikç*, бур. *eçir* = тюрк. *eki* = як. *ikki* 'два'; *täbiän* ~ *tämiän* 'верблюды' < монг. письм. *temegen*, халх. *temē*, бур. *temen* = тюрк. *täbä*, *täwä* = як. *таба* 'олень'.

Таким образом, слова, попадающие в якутский язык из разных источников, отличаются фонетически, и по их фонетическим особенностям можно определить язык или группу языков, из которой они попали в якутский язык.

Слова с анлаутными *dž* и *č*-, для которых Г.В. Попов находит только тюркские параллели, имеют в некоторых случаях и монгольские соответствия: *дьаарай* 'истощаться, исхудать, отощать' Г.В. Попов сравнивает с древнетюркским *йағыр* 'ссадина на спине верхового животного от седла', но ср. калм. *jarγā* 'худой, тощий', бур. *harmai* 'болезненный'; *дьалкый* 'расплескаться, плескаться, колебаться, колыхаться' Г.В. Попов соотносит с древнетюркским *йайхал* 'колебаться', *йай* 'рассеивать, колебать', но ср. монг. письм. *čalgi* с тем же значением, что в якутском. Другие слова с анлаутным *dž*- могли попасть и через некий монгольский язык, при этом не сохранившись в современных монгольских языках, и из каких-то тюркских языков, где процесс развития *j*- пошел иначе, чем в якутском. То, что в якутском языке присутствуют разновременные, попавшие из разных источников этимологически однокоренные лексемы, говорит о его смешанном характере.

Такое же явление — наличие фонетических вариантов, возникшее благодаря многократным и разнородным контактам с носителями различных тюркских языков, — возникло и в чувашском языке. Чу-

вашское слово может иметь дублиеты и даже триплеты, возникшие в результате языкового смешения [Ахметьянов, 1978, с. 114—115]:

Древний чувашский	Заемствования из кыпчакских языков	Татарское заимствование
<i>алак</i> 'дверь' <i>кӑн, хӑн</i> 'разгибается, выпрямляется' <i>пар</i> 'дать'	<i>ашак</i> 'циновка' <i>кун, кӱн</i> 'выпрямляйся, соглашайся' <i>пер</i> 'ударить'	<i>ишек</i> 'дверь' <i>кун</i> 'соглашайся' <i>бэр</i> 'ударить' <i>бир</i> 'дать' <i>бак</i> 'смотреть, высматривать' <i>тын</i> 'дыхание'
<i>пах</i> 'смотреть'	<i>пух</i> 'собирать'	
<i>чӗн</i> 'жизнь'	<i>тӑн</i> 'дыхание'	

В якутском в таких дублетах обычно выступают тюркские и монгольские однокоренные слова, причем в монгольском слово может быть, в свою очередь, тюркским заимствованием:

як. *сүүс* 'лоб' < др.-тюрк. *juz* 'лицо' ~ монг. *ži-sün* → як. *žühün, nüžün* ~ *žüžün* 'внешний вид', *žühüi* 'описывать, обрисовывать';

як. *саллай* 'выходить из нормального положения, расширяться', ср. тюрк. *jalıya*, бур., каз., уйг. 'прибавить в длину', каз. *jal an* 'быть удлиненным', ср. як. *дыллай* 'широко раскрываться, разверзаться, расширяться' < монг., бур. *zalbagar* (**zalbä* < **žalbaji*-), ср. як. *салтай* 'раздаваться, расширяться (о торбазах)';

як. *сук* 'взваливать себе на спину кого-либо, что-либо, поднимать на себе' = др.-тюрк. *jük* 'кладь, вьюк, поклажа', ср. як. *дьюккуй-* 'вытянув шею вперед и книзу, настойчиво и без перерыва тянуть' < монг. *židkü*, бур. *žwdxe-*, калм. *židkü*;

як. *саан* 'грозить, угрожать, устрашать', ср. тюрк. *jana-*, *janъ-*, бур. *zana-*, *zapa-*, монг. *žanu-* 'грозить, угрожать', ср. як. *дьяный, ньанный* 'быть навязчивым, неотступным, упорно стараться вредить, сокрушать (врага), отомстить', ср. монг. *žanu-* 'грозить, угрожать', бур. *zana*, орд. *džana*, халх. *džan* 'угрожать';

як. *дыаар* ~ *чаар* 'острый, неприятный запах', монг. письм. *žiγar* 'мускус', *žār, ža'ar* 'мускус, запах', ср.

як. *сыт-сымар* 'вонь', *сымар*, *сыбар* 'вонь, смрад', др.-тюрк. *jīpar* 'мускус, запах, аромат', алт. *jūpar* 'запах, мускус';

як. *саҕа* 'ворот, воротник', 'край, граница, опушка' = др.-тюрк. *jaqa* 'ворот, воротник', ср. як. *дыаҕа* 'край', монг. *жака* 'край; берег; воротник';

як. *суол* 'дорога', ср. др.-тюрк. *jol* 'дорога, путь' (впервые *jol* встречено в «Легенде об Огуз-кагане» — список XV в.), ср. як. *дьол* 'благо, блаженство, счастье', монг. *жол*, бур. *zol*.

Иногда оба компонента такого соответствия могут быть монгольского происхождения, если они относятся к разным периодам проникновения монгольских элементов в якутский: як. *сатаа-* 'уметь, мочь < монг. письм. *čida*, бур. *šada*'; як. *дыадаа-* 'обессилеть', монг., бур. *jada* 'не мочь, не быть в состоянии'.

На таких дублетах наиболее ясно видно, что слова с *s-* и *dз-* представляют разновременные пласты, вошедшие в якутский язык в разное время из разных источников, а не последовательное развитие рефлексов *j-*.

Значительная часть якутской лексики попала в язык через монгольское посредство, тут речь идет также не о развитии фонетической системы, а об истории слов. Сам термин «тюркско-монгольские» 91 не очень удачен, так как тюркско-монгольские основы — это основы, которые могут быть и монгольскими заимствованиями в тюркских языках, и тюркизмами в монгольских. В якутском, благодаря фонетическим особенностям того и другого пластов лексики, они могут быть достаточно точно определены. Наличие же особого пласта тюрко-монгольской лексики как общего «алтайского» наследия требует доказательств.

Предлагаемый Г.В. Поповым путь развития якутского *s-* и аффрикат *š* и *ž* очень противоречив. Монгольский язык не мог служить катализатором процесса дезаффрикатизации, так как в том монгольском языке, который внес основной пласт монголизмов в якутский, аффрикаты сохранились. Рассматривать это

как процесс «вытеснения» тюркских аффрикат монгольскими нет оснований. Ранние монгольские заимствования, попавшие в якутский до начала процесса деаффрикатизации и изменения сибилантов, подчиняются законам изменения этих звуков так же, как и тюркские элементы: як. *сүөһү* 'скот' < монг. **zugesī* > бур. *zöše*, орд. *dzöši*.

Эту особенность древнейшего слоя монголизмов в якутском отметил Н.Н. Поппе, отнеся к этой группе такие случаи, как *сатаа* < монг. *yada-*, *сону* < монг. *jöbsige-*, *сурук* < монг. *jiru* и т.д. [Поппе, 1959, S. 678]. Но слов, где в монгольских заимствованиях *s* > *ø*, не отмечается, значит, древнейшие монгольские заимствования попали в якутский, когда *s* > *h* > *ø*, а процесс *j* > *s*, *č* > *s* еще продолжался.

Ссылка на то, что подобные явления (замещение, вытеснение) имеют место в других тюркских языках — переход *dʒ* (<*j*>) > *č* вызывают переход *č* > *s* и т.д., — не совсем точна, так как в последнем случае мы имеем дело с процессом ослабления аффрикат и спирантов, который в одних языках охватывает и аффрикаты и спиранты, в других только аффрикаты, а не с процессом вытеснения одного *č* другим *č*.

Переход якутского *č* > *s* имел особый характер: он наблюдался во всех позициях — анлауте, инлауте и ауслауте. Но *č* сохраняется, если он был удвоенным: *оччо*, *бачча*, *хачча* (ср. др.-тюрк. *apča*, *qapča*, *tuŋča*), где *-ча* тюркский аффикс экватива *ča-*. Сохраняется *č* в аффиксе приблизительных числительных: *уонча*, *сүрбэччэ*. В аффиксе имени деятеля *-чут* *č* сохраняется в отдельных случаях: *булчут* (*булт* + *чут*) 'охотник' и т.д. Это позволяет предположить, что переход тюркского *č* > *š* в древнеякутском языке был связан с характером субстрата, который аффрикату воспринял как проточный. В тех случаях, когда смычка у аффрикаты превалировала над шелевым компонентом, *č* не переходил в *s*. Поэтому сохраняется удвоенный *č*, так как удлинение его происходит за счет увеличения протяженности фазы смычки. Поэтому же

наиболее последовательно перешел в *з* ауслатный *č*, так как шумные согласные в ауслате в якутском языке всегда импловивны.

5. Среднеязычные согласные

Система среднеязычных согласных в якутском языке построена столь же симметрично, как губных и дентальных. Это среднеязычные глухой и звонкий *č* и *hč* и носовой *л*. Проточные представлены двумя звуками *j* и *j̣*. Н.Д. Дьячковский определяет *č* и *hč* как аффрикаты. При их артикуляции сначала происходит смычка средней части языка с передней частью твердого неба, которая раскрывается постепенно, образуя щель. Щелевой компонент аффрикат *č* и *hč* в среднем составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ их общей длительности (в начале слова у *hč* может снижаться до $\frac{1}{4}$) [Дьячковский, 1977, с. 31, 36].

Но права была и Е.И. Убрятова, когда писала, что особенностью якутского языка является наличие среднеязычных смычных согласных [Убрятова, 1960б, с. 68], так как определяющим признаком смычных согласных является именно их принадлежность к среднеязычной локальной группе; колебания по степени аффрицированности иногда не ощущаются даже лингвистами. Анализируя взаимодействия якутского и эвенкийского языков, исследователи отмечают, что «*ч* в обоих языках произносится одинаково, употребляется он в начальном и интервокальном положениях, также в сочетании с согласными. Поэтому в эвенкийском произношении заимствованных слов *ч* не меняется» [Романова и др., 1975, с. 69—72].

Подобным образом описывается и соотношение якутского *дь* и эвенкийского *д'*. Это при том, что в эвенкийском языке *č* определяется как среднеязычный глухой смычный чистый (без аффрицированности), *д'* как среднеязычный смычный чистый (без аффрицированности) звонкий. Звуки *ч* и *д'* описаны по материалам наканновского говора М.И. Матусевич и А.А. Горцевским в кабинете экспериментальной фо-

нетики ЛГУ. В других говорах им могут соответствовать также среднеязычные смычные (томмотский говор), переднеязычные палатализованные *m'*, *ɖ'* (ербогаченский говор), в некоторых говорах восточного наречия встречаются среднеязычные аффрицированные [Цинциус, 1949, с. 210; Константинова, 1964, с. 21—22; Андреева, 1988, с. 36].

Разница в восприятии якутских аффрикат и эвенкийских среднеязычных смычных не мешает восприятию и даже не замечается. Нечто подобное происходило и при попытках отразить своеобразие произношения увулярных и заднеязычных согласных. Двойная реализация их то как смычных, то как проточных не всегда отмечалась собирателями. Е.И. Убрятова писала, что некоторым из наблюдателей нужно было «с большим трудом приучать себя различать *x* и *k*» [Убрятова, 1960а, с. 79].

Неразличение *č* и *t'*, *k* и *x* связано с тем, что эти согласные четко маркированы по локальному признаку, переднеязычному *t* противопоставлены среднеязычный *č*, заднеязычному *k* — увулярный *q*. Оппозиция по преградности имеет для них второстепенный характер. Это нашло отражение и во введении двух знаков для звонкого среднеязычного в словаре Э.К. Пекарского *j*, и в описаниях этих звуков в старых якутских грамматиках [Хитров, 1858, с. 5].

Общепризнано, что современные *hč* и *č* встречаются преимущественно в словах монгольского и эвенкийского происхождения: як. *чакыыр* ~ *чокуур* 'огниво' < монг. *čakiyur* 'высекать огонь' = др.-тюрк. *čaq* > як. *сах* 'высекать огонь'; як. *дьаный* ~ *дьонуй* 'преследовать, мстить' < монг. *žani* 'угрожать' = др.-тюрк. *jan* > як. *саан* 'грозить'. Замена эвенкийского и русского *j* якутским *hč* — это субституция ближайшим по качеству звуком.

В древнетюркском языке рунических текстов среднеязычной звонкой аффрикаты (или смычного) не было, впервые эта артикуляция описывается в словаре Махмуда Кашгари (XI в.). В тюркских языках появление *č* связано большей частью с изменениями *j*,

иногда с озвончением \dot{c} , например в азербайджанском в односложных словах, что некоторые исследователи рассматривают как следы первичных долгих гласных: як. *aac* 'голодный' — азерб. *ač* 'голодный' (ср. як. *aččык* < $ač + sьq$).

Важной особенностью якутского языка является сохранение в нем древнетюркского носового j ($\sim \eta$) — не вторичного η , появившегося в результате назализации среднеязычных \check{c} и $d\check{z}$, которые встречаются почти во всех сибирских тюркских языках, а древнетюркского j , который, кроме якутского, отмечается только в тувинском и тофском языках. Древнетюркский j ($\sim \eta$) и вторичный η получили полное освещение в работах Е.И. Убрятовой и В.М. Надеяева [Убрятова, 1960а, с. 93—99; Надеяев, 1963, с. 197—213]. Наличие в древнетюркском j очень важно для реконструкции системы пратюркского консонантизма.

6. Заднеязычные и увулярные согласные

В современном якутском языке выделяют три фонемы заднеязычной артикуляции — k , g , η и две язычковой (увулярной) — q и q' [Дьячковский, 1977, с. 42, 45]. Глухой увулярный q в орфографии передается как x , но в щелевом варианте он встречается реже, чем в смычном [Там же, с. 45]. Употребление смычного увулярного вместо χ , который считается свойственным литературному языку, описано во многих диалектологических работах. Для долганского языка, ближайшего родственника якутского, вообще выделяют только три фонемы четвертой артикуляции (в четвертую артикуляцию входят межзубноязычные, заднеязычные и язычковые) — q , g и η . Язычковые q , q' , χ появляются как факультативные аллофоны k и g в твердорядных словоформах перед широкими монофтонгами, после них и после дифтонгоидов [Надеяев, 1982, с. 37—38]; т.е. на обычную для тюркских языков зависимость от рядности слова выбора между заднерядным и увулярным звуком (увулярный в твердорядном, заднеязычный в мягкорядном или

заднеязычный в твердорядном, межзубноязычный или среднеязычный в мягкорядном) накладываются дополнительные ограничения, связанные с подъемом окружающих гласных. Но если в долганском фонологическим оказывается только противопоставление $k - g$ как глухого и звонкого (или, по данным экспериментального исследования, как долгого и короткого) [Бельтюкова, 1977], а противопоставление между заднеязычными и увулярными имеет чисто комбинаторный характер и фонологическим не является, то в якутском языке сформировалась более сложная система, в которой $k - g$, $q - \gamma$ образуют бинарную оппозицию по звонкости-глухости и противопоставлены по месту образования как заднеязычные и увулярные.

Во многих случаях в якутском языке γ и g , q и k также находятся в отношении дополнительной дистрибуции. В анлауте увулярный глухой согласный употребляется только перед широкими твердорядными гласными: a , $a:$, α , $\alpha:$, т.е. так же, как и в долганском, на дистрибуцию q^x/x накладывается дополнительное ограничение, но в ауслауте q^x , а в инлауте q^x и q могут употребляться после всех широких гласных и дифтонгов — и твердорядных и мягкорядных [Дьячковский, 1977, с. 46—47; Убрятова, 1985а, с. 43]. По сравнению со всеми тюркскими языками дистрибуция заднеязычных и увулярных в якутском языке существенно перестроилась, увулярные стали употребляться в словах с широкими гласными, ограниченная зависимость от рядности гласных сохранилась только в анлауте. На выбор заднерядного или увулярного согласного в большей степени оказывает влияние предшествующий гласный; гласный, следующий за увулярным, может быть и узким. Увулярный может употребляться и после узких твердорядных кратких гласных, но в этом случае последующий гласный обязательно должен быть широким.

Закономерности употребления заднеязычных и увулярных внутри морфемы и на стыке морфем несколько отличаются: внутри морфем после сонорных l и r

могут употребляться (в зависимости от качества гласных) и *q*, и *k*, а при присоединении словоизменятельных аффиксов, имеющих в анлауте *k-* / *q^x-*, по законам ассимиляции после *j*, *l*, *r*, так же как после узких гласных, возможен только заднеязычный вариант. Например, изменение анлаута аффиксов дат. п. безличного склонения или аффикса принадлежности 2-го л. мн. ч.: *aɣaɣa*, *hziɛɣe*, но *ɔlga*, *sirejge*, *doyɔrgo* и т.д., *aɣaɣɔt*, *hziɛɣit*, но *bajɔt*, *ɔlɣut* и т.д.

Приведенная выше закономерность обуславливает возможность реализации *q* и *g*, *q^x* и *k* в одинаковых фонетических условиях: *hʒɔlga* 'году' — *hʒɔlɣa* 'рок, участь', *ɣarya* 'хребет, шкура вдоль хребта' — *ɣarga* 'гневу' и т.д.

Встречаются нарушения описанных выше закономерностей и не на морфемных швах; чаще это происходит в мягкорядных словах: *εge* 'тем более, подавно' — *εye* 'задняя мысль, скрытый умысел', *εlek* 'насмешка' — *beleq^x* 'подарок' [Дьячковский, 1977, с. 48].

Все это позволяет рассматривать *q* и *g*, *q* и *k* как самостоятельные фонемы. Отсюда вытекает ряд проблем, связанных с формированием системы заднеязычных и увулярных в якутском языке: 1) причины перестройки комбинаторных закономерностей употребления заднеязычных и увулярных вариантов; 2) время, в которое происходили эти изменения; 3) противопоставление по месту образования и активному органу (заднеязычные — увулярные) и способу образования (смычные — проточные).

Вторым фонологически релевантным противопоставлением согласных данной артикуляции является противопоставление по звонкости — глухости. В современной тюркологии существует несколько вариантов фонологических реконструкций пратюркской фонологической системы [Рамstedт, 1957; Щербак, 1977; Порре, 1960]. Одни исследователи выстраивают ее сверху вниз — от алтайского или ностратического состояния к пратюркскому, другие исходят из данных только или преимущественно тюркских языков. И в том и в другом случае по количеству фонем эти

системы оказываются очень близки к древнетюркским руническим памятникам. Но сами фонологические системы при этом существенно различаются. А.М. Щербак, рассматривая дифференциальные признаки и учитывая степень противопоставления по звонкости — глухости в живых тюркских языках, пришел к выводу, что общетюркский консонантизм был построен на противопоставлении шумных (глухие и звонкие шумные являлись аллофонами) и сонорных (ртовых): β , δ , γ , j .

Другие авторы восстанавливают систему, где согласные, составившие у А.М. Щербака особый ряд сонантов, рассматриваются как звонкие щелевые j , γ' , γ [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 170—172], т.е. получается фонологически релевантная оппозиция по звонкости — глухости в системе шумных. Эта проблема принципиально важна для понимания эволюции фонологической системы каждого тюркского языка. В области рассматриваемой группы согласных восстанавливается либо противопоставление шумного k , представленного двумя аллофонами (глухим k и звонким g), и сонорного γ , либо противопоставление шумного глухого смычного k и шумного звонкого проточного γ .

Для якутского, а также для алтайского (литературного и южных диалектов) и киргизского языков, где наиболее последовательно произошло выпадение второго ряда согласных — звонких спирантов или ртовых сонорных — все современные заднеязычные и увулярные фонемы, существующие в их системах, должны возводиться к одной пратюркской фонеме k/q . Таким образом, возникает еще один вопрос, связанный с историей формирования этой группы согласных фонем в якутском языке: как сформировалось фонетическое противопоставление глухих и звонких согласных четвертой артикуляции.

Дистрибуция заднеязычных и увулярных шумных согласных в большинстве тюркских языков (нарушения отмечаются в чувашском и некоторых говорах татарского языка) связана с гармонией гласных — в

мягкорядных словах употребляются заднеязычные согласные, в твердорядных — увулярные: гагауз. *qa:r* // *qar*, алт., карач.-балк., ног., кумык., каз., шор., тоф. *qar*, азерб. *ar*, тув. *ɣar* и т.д. 'снег' (но тат. диал. *kar*); гагауз., турк., каз., карач.-балк. *kifi*, куманд. *gifi* / *kifi*, тат. *kefe*, алт. *kizi* / *kifi* / *kife*, тув. *kiʃi* / *kiʃi*, азерб. *hçifi* 'мужчина, человек'.

Только у согласных этой артикуляции и, реже, у / / происходит смена локального ряда, у согласных третьей артикуляции меняется к тому же и активный орган в результате действия законов сингармонизма. Якутский язык отличается строго выдержанной гармонией гласных (и небной и губной), он единственный среди тюркских языков Сибири не знает никаких нарушений гармонии: ни нейтральных гласных, как в диалектах хакасского языка, ни изменения рядности гласного под влиянием *j*, как в тофском, ни негармонирующих аффиксов. Нельзя также сказать, что рядность гласных не находит отражения в качестве согласных. Заднеязычные согласные в твердорядных и мягкорядных словах между собой значительно различаются. В твердорядных словах смычка происходит между задней частью языка и мягким небом, в мягкорядных — место смыкания языка с небом значительно сдвигается вперед. Место образования заднеязычных варьируется в зависимости от качества соседних гласных [Дьячковский, 1977, с. 42]. На рис. 7а в работе Н.Д. Дьячковского, передающем кинорентгенограмму слова *сиик* 'влага', настройку можно определить как межзубноязычную [Там же, с. 43]. Следовательно, в якутском языке зависимость качества согласного от рядности гласных сохраняется (для узких гласных), варьирование этого качества оказывается ограниченным, оно происходит только в рамках заднего ряда либо сдвигается вперед, захватывая межзубноязычную (а может быть, и среднеязычную) зону (ср. количество оттенков, зависящих от вокального окружения, выявленных в экспериментальном исследовании других тюркских языков, например куманд. *k* (*k'*, *ɣ'*, *g'*, *ɣ'*, *q'*, *χ*, *q*, *q*) [Селютина, 1983, с. 100]).

Из числа возможных вариантов увулярные оттенки в словах с узкими гласными исключены. Можно предположить, что это ограничение охватывало когда-то и слова с широкими гласными, т.е. на каком-то этапе развития якутского языка увулярная артикуляция вообще отсутствовала или была очень ограничена. Это подтверждается тем состоянием, которое мы наблюдаем в долганском и маргинальных говорах якутского языка, где употребление увулярных более ограничено, чем в якутском литературном языке и говорах центральной Якутии. Исчезновение или предельное ослабление увулярной артикуляции связано с двумя факторами: действием субстрата, в котором отсутствовала или имела другую дистрибуцию увулярная артикуляция, и исчезновением всего ряда звонких спирантов (сверхслабых, по Щербаку).

Изменение дистрибуции заднеязычных и увулярных В.В. Радлов рассматривал как одно из доказательств того, что якутский язык по своему происхождению не может быть тюркским языком, так как уже в языке рунических памятников для *k*, *g* и для *k*, *γ* существовали разные знаки, в то время как сами законы гармонии гласных не были еще столь строго выдержаны, как в якутском. Такое противоречие можно объяснить только тем, что закономерности сингармонизма были «навязаны чужому, не тюркскому языковому материалу». Одним из возможных источников такого влияния он считал какой-то древний монгольский язык и возможную причину сдвига видел в нейтральном *i*. С монгольским влиянием связывает перестройку отношений гласных с велярными и увулярными согласными и Е.И. Убрятова [1960а, с. 107].

В монгольских языках зависимость употребления увулярных или велярных согласных от рядности гласных в основном сохраняется. Исторический *k*, который в монгольских языках реализуется как *k*, *kx* и *h*, в словах заднего ряда был велярно-заднеязычным сильным, а в словах переднего ряда — заднеязычным сильным. Также и *g* имело различную реализацию —

велярно-заднеязычную в словах твердого ряда и заднеязычную в словах переднего ряда [Санжеев, 1953, с. 89; Убрятова, 1960б, с. 7].

В старомонгольской письменности для заднеязычных и увулярных согласных употреблялись различные знаки, и некоторые исследователи рассматривают их как самостоятельные фонемы. Фонологический статус этих звуков в различных монгольских языках не одинаков. В современном монгольском языке существуют семь фонем третьей артикуляции (заднеязычные, заднетвердонебные, переднемягконебные и увулярно-заднеязычные): сильные x и x' , слабые g и g' , сверхслабые η , η' , γ .

Согласные делятся на твердые и мягкие, составляя соотносимые по артикуляции пары, исключением является сверхслабая фонема γ . В составе мягкорядных слов твердые фонемы x и g проявляются в заднеязычных оттенках, а в твердорядных словах — в язычковых, а иногда фарингальных оттенках [Наделяев, 1957, с. 129—130]. В современном бурятском языке заднеязычные x и g и увулярные χ и q находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: увулярные встречаются исключительно в твердорядных словах и не употребляются в мягкорядных, а заднеязычные употребляются только в мягкорядных [Бураев, 1987, с. 61].

В отличие от монгольского и бурятского в калмыцком увулярные и заднеязычные описываются как самостоятельные фонемы — заднеязычный смычный ртовый согласный употребляется наиболее часто в мягкорядных словах, но встречается и в твердорядных: *karag* 'мнительный', *taqa* 'курица', *eke* 'мать'. Фонема χ — увулярный сильный срединный ртовый согласный — описана П.Ц. Биткеевым в смягченных и твердых оттенках, условия употребления того или иного варианта не уточняются, все приводимые примеры употребления χ даны в твердорядных словах перед или после широких гласных.

Заднеязычная слабая смычная фонема k в калмыцком, так же как и k' , более употребительна в мягкорядных словах, где встречается во всех позици-

ях, в твердорядных употребляется в основном в середине и конце слова. Увулярный слабый смычный ротовый употребляется преимущественно в твердорядных словах, но может употребляться и в мягкорядных перед широким æ [Биткеев, 1965, с. 42]. Калмыцкий язык с якутским сближает возможность употребления заднеязычных согласных как в твердорядных, так и мягкорядных словах, а увулярного — в мягкорядных словах перед широкими гласными.

Но еще более близкие аналогии дистрибуции согласных этой артикуляции встречаются в тунгусо-маньчжурских языках. Заднеязычные и увулярные распределены в них неоднородно. Эвенкийский имеет три заднеязычные фонемы: глухой смычный *k*, звонкий смычный *g* и носовой *ŋ*. Щелевой заднеязычный *y* встречается в интервокальной позиции как вариант *g*. В эвенском добавляется увулярный смычный *q ~ χ ~ qχ*. Он выступает как вариант *k*, и его появление определяется составом гласных. В солонском в анлауте *k > x*, а в интервокальном положении иногда *x // h*. Заднеязычный звонкий реализуется как щелевой. В негидальском отмечается тенденция к спирантизации *k*: *k* и *к*, *χ* и *х* дифференцируются в зависимости от состава гласных в слове [Цинциус, 1949, с. 215]. В ряде тунгусо-маньчжурских языков, так же как в тюркских и монгольских, качество согласных (заднеязычных или увулярных) определяется составом гласных в слове и тоже связано с гармонией гласных, но сингармонические серии гласных связаны не столько с рядностью, сколько с подъемом. Очень четко это положение сформулировал В.А. Аврорин для нанайского языка: «Закон сингармонизма гласных базируется на отмеченном выше делении гласных на две серии, зависящие от степени подъема языка, и на парном расположении гласных в сериях, то есть при наличии пары гласных каждого ряда: переднего, заднего и среднего, — при обязательной принадлежности одного из каждой такой пары звуков к первой серии (более низких по подъему), а другого — ко второй серии (более высоких по подъему)» [Аврорин,

1959, с. 40). Но эта закономерность не может быть перенесена на все языки этой группы. Для эвенкийского языка В.И. Цинциус установила наличие «слоговой или ступенчатой гармонии и считала это весьма важным отличием от тюркских языков, где сингармонизм охватывает все слово» [Цинциус, 1949, с. 122—124].

Организация гармонии гласных в эвенском языке связана со степенью подъема. К твердоядным гласным относятся передние, задние и смешаннорядные гласные более низких подъемов: \dot{u} , \dot{y} , a , \bar{a} , æ , \dot{y} , \bar{y} , o , \bar{o} . К мягкорядным гласным — передние, задние и смешаннорядные гласные верхнего и среднего подъемов: u , \bar{u} , $\overset{y}{e}$, э , $\bar{\text{э}}$, y , \bar{y} , ө , $\bar{\text{ө}}$. Твердоядные гласные более напряжены и имеют более низкий тембр. В ряде восточных диалектов гласные твердого ряда являются фарингализованными [Новикова, 1960, с. 52—56]. Отмечаются в тунгусо-маньчжурских языках и трехрядные гармонии гласных.

Гармония гласных, связанная с их подъемом, встречается и в языках других семей; например, в корякском отмечен сингармонизм, где гласные представлены двумя рядами: 1) гласные более высокого подъема u , y , э ; 2) гласные более низкого подъема э , o , a [Жукова, 1968, с. 273]. При наличии самых разных типов организации сингармонических рядов, которое наблюдается в языках Северо-Восточной Азии, возможным общим параметром является более низкий тембр, присущий как гласным заднего образования, так и гласным нижних ступеней подъема. Связь велярных вариантов с гласными более низкого тембра является почти универсальной, но в якутском языке эта связь оказалась более сложной.

Принимая во внимание то состояние, которое существует в долганском языке, сохранившем целый ряд более древних черт в своей фонетической системе [Убрятова, 1985а, с. 22], можно предположить, что и в якутском на каком-то этапе появление увулярных было возможно только в словах с широкими твердо-

рядными гласными; эта закономерность сохранилась в якутском языке для анлаута: як. *kel* 'входить', *kos* 'переселяться', *kyoq^x* 'синий, зеленый' и т.д. Такая дистрибуция встречается и в некоторых тунгусо-маньчжурских языках, например в низовском говоре негидальского, где отмечается веляризация заднеязычных перед гласными *a* и *o*. Расширение употребления увулярных, т.е. и в мягкорядных словах с широкими гласными, происходит позднее; причиной такого процесса могло быть выравнивание по аналогии.

Связать изменение дистрибуции заднеязычных и увулярных с определенным субстратом достаточно сложно. Таким субстратом не мог быть эвенкийский язык, с носителями которого якуты находятся в тесном контакте, — в эвенкийском отмечаются только заднеязычные согласные [Андреева, 1988, с. 36]. Современные контакты якутов и эвенков приводят к замене увулярного *x* заднеязычным *k* в говорах якутов северо-западных районов, что связано с отсутствием увулярного глухого в эвенкийском [Романова и др., 1975, с. 150]. В эвенском языке различаются заднеязычный и увулярный варианты *k*. В западных говорах увулярный вариант встречается лишь в начале и конце слова в сочетании с гласными *a*, *ā*, *o*, *ō* [Новикова, 1960, с. 66—67]. Так же как в истории изменения *s* → *h* [Широбокова, 1984, с. 142—147], в становлении рядов заднеязычных и увулярных в якутском языке прослеживается несколько этапов, обусловленных воздействием различных субстратов: 1) ослабление противопоставления заднеязычных и увулярных, связанное с выпадением древнетюркского *γ*; 2) изменение дистрибуции заднеязычных и увулярных под влиянием субстрата, где увулярные возможны только в соседстве с широкими твердорядными гласными; 3) расширение дистрибуции увулярных в инлауте и ауслауте в словах с широкими мягкорядными гласными (внутрисистемное изменение по аналогии); 4) ограничение употребления увулярных в маргинальных диалектах под влиянием эвенкийского языка.

Глава 2

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОНСОНАНТИЗМА СОВРЕМЕННОГО ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

1. Субстрат в якутском языке

Самый северный из тюркских языков — якутский — находится в длительной изоляции от родственных языков, поэтому в нем отчетливо прослеживаются две взаимодействующие тенденции в изменении фонетической системы: а) характерные для ряда средневековых тюркских языков, с которыми древнеякутский был связан и б) определяемые взаимодействием с языками населения тех регионов, на которых пребывали предки якутов во время своей миграции на территорию их современного проживания.

Как один из этапов развития якутского языка правомерно постулировать состояние близкое к тому, какое зафиксировано в памятниках рунической письменности. При сравнении фонологической системы, реконструируемой для языка рунических памятников, с якутской видно, что в якутском произошло обогащение системы смычных и обеднение системы проточных. Эту закономерность установила Е.И. Убрятова и связала ее с особенностями всего ареала северо-восточных языков, в зону которых вошел якутский [Убрятова, 1985а, с. 18—22].

Изменения в области спирантов в якутском можно сгруппировать следующим образом: 1) исчезновение древних спирантов: а) выпадение $s > h > \emptyset$, б) $VC > \bar{V}$; $VCV > \bar{V}$; 2) переход спирантов в смычные $s > t$; 3) образование новых спирантов: а) из спирантов $j > s$ -, $-s > -h$ -; б) из аффрикаты $\check{s} > s$; в) из смычных $k > x$.

В сложении фонологической системы якутского языка огромную роль сыграло якутско-монгольское двуязычие, в результате которого в якутский вошел ряд новых фонем (*ч, дж, нь*) и сформировалась оппо-

зиция шумных согласных в анлауте и инлауте. Массовое монгольско-якутское двуязычие имело место на территории Центральной Якутии, время взаимодействия устанавливается с достаточно большим разбросом X—XII или XII—XVI вв. Это важный рубеж в истории якутского языка — все фонетические изменения определяются в зависимости от того, до или после монгольского воздействия они имели место.

В перестройке фонетической системы якутского языка домонгольского времени существенную роль сыграл неизвестный тунгусо-маньчжурский язык (языки), который характеризовался особенностями, присущими в настоящее время ряду языков этой группы, находящихся за пределами современного проживания якутов. Взаимодействие с этим субстратом, возможно, повлекло такие изменения, как исчезновение анлаутного *s*- через ступень *h*-, деаффрикатизацию *ç*, особую дистрибуцию заднеязычных и увулярных, отличающую якутский от всех других тюркских языков.

Изменение анлаутного *s*->*h*->*ø* при сохранении интервокального *-s-*, характерный для первого этапа переход *s*>*h* в якутском позволяют ограничить круг сопоставления языков. Наиболее близкую аналогию представляет быстринский говор эвенского языка (Камчатка), где *s*->*h*->*ø*- при сохранении интервокального *-s-*. Очень интересные аналогии прослеживаются в ольском говоре эвенского языка, который входит в восточную группу. Фонема *s* в нем встречается в середине и конце слова, это единственная переднеязычная щелевая шумная фонема диалекта. Щелевой фарингальный глухой согласный *h* встречается только в начале слов [Новикова, 1960, с. 72]. Ольский говор, как и другие восточные, по характеру дистрибуции *s*~*h* резко отличается от эвенских говоров Якутии, где во всех позициях происходит вытеснение *s* фарингальным *h*. Другой особенностью ольского говора является то, что в начале слов в нем не могут быть щелевые согласные *β*, *j*, *γ*, *s*, *l* и *r* [Там же, с. 76].

Одной из причин перехода тюркского \check{s} в s было качество субстрата, который тюркский \check{s} воспринимал как проточный. Это происходило из-за разного соотношения смычки и щели в древнем якутском языке и языке-субстрате. Характерной особенностью тунгусо-маньчжурских языков является очень краткий второй щелевой компонент аффрикат, поэтому тюркская аффриката могла быть воспринята как щелевой звук. Доказательством этого служит то, что удвоенное $-\check{s}\check{s}-$, которое отличается значительным удлинением фазы выдержки, в s не переходит.

Другим способом сокращения числа свистящих и шипящих спирантов в древнем якутском был перевод их в класс смычных. В некоторых лексемах и в самых частотных морфологических формах s (\check{s} , s , z) переходил в t . Подобные изменения, но имеющие более последовательный характер, произошли в бурятском языке. Кроме того, очень близки наблюдаемым в якутском изменениям спирантов изменения сибилантов в угорских и самодийских языках, где: а) $\check{s} > s$, б) $s > h$, в) $\acute{s} > s$, г) $s > t$. Аналогичные этому изменения восстанавливаются для пумпокольского. В реконструкции С.А. Старостина $*s$ (единственный праенисейский сибилант) отражен в пумпокольском в виде t (в соседстве с гласными твердого ряда) и \check{s} , \check{c} , $-\check{c}$ (с гласными переднего ряда).

На территории Сибири выделяются два ареала, характеризующиеся особым типом развития сибилантов. В один входят мансийский, южно-хантыйский, самодийские и пумпокольский, в другой — якутский и бурятский языки. Но огромный хронологический разрыв в датировке процессов (II—I тыс. до н.э. для первого круга языков и середина II тыс. н.э. для второго) делают очень сомнительными попытки сближения этих двух ареалов.

В отличие от других тюркских языков употребление увулярных заднеязычных согласных в якутском зависит от подъема окружающих гласных. В становлении рядов заднеязычных согласных и увулярных прослеживается несколько этапов: 1) увулярные возмож-

ны только в соседстве с широкими твердоярными (ср. негидальский); 2) расширение дистрибуции увулярных — возможно употребление их с широкими мягкорядными гласными (ср. калмыцкий); 3) ограничение употребления увулярных в маргинальных диалектах якутского языка под влиянием эвенкийского.

Черты, характеризующие «до-монгольский» этап развития якутского языка, находят аналогии в языках, которые в настоящее время удалены друг от друга на тысячи километров, но их история объединяется общей территорией — Прибайкальем.

2. О якутско-монгольских контактах

Уже в первых записях якутских текстов были отмечены монгольские слова. Глубокое взаимодействие с монгольскими языками, проявившееся в фонетике, морфологии, лексике и даже синтаксисе якутского языка, позволило В.В. Радлову выдвинуть гипотезу о том, что якутский — язык неизвестного происхождения — был сначала омонголен, а затем отюречен. С.Т. Калужинским и В.И. Рассадиным выделено в якутском и описано 2500 монгольских заимствований [Рассадин, 1980]. Хотя гипотеза В.В. Радлова была опровергнута дальнейшими исследованиями, характер монгольских элементов в якутском языке таков, что можно предположить существование монгольского субстрата [Петров и др., 1971, с. 12]. Глубокое проникновение монгольских элементов в якутский язык (например, заимствование системы видов и отглагольного словообразования образных и звукоподражательных слов) могло быть только результатом длительного двуязычия, так как тюрки глагол не заимствуют [Убрятова, 1969, с. 29—30].

Вопрос о времени контактов якутов с монголами и о том, какой монгольский язык воздействовал на якутский, остается спорным. Время якутско-монгольских контактов определяют от эпохи образования первых кочевых государств [Антонов, 1973а, с. 5, 8] до XVI в. Н. Поппе считает наиболее поздним из воз-

можных периодов перекочевки якутов на север (а следовательно, прекращения их контакта с монголами) XIV в. [Porre, 1959; Kara, 1972, p. 433]. Г. Дёрфер считает, что заимствование монгольских элементов имело место до XVI в. С. Калужинский определил время якутско-монгольских контактов между XII и XVI вв. Он полагает, что монгольские заимствования в якутском языке относятся к среднемонгольскому периоду или могут быть даже моложе [Kałużyński, 1961, S. 122]. Исходя из того, что одни якутско-монгольские соответствия стоят ближе к одним, а другие — к другим монгольским языкам, С. Калужинский допускает две возможности: 1) источником монголизмов в якутском является какой-то неизвестный нам мертвый язык; 2) монгольско-якутские связи продолжались долгое время, и якутский заимствовал из разных диалектов в разное время [Ibid., S. 126]. Со второй точкой зрения сближается мнение Г. Дёрфера.

Е.И. Убрятова выделяет три этапа во взаимоотношениях якутского языка (точнее, праякутского языка — какого-то тюркского диалекта, близкого к языку орхонских надписей и легшего в основу якутского языка) с монгольскими и эвенкийскими языками [Убрятова, 1960б, с. 12]: длительная совместная жизнь тюркоязычных предков якутов с какими-то группами эвенков и монголов; переход монголов и эвенков на якутский язык, образование акающих говоров на территории оякученных монголов; распространение якутского языка среди эвенов и эвенков. Из этого следует, что контакты якутов с монголами продолжались длительное время, в течение которого монгольские языки также претерпевали существенные изменения и в то же время якуты могли сталкиваться с различными монголоязычными племенами. Названия древних монгольских племен встречаются в олонхо, именах собственных, названиях родов и наследов.

Так, Г.У. Эргис предполагал, что Арсан Дуолай '1) господин, отец-повелитель восьми поколений родов духов Нижнего мира; 2) сказочный богатырь-абаһы о восьми головах' может быть сопоставлен с упомя-

нутыми в рунических надписях эрсэнами, которые, по мнению проф. Мелиоранского, были народом монгольского происхождения (см. др.-тюрк. *ärsän* — название племени; *birgärü toquz ersänkä tegi süledim* 'На юг ходили войной до девяти эрсэнов'). Среди врагов *айыы аймаға* в олонхо упоминаются торгоны (торгоны (торгоуты?)), дильбины (дербеты?) — древние монгольские племена [Эргис, 1947]. Врагами богатырей — героев олонхо являются и татары (*mataар тыллаах* 'говорящие татарским языком'). В олонхо К.Р. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» бог судьбы Дыылга-гойон говорит:

Чтобы люди с огненным взором
Не посмели на него в упор смотреть,
Чтобы люди, владеющие татарской речью,
Не могли его словами околдовать...

...

Чтобы татарскими словами не околдовали его,
Чтобы злобным взглядом не сглазили его...

Племенные объединения *otuz tatar* и *toquz tatar* упоминаются в рунических памятниках. В большой надписи Кюль Тегина: *qırqız qurıqan otuz tatar qıtaj tatabı qop jayұ ermis* 'Кыркызы, курыкане, отуз татары, кидане, татабы — все были врагами'. В памятнике хану Могилянупо упоминаются *toquz tatar* и *байырку* (*байегу* по китайским источникам) — разные названия одного и того же племенного союза, так как в текстах они оба сопровождаются числительными девять [Румянцев, 1962, с. 244]. В имени мифического кузнеца Кытай Бахсы якуты сохранили память о контактах с другим древним монгольским народом — киданями (гипотеза В.М. Наделяева). Встречается это имя в монгольском оформлении — Күдэй Бахсытай.

О возможных контактах предков якутов с киданями говорят историки [Савинов, 1972]. Туркизированные потомки киданей вошли в состав киргизов, узбеков, каракалпаков, казахов и башкир [Абрамзон, 1971, с. 48]. На территории Якутии отмечены потомки тун-

гусского племени кидан [Исторический фольклор..., 1966, с. 339].

Когда речь идет о монгольских заимствованиях в якутском, то часто как наиболее вероятный источник указывается бурятский язык. Такое сопоставление оправдывается и территориальной близостью, и тем, что некоторые элементы якутского языка находят параллель только в бурятском [Рассадин, 1971, с. 171—172; Kałużyński, 1961, S. 124]:

1. Якутские усилительные частицы типа: *бары, бо-ру, бөрү, бурү, хору, куру, көрү* и бур. *bere, boro, bure, хоро, хуре* и т.д. Як. *бэри бөгө* 'очень сильный, крепкий'; бур. *bere belteger* 'очень горбатый'. Як. *бэри бэрт* 'очень хороший, преотличный'; бур. *bere belteger* id.

2. Некоторые слова известны, кажется, только в якутском и бурятском языках. Як. *сайын* 'весенний тающий снег'; бур. *хайб* '1) лужа (небольшая); 2) вода на наледи; 3) (тункинский диал.) наледь'.

Як. *бүрүй* II 'заквашивать'; бур. *burrelge* 'закваска'.

Як. *соппон* 'непитательный, малопитательный (обычно о сене)', *соппон от* 'непитательное сено'; бур. *ховхон* 'малопитательный'; 'малопитательная трава, трава, растущая в болотистых местах'.

Як. *төл=чөл* [Пекарский, 1907—1930] 'состояние, положение'; *урукку төл үгэр тустә* 'он достиг своего прежнего состояния'; бур. *тол* II 'состояние, положение'.

Як. *сап* 'жильная нитка'; бур. *хаб* id.

Як. *дьай: хара дьай* 'нечисть', *хара дьай өстөөх* 'вражеская нечисть'; бур. *зай* '1) зло, напасть, несчастье; 2) демон, злой дух'.

Як. *дьайын* 'бок, сторона, край, конец'; бур. *зайн* II 'карман (у женской одежды)'.

Як. *бырта* 'пах животного; паховой жир животного'; бур. (тункинский диал.) *буртан* 'сало в нижней части брюшной полости животных'.

Як. *адага* 'тяжесть, бремя; колодка, деревянные путы, кандалы'; бур. *адага* 'деревянные путы, острая палка'.

Як. *дэлбэргэ* '1) веревка из белой конской гривы, употребляемая для перевязывания чаш и ковшей во

время ысыаха; 2) жертва духу данной местности'; *dälbirgä saläma* 'жертва, приносимая для умилоствления местного духа-покровителя; всякий дает, что может: один отрывает полоску от платья, вырывают несколько волосков из конской гривы и привешивают к дереву или колу на дороге, другие кладут деньги, конскую голову, конскую кожу, свой посох и проч., а у кого ничего нет, то хоть камень') [Там же]. Ср. бур. *дэлбэргэ тайлага* 'летний тайлаган с присутствием женщин'. Э.К. Пекарский сравнивает это слово с бур. *дэрбэлгэ* 'ленты, которыми украшены березы на таилганах — общественных жертвоприношениях', ср. монг. *дэл* 'грива, конский волос'. С.Т. Калужинский сопоставляет это слово с монг. *delbere, delbire-*, орд. *delber* 'треснуть, лопнуть, распусться (о цветке, бутоне)', калм. *dewr* 'расшириться, затопить'; ср. як. *дэлбэрий-* id. [Kałużyński, 1961, S. 76].

Як. *бөгүүр ~ бағыар* 'коченеть, цепенеть', ср. бур. *бохёор* 'неметь, коченеть'.

Як. *баға* 'стрелка под конским копытом', ср. бур. *туруунай баха* 'стрелка (треугольный роговой выступ на нижней стороне копыта)'.

В некоторых примерах бурятскому анлаутному *z-* в якутском соответствует *dj-*, т.е. эти слова были заимствованы до того, как аффрикаты *dj* и *č* перешли в монгольском языке в свистящие. Но трудно согласиться с предположением, что количество заимствований из бурятского в якутском языке можно увеличить за счет слов, в которых монгольские *dj* и *č* дали *s*. Эти монголизмы попали в якутский язык до того, как в нем произошел переход тюркских аффрикат в *s*, и подчинились общему фонетическому изменению. О древности заимствования говорят некоторые их фонетические особенности, которые нельзя объяснить исходя из данных бурятского языка, например соответствие якутских дифтонгов бурятским долгим гласным. Як. *сүөгэй, сизгэй* 'сливки, сметана' < монг., монг. письм. *jögekei*, халх. *дзоохий*, бур. *зоохэй* 'сметана'. Як. *сүөһү* 'домашний скот' < монг., монг. письм. *jögesi*, бур. *зөөшэ* 'собственность, имущество'. Як. *сизгэн*

'росомаха' < монг., монг. письм. *jegegen*, халх. *дзээгэн*, *дзээхэ(н)* id.

К тому времени, как в монгольских языках из древних аффрикат *ʒ* и *ʃ* развились свистящие звуки *дз*, *ц*, *з*, *с*, которые могли быть заимствованы в якутский язык как *с*, в монгольском языке закончился процесс образования долгих гласных, а якутские вторичные дифтонги в тюркских и монгольских словах восходят к сочетаниям VCV и VC [Санжеев, 1953, с. 72]. Некоторые явления, сближающие якутский и бурятский языки, нельзя объяснить как результат простого заимствования.

Монгольский спирант *з* в исходе слога или слова регулярно дает в бурятском *д*, в монгольских заимствованиях в якутском языке это явление не отражено: як. *асхарый*- 'растекаться, расплываться'; монг. письм. *asqara*, калм. *asḡar*, халх. *asḡr*, бур. *adḡar* id.;

як. *көмүскэ* 'верхний край глазной впадины, надбровные дуги, глазница'; монг. письм. *kömüske*, бур. *ḡumedḡe* id.;

як. *дьоҕус* ~ *дьаҕыс* 'небольшой, немного, маловато'; монг. письм. *ʒokis*, халх. *dzokis*, бур. *zoḡid* 'подходящий'.

В тюркских языках это явление широкого распространения не имеет — оно встречается в говорах Западного Казахстана, в некоторых диалектах туркменского языка [Убрятова, 1960а, с. 72].

Спорадические чередования *с* и *д* отмечены Б.Я. Владимирцовым в монгольском письменном, наблюдаются и в халхасском. Возможно, что в якутском и монгольском языках это явление вызвано общими причинами. Явно субстратным является переход *с* > *h* в якутском и бурятском языках. Этот процесс широко распространен по всей лесной зоне Евразии, а якутский и бурятский языки не могли непосредственно повлиять в этом отношении друг на друга, так как для обоих языков это явление относительно позднее, в бурятском оно датируется концом XVII—XVIII в. В ранних записях якутских текстов переход *-s* > *-h* не отмечается. Например, в записях Г.Ф. Миллера (1733—1743 гг.): *abassḡ* 'дьявол, бес, черт', *esse* 'мед-

ведь' (-ss не обозначает удвоенное *s*, так как оно встречается и в анлауте и в ауслауте *ssol* 'год', *ssulus* 'звезда') [Боргояков, 1971, с. 127].

Монгольские заимствования в якутском языке не могут быть объяснены из данных какого-либо одного монгольского языка. Можно предположить, что к древнейшим монгольским заимствованиям относятся те, которые изменили *ǰ* и *č* > *s*, подчиняясь действовавшей в древнем якутском языке закономерности.

Вторая волна монголизмов связывается с той группой монголов, переход которых на якутский язык произошел уже на Средней Лене. Предания, записанные на территории «акающих» районов, а также данные топонимики указывают на то, что здесь проживала какая-то монголоязычная группа [Убрятова, 1960а, с. 42; Гриценко, 1968, с. 155]. Этот монгольский язык характеризуется сохранением: 1) шипящих аффрикат; 2) не подвергшегося перелому монг. *i* в виде *i* и *ɨ*; 3) полногласия, характерного для средневекового монгольского языка [Рассадин, 1980, с. 84].

Эти черты характерны для монгольских языков до XIII—XIV вв. Вполне вероятной является связь якутского с каким-то древнебурятским диалектом. На этнических картах Сибири XVII в. на территории Якутии отмечены группы хори и дагур, которые были, вероятно, последними волнами монголоязычных переселенцев. Целый ряд якутских наслегов и родов сохранил это название: один из трех родов в Кангаласском наслеге Баягантайского улуса, Второй Одейский наслег в Намском улусе и т.д. Сохранились в якутском какие-то элементы преданий о Хоридойнойоне — легендарном прародителе хори-бурят (як. Хордой Хойгос, сын Баатыра, основатель Боргонского улуса). Но, вероятно, контакты якутов с хори были неоднократными, и первые из них относились к более древнему периоду. А.П. Окладников считает, что «потомки Улуу-Хоро — хоролоры (или иногда пишут — хоранцы) могут быть поставлены в связь с различными племенами и родами, может быть, об-

ломками “трех курыканов”, из которых часть стала тунгусами (курагиры), а часть бурят-монголами (хородуты, куркуты)» [Окладников, 1947, с. 33—34] (об этнической принадлежности курыкан см. [Окладников, 1949, 299—336]). Возможно, что именно хори являются связующим звеном в истории якутов и древних монгольских племен.

В якутском фольклоре хоролоры наделены двойственной характеристикой: это может быть богатырь из враждебного племени — Хоро тэбиэн аттаах Тэбиэнтэй бухатыыр ‘ездящий на коне Хоро-верблюд Тэбиэнтэй богатырь’ (Г.А. Эргис), или член племени айыы аймаҕа — хоролор диэ дьон ‘хоринцы прародители якутов’ (Э.К. Пекарский). О древности контактов якутов с хори говорит и то, что имя Хоро в якутском связано с культом орла:

Хоро танаралаах ойуун ‘шаман, имеющий своим покровителем орла; человек, душу которого (*сүрүүн кутун*) воспитывает орел Верхнего мира до тех пор, пока он не станет шаманом’.

Хоро танаралаах киһи хотойу өлөрбөт тыһпыт ‘человек, имеющий своим божеством хоро, орла не убивает и не трогает’.

Хоро төрүттэйх (шаман) ‘имеющий происхождение от хоро’.

В словаре Э.К. Пекарского хоро — особый дух (между *абааны* и *айыы*), корень злых духов (*абааны төрдө*), предок, корень орлов (*хотой төрдө*).

Тотемом — родоначальником бурят считается лебедь (о тюркском происхождении этого тотема у бурят см. [Цыдендамбаев, 1972, с. 224—226]), но в некоторые легенды о происхождении хори-бурят вплетается мотив орла — похищение орлом дочери одного богача объясняется тем, что на него разгневалась «царственная птица нойон-предок» [Румянцев, 1962, с. 189]. Культ орла, очевидно, существовал у племен бронзового века Забайкалья, которые изображали его на писаницах. А.П. Окладников определил сходство этой священной птицы с изображениями на старинных орнаментах ольхонских бурят.

В числе источников монгольских элементов якутского языка мог быть язык хори — одного из основных племенных объединений, вошедших в состав монголо-бурят. Контакты якутов и хоринцев были очень длительными, хотя, вероятно, не непрерывными, и оставили глубокие следы в языке обоих народов — некоторые родовые названия хори-бурят могут быть объяснены только на материале тюркских языков, в частности якутского [Цыдендамбаев, 1972].

Соответствия бурятскому языку довольно многочисленны, выделяются также группы монголизмов, которым В.И. Рассадин находит соответствия в калмыцком, ордосском.

Влияние монголизмов второго этапа на якутскую фонетику было очень значительно, они сформировали систему среднеязычных согласных: *dʒ, ʃ*. Под монгольским влиянием сложилась оппозиция шумных дентальных в анлауте и расширилась дистрибуция шумных в других локальных группах.

3. О некоторых процессах в якутском языке, имеющих параллели в других тюркских языках

Среди тюркских языков якутский выделяется сильно развитой ассимиляцией. В.В. Радлов считал, что в этом отношении он не имеет себе равных среди современных ему тюркских языков и что по этому явлению он напоминает языки дравидийские [Харитонов, 1947, с. 75].

Ассимиляция имела место уже в языке древнетюркских памятников. Так, приводимые А. Габен слова и формы с удвоенными согласными из памятников на брахми — *arttoq, qattih* — М. Рясянен рассматривает как результат ассимиляции. *Arttoq* 'больше' — причастие претерита на *-duk* от глагола *art-* 'увеличиться, подходить', второе слово представляет собой ту же форму от глагола *kat-* 'твердеть' [Рясянен, 1955, с. 122; Gabain, 1950, S. 57]. В более поздних памятниках ассимиляция по звонкости-глухости представлена

довольно широко. В языке среднеазиатских памятников удвоенные согласные, образованные в результате ассимиляции, имеют тенденцию превращаться в одинокый звук [Groskelmann, 1954, S. 66—67] (ср. употребление удвоенных согласных в сагайском диалекте хакасского языка [Диалекты..., 1973, с. 46]). Но особенности ассимилятивных процессов складывались в послеорхонский период в отдельных тюркских языках или группах языков (о других точках зрения на время сложения ассимиляции см. [Тенишев, 1973, с. 44]).

Отличие ассимиляции в якутском от подобного процесса в других тюркских языках можно проследить на примере прогрессивной ассимиляции на стыке конечного согласного основы и начального согласного аффикса, так как очень характерная для якутского языка ассимиляция внутри основы имеет особые закономерности и твердо не установилась даже в пределах говоров [Убрятова, 1960а, с. 100]. Около двух третей аффиксов с начальными согласными, рассмотренные в работе Л.Н. Харитонова [1947], меняют начальный согласный аффикса в зависимости от конечного согласного основы. Более последовательно ассимилируются словоизменительные аффиксы. Неизменяемые аффиксы (речь идет только об изменении согласных, гармонии гласных подчиняются все аффиксы) могут присоединяться к основе при помощи соединительной гласной (*-талаа* — форма многократного вида глаголов: *быс быһыталаа, тут тутуталаа*), выпадения конечного согласного основы (*-тар* — аффикс образования прилагательных от разных глаголов: *кэлэй — кэдэгэр*), словообразовательного аффикса имен существительных *-был* (*эрэбил — эрэн* 'надеяться'), а также могут присоединяться непосредственно к конечному основанию (*-таа* — аффикс многократного вида: *агал- — -агалтаа-*).

В качестве начальных согласных ассимилируемых аффиксов в якутском языке выступают *б, л, т, г, һ* (с), например:

1. *-быт* (*-ныт, -мыт*) — аффикс принадлежности 1 л. мн. ч.; в древних тюркских языках этот аф-

фикс имел форму: *-tuз, -miz, -tiz, -müz* в орхоненисейских, *-umuz, -utumz* в уйгурских. В некоторых современных тюркских языках (турецком, туркменском, азербайджанском, узбекском) сохраняется древняя форма с начальным *-m-*, а в сибирских тюркских языках, а также в башкирском, киргизском, кумыкском, татарском начальный *-m-* аффикса деназализуется в *b-*.

2. *-лар (-тар, -дар, -нар)* — аффикс множественного числа — встречается во всех тюркских языках и имеет от 1 (в литературном узбекском) до 16 (в якутском, тувинском) вариантов. По характеру употребления этого аффикса все тюркские языки можно разделить на две группы: в одних устойчивым является *л*, в других — *р*. В языках со стабильным *р-* (алтайский, башкирский, казахский, киргизский, тувинский, чулымский, шорский, хакасский, желтоуйгурский, якутский) меняется начальный *л* в зависимости от конечного согласного основы.

По типу ассимиляции языки можно разделить на две группы. В первую, которая характеризуется полной ассимиляцией после *-л (лар)* и *-н (нар)*, входят хакасский, желтоуйгурский, шорский языки, тоджинский диалект тувинского языка. Во второй группе *л* аффикса диссимилируется после основ на *-л, -н* — это алтайский, киргизский, казахский языки. Тувинский занимает промежуточное место между этими группами: *л* аффикса диссимилируется в *д* после основы на *-л*, но назализуется после *-н*. Якутский приближается к первой группе, отличаясь от нее переходом *л > д* после *-й, -р* (табл. 9).

3. Изменение аффиксов с начальным *m-*. Аффикс местного (в якутском языке частного, древнее значение местного падежа сохранилось только в наречиях и местоимениях) падежа. В орхонских памятниках регулярно употребляется *-ta* после сонорных и звонких, а *-da* после глухих и в интервокальном положении, хотя отступления от общего правила все же встречаются: *sabymda* 'в моей речи', *kämdä* 'у реки Кем', *käçinda* 'у Кечина'. Сочетания типа *rd, ld* на

Варианты аффиксов множественного числа

Язык	Конечный звук основы			
	й, р	л	н	Глухой согласный
Якутский	<i>дар</i>	<i>лар</i>	<i>нар</i>	<i>тар</i>
Хакасский	<i>лар</i>	<i>лар</i>	<i>нар</i>	<i>тар</i>
Тувинский	<i>лар</i>	<i>дар</i>	<i>нар</i>	<i>тар</i>
тоджинский диалект	<i>лар</i>	<i>лар</i>	<i>нар</i>	<i>тар</i>
Желтоуйгурский	<i>лар</i>	<i>лар</i>	<i>нар</i>	<i>тар</i>
Шорский	<i>лар</i>	<i>лар</i>	<i>нар</i>	<i>тар</i>
Алтайский	<i>лар</i>	<i>дар</i>	<i>дар</i>	<i>тар</i>
Киргизский	<i>лар</i>	<i>дар</i>	<i>дар</i>	<i>тар</i>
Казахский	<i>лар</i>	<i>дар</i>	<i>дар/нар</i>	<i>тар</i>

слогоразделе характерны для некоторых енисейских памятников (№ 5—9, 11, 13, 14, 25, 29) [Батманов и др., 1962, с. 48]. В рукописных текстах единого правила не установлено. Некоторые имена принимают то одну, то другую форму: *ауруу + та*, *ätüz + та*, *bas + та*, *yol + та*, *öd + tä*, *jir + да*, *aja + да* [Gabain, 1950, S. 182]. В более поздних гератских и караханидских памятниках закономерность употребления *-та* и *-да* сходна с большинством современных языков, хотя встречаются некоторые отклонения (*istä ~ isdä*) [Насилов, 1974, с. 38—39; Brockelmann, 1954, S. 127].

Употребление глухого варианта аффикса в интервокальном положении отличает якутский язык от древних и большинства современных тюркских языков, сближая с языками желтых уйгур и барабинских татар. Но все остальные формы ассимиляции этого аффикса характерны только для якутского языка, что еще раз свидетельствует о том, что ассимиляция развивалась в отдельных группах тюркских языков уже в послеорхонский период (табл. 10).

Если ассимиляция словоизменяющих аффиксов довольно последовательна, то ассимиляция внутри основ имеет свои закономерности, которые значительно различаются по диалектам. По этому, второму типу могут изменяться и словообразовательные аффиксы в производных основах. Например, изменения

Варианты аффиксов местного падежа

Язык	Конечный звук основы				
	й, р	л	н	Глухой согласный	Гласный
Якутский	да	ла	на	та	та
Хакасский	да	да	да	та	да
Тувинский	да	да	да	та	да
Желтоуйгурский	та (очень редко да)	та	та	та	та
Алтайский	да	да	да	та	да
Шорский	да	да	да	та	да
Киргизский	да	да	да	та	да
Казахский	да	да	да	та	да
Татарский	да	да	да	та	да
Башкирский	за	—	да	та	да
Барабинских татар	та	та	та	та	та
Томских татар	да	да	да	та	да
Каракалпакский	да	да	да	та	да
Узбекский	да	да	да	да	да
Уйгурский	да	да	да	та	да
Туркменский	да	да	да	да	да
Азербайджанский	да	да	да	да	да

аффикса *-сыт* при присоединении к основам на *-л*: 'гость' — *ыалдьыт, ыальдьыт, ыадьдьыт, ыальцыт, ыалцыт, ыалььыт*; 'следопыт' — *суолдьут, суолььут, суольдут, суолььут*; 'охотник' — *булчут, бульчут, буччут, бурчут, булчук киһи* [Убрятова, 1960а, с. 110—111].

Якутский аффикс *-сыт* соответствует аффиксу *-чы* других тюркских языков; *с*, возникший из *ч*, в зависимости от конечного согласного основы может переходить в *ч, дь, нь*. По другому протекает ассимиляция в аффиксах, сохранивших древнетюркский *с̄*:

Древнетюркский язык	Якутский язык
<i>биҥса</i> 'столько, так много'	<i>бачча</i> 'столько, столь' (определятельное местоимение)
<i>анса</i> 'так, таким образом'	<i>оччо</i> 1) 'столько, так много' (определятельное местоимение); 2) 'столько, такой, таковой' (наречие)
<i>анса</i> 'много, значительно'	<i>оччо бача</i> 'слишком, очень'

Ср. в других родственных языках: хак. *мынча* (*мынжа*), алт., тув., кирг. *мынча*, хак. *анча* (*анжа*), алт., кирг. *анча*, тув. *ынча*, — в тех же значениях. Аффикс *-ча* Л.Н. Харитонов рассматривает как омертвелую форму количественного падежа, употребляемого в языке орхонских надписей и в некоторых современных тюркских языках. В якутском языке этот аффикс встречается в местоимениях (*бачча*, *имиччэ*), приближительных числительных (*сүүсчэ*, *сүүрбэччэ*), наречиях (*барбытча*, *көрбүтчэ*).

О.Н. Бётлингк не считал эту форму падежным аффиксом, а возводил его к слову *чах* 'мера, время'. К послелогу возводит ее А. Габен. Но уже в языке орхонских памятников она употребляется как падежный аффикс. Как пережиток некогда существовавшего падежа рассматривал ее В.В. Радлов. В употреблении этого аффикса обращают на себя внимание два момента: сохранение древнетюркского *č* и разный характер ассимиляции после основы на *-н*. Древнетюркский *č* сохраняется и не переходит в *s* не только в этом, но и в некоторых других аффиксах: уменьшительно-ласкательный аффикс *-чык* (*аанчык*, *догорчук*, *догоччук*, *кулунчук*). Этот аффикс встречается в древнетюркском (*oylančiq*) и сохраняется в некоторых современных тюркских языках: тув. *-чак*, *-жак*, хак., алт. *-чак*; *ч* экватива сохраняется почти без исключений. Единственный пример перехода *č* > *s* (*h*) в вопросительном местоимении *təhə* (О.Н. Бётлингк считал *-h* фонетической разновидностью *-ча*). Ср. др.-тюрк. *пече*, тув. *чежэ*, тоф. *hs'eŋhe*, як. *təhə*; др.-тюрк. *пе*, *пй*, тув. *чүү*, тоф. *hs'u*, як. *туох*).

Сочетание *-нč-*, образованное на стыке основы и аффикса, в большинстве языков изменяется по тем же правилам, что *-нč-* в неразложимых основах: сохраняется без изменений в алтайском, татарском, киргизском, узбекском, тувинском языках. В азербайджанском, гагаузском, турецком, хакасском *č* озвончается. В казахском и каракалпакском языках, как известно, *č* > *š*, в башкирском *č* > *s*. В якутском языке в неразложимых основах *ннь* < *нч*. Но при присоеди-

нении аффикса *-ча* правила сочетаемости оказываются различными: 1) полная регрессивная ассимиляция в местоимениях *бачча, оччо*; 2) сохранение сочетания *-нч-* в приблизительных числительных: *уонча* 'около десяти'. Возможно, это объясняется тем, что в тот период, когда *нĕ > лл*, *ĕа* сохранял еще некоторые особенности послелого. А полная регрессивная ассимиляция в местоимениях и наречиях вызвана тем, что они в современном якутском языке воспринимаются как непроеизводные. Присоединяясь к основам на гласный, *ĕ* аффикса удваивается: *итиччэ, суурбэччэ*. Эта особенность могла препятствовать переходу *ч > с*. Геминация может использоваться для сохранения исходной, более древней формы.

Сильно развитая ассимиляция привела к появлению большого количества удвоенных согласных. Но не все долгие (удвоенные) согласные в якутском языке объясняются ассимиляцией. Они могут соответствовать кратким согласным других языков: монг. *soqur* > як. *соххор* 'одноглазый', *-чч-* в аффиксе имени деятеля *-аччы* < монг. *аĕи*; интересно еще и то, что вторая форма с удвоенным *-чч-* встречается в хакасском и тувинском языках. Для современного якутского языка противопоставление по долготе-краткости не является фонологическим. Геминированные согласные встречаются во всех тюркских языках, не представляя системы, такой, как в финно-угорских. Их происхождение объясняют различными причинами: влиянием других языков, выражением количественной и качественной семантики, редукцией узкого гласного второго слога, исчезнувшей долготой гласного.

Одной из причин образования неассимилятивных долгих согласных может быть следующая: долгота согласного является сопутствующим качеством, присутствующим сильному согласному в интервокальном положении. Так, например, в тофском языке в интервокальной позиции существует четкое противопоставление сильных и слабых согласных. При этом сильные согласные всегда глухие и долгие. Сильные ауслатные *ɟ* и *ʈ*, попав в интервокальное положение, уси-

ливаются вплоть до геминации [Рассадин, 1971, с. 63]. В тувинском языке в интервокальном положении *k* и *p* в одиночном виде не встречаются. Например, пишут *эки* 'хорошо', а произносят *эки*; пишут *акый* 'старший брат', а произносят *аккый*. В слове *анпар* 'становиться чем-то' для различия его на письме от слова *анпар* (*ан* + *баар*) 'унести' пишется одно *n*, хотя в произношении эти слова не различаются [Исхаков, Пальмбаха, 1961, с. 72—74]. Можно предположить, что якутский язык прошел через такую же стадию развития фонологической системы, когда сильные согласные в интервокальном положении усиливались вплоть до геминации.

При дальнейшем развитии фонологических систем разных тюркских языков эта позиционная долгота проявилась по-разному. В некоторых языках оттенок признака, не игравший смысловозначительной роли, стал ведущим — фонематическим. Так, в алтайском языке (алтай-кижи) согласные подразделяются на шумные и малошумные. Шумные могут быть долгими и краткими, долгие употребляются только в середине слова, преимущественно в морфологически неразложимых основах. В якутском языке, фонологическая система которого претерпела очень сильные изменения, этот признак отразился непоследовательно: 1) как удвоенный согласный (*икки*, *сэттэ*); 2) с исчезновением долготы и озвончением согласного в интервокальном положении (*огус*, *тогус*); 3) с исчезновением долготы, но сохранением глухости. По характеру ассимиляции якутский язык отличается от всех тюркских языков, не совпадая ни с одним из них полностью.

«Правила сочетаемости согласных звуков, — заметил Н.С. Трубецкой, — накладывают на каждый язык особый отпечаток. Они характеризуют язык в не меньшей мере, чем фонемный состав».

В тюркологии законам сочетаемости звуков посвящено немало специальных исследований. Сочетание сонорный + шумный глухой на морфемном шве рассматривается как классификационный признак, ха-

рактизирующий сохранение в языке древних черт (С.Е. Малов). Но не меньший интерес для истории тюркских языков представляет позиция сонорного в сочетании с шумными внутри морфемы и на морфемных швах.

Шумные и сонорные согласные сочетаются друг с другом по определенным схемам, характеризующим как отдельные языки, так и типы языков. Для языка тюркских рунических памятников выделяются следующие закономерности: внутри односложной корневой морфемы возможны сочетания только типа сонорный + шумный: *alp* 'герой', *irq* 'гадание', *tört* 'четыре', *elt* 'тянуть'.

На морфемных швах возможны сочетания: а) сонорный + шумный, причем основы, оканчивающиеся на *l, r, m, n*, «статистически наиболее часто сочетаются с глухими смычными *t, q, k*» [Кононов, 1980]: *olur-tim, jil-qa, ilim-kä, qan-tan* и т.д.; б) шумный + сонорный: *bäg-lär, баш-лығ, тут-мыс, ічік-мис* и т.д.

В древнетюркском внутри односложной корневой морфемы и на морфемных швах действовали разные правила сочетаемости шумных и сонорных, внутри основы только сонорный + шумный, на морфемных швах сонорный + шумный и шумный + сонорный. В большой группе современных тюркских языков, в том числе во всех тюркских языках Сибири, сформировался запрет на употребление сонорных после шумных, что отличает их от юго-западных тюркских языков (турецкого, азербайджанского, узбекского, карачаево-балкарского), где этот тип сочетания сохраняется: тур. *ev-ler* 'дома', *sokak-lar* 'улицы', *çocu-lar* 'дети' и т.д.

В древнетюркском языке сочетания, построенные по принципу контрастной сочетаемости: шумный глухой + шумный звонкий, шумный звонкий + шумный глухой, шумный + сонорный, могли служить пограничными сигналами на морфемных швах, поддерживая четкую морфологическую организацию агглютинативного слова: *бу öd-kä олур-тым, талуи-ка кічіг мәг-мә-дiм, Токуз әрсән-кә мәгі сүла-дiм; ... Тәмір капығ-*

ka tägi cūla-dim; бун-ча jir-kä tägi жорыт-дым, ötүкән жыш-да; жорыт-маз;... öl-mig, ... тод-сар, ö-mäz-cän, бод-кә и т.д.

Запрет на сочетания типа шумный + сонорный послужил одним из стимулов развития ассимиляции на морфемных швах, вместо одновариантных аффиксов (по начальному согласному) *-lar, -lŷ, -ma, -maz* и т.д. возникают многовариантные аффиксы: *-lar, -tar, -dar, -nar* и т.д.

Одним из результатов таких процессов стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском языке в анлауте сонорный, — как основной вариант аффикса стал восприниматься десоноризованный (деназализованный): хак. *сине-бе* 'не измеряй'; тоф. *сен бар-ба* 'ты не уходи' и т.д. Ср. як. *аһаа-ма* 'не ешь', но *аһаа-бат* (отрицательная форма причастия прошедшего времени) и т.д. Этот процесс охватывает не только дву- и трехкомпонентные аффиксы, но и аффиксы, состоящие из одного согласного, например залоговые показатели, которые могут оказаться в постконсонантной позиции после выпадения узкого гласного при аффиксальном наращении, когда следующий аффикс начинается с широкого гласного, см. як. *ытын + ар > ыттар* 'взбирайся'. Такие изменения ведут к сильному «затемнению» морфологической структуры слова.

Построение сочетаний согласных по нисходящей звучности, когда сонорный всегда предшествует шумному, характерно не только для восточной группы тюркских языков. Оно типично для бурятского (нарушения связаны с особенностью функционирования одного-двух аффиксов), нганасанского, чукотского языка и т.д., что дает возможность поставить вопрос об ареальном характере этого явления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе рассмотрены согласные, образующие локальные группы губных, переднеязычных, среднеязычных, заднеязычных и увулярных в якутском языке и соответствующие им согласные других тюркских языков. При этом устанавливается, что при значительном сходстве консонантных систем история их компонентов значительно отличается.

Так, в системе губных согласных якутский *-b* будет соответствовать *-β-*, *-b-*, *-p-* и *-m-* других тюркских языков. В группе губных согласных наиболее последовательно проявляется тенденция к озвончению шумных, поэтому формирование фонологической оппозиции *p — b* получило своеобразный характер, оно тесно связано с процессом деназализации носовых в позиции после сонантов.

Вторичный характер носит и сложившаяся оппозиция шумных в группе переднеязычных согласных. В этой группе указанная тенденция к озвончению не имела места, большая устойчивость к изменениям вообще характерна для центральной группы согласных в тюркских языках. Оппозиция шумных переднеязычных складывается в результате влияния монгольского языка и расхождения закономерностей сочетаемости согласных в неразложимых основах и на морфемных швах при присоединении слово- и формоизменятельных аффиксов. Среднеязычные согласные «заимствуют» оппозицию шумных, так как *č-* и *hč* в основном попали в якутский из монгольских и тунгусских языков.

Оппозиция по участию голоса в группах заднеязычных и увулярных согласных, так же как и губных,

связана с инлаутом, преимущественно с постсонорной позицией. Появление глухого шумного в интервокальной позиции объясняется расширением дистрибуции заднеязычных согласных под воздействием монгольских и тунгусских языков, а также с особенностью функционирования группы аффиксов с неизменяющимся анлаутом. В якутском, в отличие от большинства других тюркских языков, складывается фонологическое противопоставление между группой заднеязычных и увулярных фонем. Для якутского языка развитие оппозиции по локальному ряду оказывается очень существенным, оно превалирует над развитием оппозиции по характеру преграды, поэтому колебания типа аффриката — смычный у среднеязычных шумных или проточный — смычный у заднеязычных и увулярных не мешает правильному отождествлению фонем носителями.

Система шумных спирантов представлена в якутском единственной фонемой *s*. Разрушение тюркской системы спирантов и аффрикат в якутском связано с воздействием субстрата, для которого была типичной замена анлаутного *s > h* при сохранении *-s-*. Тюркский *s- > h- > ø*; тюркский *c* носителями этого субстрата был воспринят как проточный, так как среднеязычные в этом ареале имели смычную артикуляцию. Глухой *j* (*ç-*), который был свойствен прякутскому языку, переходит в *s*. Возможно, что в этот же период начинает изменяться дистрибуция заднеязычных и увулярных под влиянием субстрата, для которого ведущим при выборе того или иного варианта оказывался подъем окружающих гласных. Последовательность перестройки системы согласных якутского языка была нарушена мощным воздействием монгольского языка, под влиянием которого в якутском появились анлаутные *hʃ* и *č*, сформировалась оппозиция шумных в группе переднеязычных и среднеязычных, усилилась оппозиция глухих шумных в группе заднеязычных и увулярных. Изменения, привнесенные монгольским суперстратом, весьма значительны. Они формируют базовую ось относительной хроно-

логии, разбивая все процессы на «до-монгольские» и «после-монгольские». Монгольский слой дает возможность и абсолютной датировки, но это требует дополнительных исследований истории монгольских языков. Сейчас временные границы этого процесса очень широки — от X—XI до XIV—XVI вв.

При снятии позднейших изменений восстанавливается система, предельно близкая к той, что наблюдается в языке древнейших рунических текстов. В анлауте — единственный звонкий (слабый) *b-*, глухие *t-, q-, č-*. Преимущественно сохраняются глухие в группе шумных и в других позициях. Звонкие аллофоны появляются в анлауте некоторых аффиксов в позиции после шумных. Группе шумных противопоставлена группа малозумных *b (β), d (ð), j, g (ɣ)*. Периферийные малозумные имеют тенденцию к озвончению и спирализации и уже в древнетюркском дают *β* и *ɣ*; *ð* начинает изменяться в более ранний период, чем тот, который зафиксирован в языке рунических памятников. В тех диалектах, где группа центральных согласных не получила тенденции к озвончению, древнетюркскому *d (ð)* соответствует *t*, в большинстве других диалектов этот звук совпал с тем или иным согласным шумным *d* или сонорным *z, r, j*. Вхождение *j (j)* в центральную или периферийную группу также определило характер его дальнейшего развития. В центральной группе сохранялся преимущественно его глухой вариант, и дал по языкам глухой рефлекс: як. *s*, чув. *ś*, в других отразился в основном звонкий вариант, совпавший с сонорным *j*.

Дальнейшие контакты якутов с группами эвенков и эвенов на территории Якутии кардинальных изменений в фонологическую систему не внесли.

Такой характер праякутской и древнетюркской консонантных систем говорит об их переходном характере. Поэтому кажется очень убедительной гипотеза о существовании на более ранних стадиях развития тюркских языков троичной оппозиции шумных. Исходя из этой концепции, выдвигаемой для пратюркского языка В.М. Наделяевым и В.М. Илlichem-

Свитычем, можно логично объяснить и наличие таких двух ареалов с развитой оппозицией шумных в анлауте, как восточный (желтые уйгуры, салары, тувинцы, тофы, уйгуры-урянхайцы) и западный (турецкий, азербайджанский и др.), понять характер соответствий между тюркскими и монгольскими языками. При таком подходе древнетюркский оказывается весьма далек от праязыкового состояния, это один из вариантов развития пратюркской системы. Ближе к нему, но сохраняя некоторые более древние черты, стоит праякутский. Это положение согласуется с мнением такого великолепного знатока древних и современных тюркских языков, как С.Е. Малов, который считал, что якутский по некоторым его особенностям древнее языка древнетюркских текстов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

азерб. — азербайджанский
алд. — алданский
алт. — алтайский
балк. — балкарский
бараб. — барабинский
бачат. тел. — язык бачатских телеутов
башк. — башкирский
бур. — бурятский
быстр. — быстринский говор
вин. п. — винительный падеж
гагауз. — гагаузский
диал. — диалектный
долг. — долганский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйг. — древнеуйгурский
др.-як. — древнеякутский
ед. ч. — единственное число
каз. — казахский
калм. — калмыкский
камас. — камасинский
каракалп. — каракалпакский
карач.-балк. — карачаево-балкарский
кирг. — киргизский
койб. — койбальский
крым.-тат. — крымско-татарский
куманд. — кумандинский
кумык. — кумыкский
л. — лицо
маньчж. — маньчжурский
мн. ч. — множественное число

монг. — монгольский
монгор. — монгорский
монг. письм. — монгольский письменный
монг. старописьм. — монгольский старописьменный
нан. — нанайский
нижнечул. — нижнечулымский
новоуйг. — новоуйгурский
ног. — ногайский
обстоят. п. — обстоятельный падеж
общетюрк. — общетюркский
огуз. — огузский
ойр. — ойратский
ольск. — ольский говор
орд. — ордосский
праогуз. — праогузский
рус. — русский
саг. — сагайский
салар. — саларский
самод. — самодийский
сев. — северный
селькуп. — селькупский
сиб. тат. — язык сибирских татар
совм. п. — совместный падеж
ср.-монг. — среднемонгольский
тел. — телеутский
тодж. — тоджинский
тоф. — тофский (тофаларский)
тув. — тувинский
тув.-карагас. — тувинско-карагасский
тунг. — тунгусский
тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурский
тунк. — тункинский
тур. — турецкий
турк. — туркменский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
халадж. — халаджинский
халх. — халхо-монгольский
хак. — хакасский
хам. — хамийский

хотан. — хотанский диалект
чув. — чувашский
чулым. — чулымский
чулым.-тюрк. — чулымско-тюркский
шор. — шорский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
южн. — южный
як. — якутский
id. — то же значение

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Л.: Наука, 1971. — 403 с.

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 1. — 282 с.

Андреева Т.Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. — Новосибирск: Наука, 1988. — 141 с.

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. — 174 с.

Антонов Н.К. Исследования по исторической лексике якутского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Институт языкознания АН КазССР. — Якутск, 1973а. — 56 с.

Антонов Н.К. О соответствиях начальных й // с в якутских и тюркских именных основах // Тр. ИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1973б. — Вып. 4(9). — С. 41—48.

Антонов Н.К. О якутско-монгольских языковых связях // Язык — миф — культуры народов Сибири. — Якутск, 1988. — С. 4—17.

Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. — 176 с.

Ахматов Т.К. Звуковой строй современного киргизского литературного языка. — Фрунзе: Мектеп, 1968. — Ч. 1. — 191 с.

Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. — Москва: Наука, 1978. — 247 с.

Бабушкин Г.Ф. О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта

алтайского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку: Изд-во АН АзССР, 1966. — С. 55—67.

Байчура У.Ш. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Москва, 1966. — 66 с.

Барашков П.П. Звуковой строй якутского языка. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. — 98 с.

Барашков П.П. О монголо-бурятских и якутских языковых связях // Сб. тр. по филологии Бурят-монгольского НИИ культуры. — 1958. — Вып. 3.

Барашков П.П. Фонетические особенности говоров якутского языка: Сравнительно-исторический очерк. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. — 182 с.

Барашков П.П., Петров Н.Е. Очерки развития якутского литературного языка в советскую эпоху. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. — 116 с.

Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Грамматический очерк и словарь. — М.: Наука, 1966. — 173 с.

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. — М.: Высшая школа, 1969. — 383 с.

Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. — М.: Наука, 1988. — 208 с.

Батманов И.А. К генезису диалектов киргизского языка // Тр. ИЯЛИ КиргАН ССР. — Фрунзе, 1944. — Вып. 1. — С. 55—62.

Батманов И.А. Краткое введение в изучение киргизского языка. — Фрунзе, 1947. — 115 с.

Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. — Фрунзе, 1959.

Батманов И.А. Некоторые особенности языка памятников орхоно-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку: Изд-во АН АзССР, 1963. — Т. III. — С. 116—123.

Батманов И.А. Следы говоров в языке памятников орхоноенисейской письменности // Проблемы тюр-

кологии и истории востоковедения. — Казань, 1964. — С. 85—93.

Батманов И.А. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках // Материалы диалектологической конференции. — Фрунзе, 1971.

Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисеика. — Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. — С. 259.

Бельтюкова Н.П. Дистрибуция согласных четвертой артикуляции в долганском языке // Языки народов Сибири. — Кемерово, 1977. — С. 59—61.

Бётлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск: Наука, 1989. — 644 с.

Биткеев П.Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка. — Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1965. — 66 с.

Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. — Казань: Татгосиздат, 1934. — 167 с.

Боргояков М.И. Словник Г.Ф. Миллера по тюркским языкам Сибири // Тюркская лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1971. — С. 113—130.

Боргояков М.И. Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. // Диалекты хакасского языка. — Абакан, 1973. — С. 109—135.

Боргояков М.И. Источники и история изучения хакасского языка: Очерки. — Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. кн. изд-ва, 1981. — 144 с.

Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. — Новосибирск: Наука, 1987. — 185 с.

Вайнштейн С.И. Этнический состав древнего населения Саян // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974. — 189 с.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. — Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 365 с.

Вейсалов Ф.Е., Исаева Р.М. Акустические характеристики азербайджанских смычно-взрывных согласных // Советская тюркология. — 1987. — № 5. — 108 с.

Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. Вост. отд-ния Имп. Российского археол. об-ва. — СПб., 1911. — Т. 20. — С. 153—184.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. — Л.: Изд-во Ленингр. Вост. ин-та, 1929. — 436 с.

Вопросник Диалектологического атласа тюркских языков СССР. — М., 1969.

Воронкин М.С. Саха диалектологиятын очерката. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. — 244 с.

Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1984. — 222 с.

Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. — М.: Наука, 1975. — 302 с.

Гаджиева Н.З. К истории анлаута в тюркских языках // Тюркологические исследования. — М.: Наука, 1976. — С. 77—93.

Гаджиева Н.З. О трех этапах изменений анлаутных согласных в истории тюркских языков // Тюркологический сборник, 1974. — М.: Наука, 1978. — С. 65—71.

Гаджиева Н.З., Левитская Л.С., Тенишев Э.Р. Тюркские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. — М.: Наука, 1981. — С. 206—235.

Грамматика современного якутского языка. — М., 1982. — 496 с.

Григорьев Н.С. Грамматика якутского языка. — М., 1938. — На як. яз.

Гриценко К.Ф. Названия рек и озер Якутии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1968. — 19 с.

Диалекты хакасского языка. — Абакан, 1973. — 156 с.

Дмитриев Н.К. Соответствия р // д // т // з // й // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Вып. 1: Фонетика. — С. 326—329.

Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. — Л.: Наука, 1966. — 225 с.

Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. — М., 1963. — Т. 5.

- Древнетюркский словарь*. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.
- Дульзон А.П.* О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков // *Вопр. языкознания и диалектологии*. — Томск, 1966. — Вып. 1. — 79 с.
- Дульзон А.П.* О приемах определения отдаленного языкового родства // *Проблема происхождения абorigенов Сибири и их языков*. — Томск, 1969. — С. 5.
- Дульзон А.П.* Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернации // *Советская тюркология*. — 1973. — № 5. — С. 93—104.
- Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 302 с.
- Дыренкова Н.П.* Тофаларский язык // *Тюркологические исследования*. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 5—23.
- Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. — Ч. 1: Вокализм. — 192 с.
- Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1977. — Ч. 2: Консонантизм. — 251 с.
- Жукова А.И.* Корякский язык // *Языки народов СССР*. — Л.: Наука, 1968. — Т. V. — 273 с.
- Иванов С.А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. — 183 с.
- Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские дентальные: t, d, ð // *Вопр. языкознания*. — 1963. — № 6.
- Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. — М.: Наука, 1971. — 370 с.
- Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Ч. 1: Фонетика. — 274 с.
- Исторический фольклор эвенков*. — М.; Л.: Наука, 1966. — 399 с.
- Исхаков Ф.Г.* Тувинский язык: Очерки по фонетике. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — 123 с.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А.* Грамматика тувинского языка. — М.: Изд-во вост. лит., 1961. — 472 с.

Кабешавидзе И.Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей // Советская тюркология. — 1972. — № 2.

Калужиньски Ст. Монгольско-якутские языковые контакты. Олон улсын монгол хал бичгийн эрдэмтний анхадугаар их хурал 1-р дэвтэр. — Улан-Батор, 1961а. — С. 128—129.

Калужиньски Ст. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Тр. ИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР. — Якутск, 1961б. — Вып. 3(8). — С. 5—21.

Калужиньски Ст. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (IV) // Rocznik orientalistyczny. — 1979. — Т. XLI, Z. 1.

Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. — Казань: Изд-во Имп. Казан. ун-та, 1903. — 1595 с.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. — М.: Наука, 1964. — 215 с.

Кондратьев В.Г. Об отношении языка памятников орхоно-енисейской письменности к языку древнеугурских памятников // Советская тюркология. — 1973. — № 3.

Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 312 с.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 570 с.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников; (VII—IX вв.). — Л.: Наука, 1980. — 235 с.

Константинова О.А. Эвенкийский язык. — М.; Л.: Наука, 1964. — 272 с.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М.: Наука, 1970. — 308 с.

Кормушин И.В. Язык орхоно-енисейских надписей // Тюркские языки. — Бишкек, 1997. — С. 89—107.

Корш Ф.Е. Классификация турецких племен по языкам // Этнографическое обозрение. — М., 1910. — Кн. 84—85.

- Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 372 с.
- Крейнович Е.А.* Юкагирский язык // Языки народов СССР. — Л., 1968. — Т. V.
- Ксенофонтов Г.В.* Расшифровка двух памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья М. Рязяненом // Язык и мышление. — Л., 1933. — Т. I. — С. 170—173.
- Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1937. — Т. I. — 573 с.
- Лебедев В.Д.* Язык эвенов Якутии. — Л.: Наука, 1978. — 208 с.
- Левитская Л.С.* Историческая фонетика чувашского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1966. — 28 с.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 452 с.
- Малов С.Е.* Древние и новые тюркские языки // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. — 1952а. — Вып. 2. — С. 137—142.
- Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952б. — 116 с.
- Малов С.Е.* Лобнорский язык. — Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1956. — 195 с.
- Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. — 194 с.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л., 1959. — 111 с.
- Мамедов А.М.* Древнетюркская акцентуация и некоторые вопросы развития фонологических систем тюркских языков // Советская тюркология. — 1970. — № 5. — С. 58—70.
- Мамедов А.М.* Позиционные и комбинаторные изменения смычных согласных в тюркских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1979. — 33 с.
- Мандрова Н.А.* Консонантизм в языке чалканцев: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1982. — 23 с.
- Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. — 227 с.

Махмуд Кошғарий. Девону луғотит турк. — Тошкент: Фан, 1960. — Т. 1. — 499 с.

Махмуд Кошғарий. Девону луғотит турк. — Тошкент: Фан, 1961. — Т. 2. — 427 с.

Махмуд Кошғарий. Девону луғотит турк. — Тошкент: Фан, 1963. — Т. 3. — 463 с.

Махмуд Кошғарий. Девону луғотит турк. — Тошкент: Фан, 1966. — Т. 4. — 550 с.

Меркурьев К.В. Бачатско-телеутский консонантизм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 1975.

Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. — М., 1957. — 715 с.

Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестн. ЛГУ. — 1957. — № 8. — С. 129—130.

Наделяев В.М. Выступление на координационном совещании по вопросам методов изучения истории тюркских языков // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. — Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1961. — С. 193—197.

Наделяев В.М. Чтение орхоно-енисейского знака *** и этимология имени Тоньукука // Тюркологические исследования. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 197—213.

Наделяев В.М. Графика и орфография долганского языка // Экспериментальная фонетика сибирских языков. — Новосибирск, 1982. — С. 3—51.

Наделяев В.М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. — Кызыл, 1986а. — С. 53—63.

Наделяев В.М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. — Новосибирск, 1986б.

Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. — 87 с.

Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. — 122 с.

Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. — М.: Наука, 1974. — 101 с.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Ч. 1. — 263 с.

Новикова К.А. Очерк диалектов эвенского языка. — Л.: Наука, 1980. — 242 с.

Окладников А.П. Происхождение якутской народности // Тез. докл. II Всесоюзного географического съезда. — М.; Л., 1947. — С. 33—34.

Окладников А.П. История Якутии. — Якутск, 1949. — Т. 1. — 436 с.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 428 с.

Окладников А.П., Барашков И.И. Древняя письменность якутов. — Якутск, 1942.

Патачакова Д.Ф. Качинский диалект // Диалекты хакасского языка. — Абакан, 1973а.

Патачакова Д.Ф. Примечания к «Словарю языка, употребляемого кызыльцами и сагайцами» Г.И. Спасского // Диалекты хакасского языка. — Абакан, 1973б. — 159 с.

Патачакова Д.Ф. Формы повелительно-желательного наклонения в диалектах хакасского языка // Вопросы хакасской филологии. — Абакан, 1977.

Патачакова Д.Ф. О звуках *ч* и *щ* в кызыльском диалекте хакасского языка // Языки народов Сибири. — Кемерово, 1978.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. — СПб.; Пг.; Л., 1907—1930. — Вып. 1—13.

Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. — Якутск, 1978. — 298 с.

Петров Н.Е., Слепцов П.А., Барашков П.П. Очерки развития якутского литературного языка в советскую эпоху. — Якутск, 1971. — 143 с.

Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем. — М.: Наука, 1982. — 127 с.

Попов Г.В. Еще раз о словах неизвестного происхождения // Лексикологические исследования. — Якутск, 1976. — С. 148.

Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка: Сравнительно-историческое исследование. — Якутск, 1986. — 148 с.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. — Ч. I—II. — 451 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1893—1911. — Т. I—IV.

Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. — 254 с.

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. — 252 с.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М.: Наука, 1978. — 287 с.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М.: Наука, 1980. — 114 с.

Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. — М.: Наука, 1982. — 198 с.

Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и русского языков. — Л.: Наука, 1975. — 212 с.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? // Вопр. языкознания. — 1974. — № 2. — С. 31—45.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. — 276 с.

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1955. — 222 с.

Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии. — М.: Наука, 1972. — С. 78—99.

Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. — Пг., 1922. — С. 8—15.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — Т. 1. — 240 с.

Сборник диалектологических материалов якутского языка. — Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. — 132 с.

Севортян Э.В. Фонетика турецкого литературного языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 150 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974. — Т. I—IV. — 767 с.

Сегленмей С.Ф. Инвентарь согласных фонем современного тувинского языка // Исследования звуковых систем сибирских языков. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 90—109.

Селютина И.Я. Инвентарь согласных фонем языка кумандинцев // Сибирский фонетический сборник. — Улан-Удэ, 1976. — С. 60—86.

Селютина И.Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. — Новосибирск: Наука, 1983. — 179 с.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Баку, 1979. — 303 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке. — Якутск, 1964. — 195 с.

Слепцов П.А. Саха тылын историята. — Якутск, 1983. — 115 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. — М.: Наука, 1984. — 484 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Под ред. В.И. Цинциус. — Л., 1971, 1977. — В 2 т.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М.: Наука, 1991. — 297 с.

Талипов Т.Т. Фонетика уйгурского языка. — Алма-Ата: Наука, 1987. — 256 с.

Тарасенко Р.Ф. Категория принадлежности в тюркских языках // Исследования по восточной филологии. — М.: Наука, 1974. — С. 238—240.

Тенишев Э.Р. Саларский язык. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. — 55 с.

Тенишев Э.Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу // Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку: Изд-во АН АзербСССР, 1964. — С. 124—136.

Тенишев Э.Р. О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР) // Вопр. языкознания. — 1966. — № 1. — С. 88—96.

Тенишев Э.Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // Советская тюркология. — 1973. — № 2. — С. 40—45.

Тенишев Э.Р. О наддиалектном характере тюркских рунических памятников. — Л.: Наука, 1976а. — С. 164—172.

Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. — М.: Наука, 1976б. — 575 с.

Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. — М.: Наука, 1976в. — 307 с.

Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. — М.: Наука, 1966. — 84 с.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. — 293 с.

Тюркские языки // Языки народов СССР. — М.: Наука, 1966. — 531 с.

Тюркские языки // Языки мира. — Бишкек, 1997. — 542 с.

Убрятова Е.И. Взаимодействие языков на материале взаимоотношений якутского и эвенкийского языков // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. — 1956. — № 9.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1960а. — 151 с.

Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960б. — 13 с.

Убрятова Е.И. О языке долган // Языки и фольклор народов Севера. — М.; Л.: Наука, 1966а. — С. 41—69.

Убрятова Е.И. Якутский язык // Языки народов СССР. — М., 1966б.

Убрятова Е.И. Гипотеза В.В. Радлова о происхождении якутского народа // Материалы конф. «Этногенез народов Северной Азии». — Новосибирск, 1969. — С. 29—30.

Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. — Якутск, 1985а. — 60 с.

Убрятова Е.И. Язык норильских долган. — Новосибирск: Наука, 1985б. — 216 с.

Убрятова Е.И. Язык народа — исторический источник // Историческая грамматика якутского языка. — Якутск, 1985в. — С. 43—56.

Фазылов Э.И., Зияева М.Т. Изысканный дар тюркскому языку. — Ташкент, 1978.

Хабичев М.А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. — Черкесск, 1961.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. — Якутск, 1947. — Ч. 1. Фонетика и морфология. — 312 с.

Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 312 с.

Харитонов Л.Н. Форма глагольного вида в якутском языке. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 312 с.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. — М., 1982.

Хитров Д. Краткая грамматика якутского языка. — М.: Синодальная типография, 1858. — 137 с.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. — Л.: Учпедгиз, 1949. — 342 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. — 662 с.

Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. — Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1974. — 136 с.

Чанков Д.И. Согласные хакасского языка. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. — 107 с.

Чумакаева М.Ч. Согласные алтайского языка. — Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1978. — 243 с.

Широбокова Н.Н. Изменение сибилатов в якутском языке // Теоретические аспекты лингвистических исследований. — Новосибирск, 1984. — С. 142—148.

Щербак А.М. О методах исследования языковых параллелей в связи с алтайской гипотезой // Доклады делегации СССР на XXV Международной Конференции востоковедов. — М., 1960.

Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 204 с.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л.: Наука, 1970. — 204 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. — Л.: Наука, 1977. — 190 с.
Эргис Г.У. Нюргун Боотур Стремительный. — Якутск, 1947.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. — М., 1965.

Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. — М., 1972.

Ястремский С.В. Грамматика якутского языка // Труды якутской экспедиции. — Иркутск, 1900. — Отд. II, т. III, ч. 2, вып. 2. — 307 с.

Bazen L. Structure et tendances communes des langues turques (Sprachbau) // Philologiae Turcica Fundamenta. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959. — P. 11—21.

Benzing J. Remarques sur les langues tongouses et leurs relations avec les autres langues dites "altaïques" // Ural-Alt. Jahrbuch. — 1953. — Bd. 25, H. 1—2.

Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Liteatursprachen Mittelasiens. — Leiden, 1954. — 429 S.

Böhtlingk O.N. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik // Middendorf A. Sibirische Reise. — SPb., 1851. — Bd. III, T.1. — 484 S.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish // Oxford: Clarendon Press, 1972. — XLVIII+989 p.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen // Wiesbaden: Otto Harrassowitz. — Bd. I. — 1963. — 560 S.; Bd. II. — 1965. — 671 S.; Bd. III. — 1967. — 670 S.; Bd. IV. — 1972. — 650 S.

Doerfer G. Khalaj Materials // Bloomington: Indiana university publications, 1971. — 331 p.

Gabain A. Alttürkische Grammatik // Leipzig, 1950. — 373 s.

Grönbech K. Kommanisches Wörterbuch. — Köbenhavn: Einar Muntasgaard, 1942. — 314 S.

Johanson L. The history of Turkic // The Turkic Languages. — London; New York, 1998. — P. 81—124.

Kalużyński St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache // Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961. — 170 S.

Kalužynski St. Jakutische Wortforschungen. Einsilbige Stämme // Central Asiatic Journal. — 1962. — Vol. VII, N 3. — S.179—191.

Kara G. Le glossaire yakoute de Witsen // Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. — Budapest: Akademiai kiado, 1972. — P. 431—439.

Ligeti L. Les anciens elements mongol dans le mandchou // Acta orientalia. — 1960. — T. 10, fasc. 3.

Menges K. The turkic languages and peoples. An introduction to turkic studies // Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968. — 248 p.

Nemeth J. Die Türken von Vidin. Sprache. Folklore. Religion. — Budapest: Akademiai kiado, 1965. — 420 S.

Poppe N. Introduction to altaic linguistics. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1955a. — 212 p.

Poppe N. On some mongolian loan words in Evenki // Central Asiatic Journal. — 1955b. — Vol. I, N 1. — P. 36—42.

Poppe N. Das Jakutische // Philologiae Turcicae Fundamenta. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1959. — S. 671—684.

Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen // Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960. — T. I. Vergleichende Lautlehre. — 188 s.

Poppe N. Jakutische Etymologien // Ural-Alt. Jahrbuch. — 1961. — T. XXXIII, H. 1—2. — S. 135—141.

Poppe N. On some ancient Mongolian loan words in Tungus // Central Asiatic Journal. — 1966. — Vol. XI, N 3. — P. 187—198.

Pritsak O. Das Altaitürkische // Philologiae Turcicae Fundamenta. — Wiesbaden, 1959. — T. I.

Pritsak O. Das Alttürkische // Ural-Alt. Jahrbuch. — 1961. — Bd. XXXIII, H. 1—2. — S. 142—145.

Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. — Leipzig, 1882.

Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen // Abteilung histor.-filol. — SPb.: Kaiserliche Akademie Wissenschaft, 1908. — T. VIII, N 7. — 86 S.

Radloff W. Alttürkische Studien. — SPb., 1909—1912. — T. I—IV.

Ramstedt G. Kalmückisches Wörterbuch // Helsinki: Lexika societatis fenno-ungricae, 1935. — S. XXX+560.

Ramstedt G. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft // Helsinki: Suomalais ugrilainen seura, 1969. — T. I. Lauthlere. — 192 S.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen // Helsinki: Lexika societatis fenno-ungricae, 1969. — S. VI+533.

Roos M. Preaspiration in Western Yugur monosyllables // Turcologica 32. The Mainz meeting. — Harrassowitz, 1998. — P. 28–73.

Sinor D. Introduction a l'étude de l'Eurasie Centrale. — Wiesbaden: Harrassowitz, 1963.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ	21
1. Типы фонологических систем	21
2. Губные согласные	42
3. Переднеязычные смычные согласные	58
4. Переднеязычный проточный s	75
5. Среднеязычные согласные	94
6. Заднеязычные и увулярные согласные	96
Глава 2	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОНСОНАНТИЗМА СОВРЕМЕННОГО ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА	106
1. Субстрат в якутском языке	106
2. О якутско-монгольских контактах	109
3. О некоторых процессах в якутском языке, имеющих параллели в других тюркских языках	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	131
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	134

Научное издание

Широбокова Наталья Николаевна

**ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ЯКУТСКОГО КОНСОНАНТИЗМА**

Редактор *Н. С. Дерябина*

Художник *Н. С. Попов*

Корректоры *С. М. Погодина, Л. А. Анкушева*

Технический редактор *Н. М. Остроумова*

Оператор электронной верстки *С. К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 09.06.01. Подписано в печать 18.06.01.

Бумага офсетная. Формат 84 × 108^{1/32}. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 7,98. Тираж 500 экз. Заказ № 295.

Сибирская издательская фирма "Наука" РАН.

630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.

Типография "Сибвузиздат".

630099, Новосибирск, ул. Каменская, 52.